ISSN 0131-6044

РОМАН-ГАЗЕТА

12 (1162)·1991

Владимир Карпов

МАРШАЛ ЖУКОВ, ЕГО СОРАТНИКИ И ПРОТИВНИКИ В ГОДЫ ВОЙНЫ И МИРА

РОМАН-ГАЗЕТА — НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

«РОМАН-ГАЗЕТА» — сегодня самый массовый и самый доступный журнал художественной литературы. Он издается с 1927 года. В условиях резкого падения читательского спроса на периодические издания «Роман-газета» сохранила число своих подписчиков. Ее тираж в настоящее время равен трем миллионам экземпляров. Наше издание распространяется во всех регионах страны, а также более чем в ста государствах мира.

За годы существования «Роман-газеты» в ней выступило 557 авторов, чьи произведения изданы в 1162 номерах, тиражом 1 миллиард 564 миллионов экземпляров.

Издательские планы «Роман-газета» формирует, опираясь на мнение читателей (ежегодно проводится заочный опрос тысяч подписчиков), а также ведущих писателей и литературоведов, входящих в состав редакционной коллегии. Это позволяет отобрать для публикации именно те произведения отечественной и мировой прозы, которые пользуются наибольшим спросом. И вместе с тем отличаются высокими литературно-художественными достоинствами.

Каждые две недели выходит очередной номер «Роман-газеты». Всего за один рубль десять копеек житель любого населенного пункта страны, даже самого отдаленного, имеет возможность пополнить личную библиотеку новым изданием популярного романа или повести, которые не всегда можно найти в магазинах и даже взять в общественных библиотеках.

В последующем редакция «Роман-газеты» предполагает знакомить своих читателей с еще более широким кругом авторов, как отечественных, так и зарубежных.

«Роман-газета» сотрудничает со многими государствами, общественными и кооперативными организациями разных регионов страны в реализации дополнительных издательских программ.

«Роман-газета» ныне открыта для дальнейшего международного сотрудничества как в реализации совместных издательских программ, так и в создании совместных предприятий.

«Роман-газета» участвует в ряде общественных и благотворительных фондов («Русская энциклопедия», общество «Бежин Луг» в Тульской области, Общество по связи с соотечественниками за рубежом и др.) и предполагает создать свой фонд поддержки отечественной литературы — фонд «Роман-газеты».

При содействии и участии «Роман-газеты» готовятся к изданию и издаются:

— Юношеская роман-газета;
— Альманах «Русское зарубежье»;
— Детская роман-газета.

Мы предполагаем и впредь расширять круг «спутниковых» и самостоятельных изданий.

Итак, «Роман-газета» — народное издание для широких масс читателей.

Мы приглашаем Вас подписываться и участвовать в деятельности народного журнала.

РОМАН-12
НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
МОСКВА
ГАЗЕТА
(1162)·1991
Основана в 1927 г

Владимир Карпов

МАРШАЛ ЖУКОВ, ЕГО СОРАТНИКИ И ПРОТИВНИКИ В ГОДЫ ВОЙНЫ И МИРА

(Литературная мозаика)

РОКОВАЯ НОЧЬ

Ночь на 22 июня 1941 года вошла в историю, она стала ночью, во мраке которой было начато одно из самых больших злодеяний в истории человечества. Большинство преступлений, грабежей, убийств всегда вершилось под покровом ночи. «Аки тать в нощи», говорит русская поговорка, разбойники накидывались на жертвы.

Так было и в ту роковую ночь. Спали народы нашей страны. Спала Европа. Спали в казармах красноармейцы. Спали в своих квартирах командиры.

Спали и те «более двадцати миллионов» человек, кому было предназначено лечь в землю и остаться в истории под коротким бесстрастным словом «потери». Еще живые, теплые и расслабленные, они отдыхали в мягких постелях рядом с женами, детьми, родными и близкими, кому уже тоже было предрешено до конца своих дней проливать о них слезы.

Не спали лишь дежурные в штабах частей и соединений у телефонов и опечатанных сейфов, в которых хранились в красных пакетах, залитых по углам тяжелыми сургучными печатями, боевые приказы на случай войны. Никто не знал, что написано в этих приказах (и мы пока не будем говорить об этом), команда на вскрытие пакета должна была поступить по телефону только от вышестоящего командира, и вскрыть пакет имел право тоже только лично командир.

И еще не спали в эту ночь, как и во все предыдущие ночи, работники Наркомата внутренних дел. Они были заняты своей обычной ночной работой, арестовывали «врагов народа», допрашивали в своих многочисленных тюрьмах или расстреливали тех, чей час, как говорится, пробил.

Усилия этих органов, острие их карающего меча были в предвоенные годы обращены внутрь страны. До того увлеклись они этой своей работой, опьяняющей вседозволенностью и безнаказанностью, что даже не разглядели очень многих гитлеровцев, переодетых в красноармейскую форму, которые еще до начала боевых действий нарушали связь, совершали диверсии и террористические акты.

Окончание. Начало см. «Роман-газета» № 11—1991 г.

В эту ночь начали активно действовать засланные на нашу территорию диверсионные группы. В первый же час войны был сброшен на парашютах в наши тылы целый полк специального назначения «Бранденбург». Его солдаты и офицеры, диверсанты высокого класса, были разделены на множество групп, которые приступили к нарушению линий связи, уничтожению командного состава. Они же наводили свои самолеты на расположение наших частей в ночное время, распространяли слухи, предпринимали различные меры, чтобы породить панику и неразбериху.

Не спала в эту ночь и вся немецкая армия. Под покровом темноты сотни тысяч солдат, офицеров и генералов, крадучись, двинулись в сторону советской границы. Первыми вылетели самолеты, чтобы в 3 часа 30 минут быть над городами, намеченными для бомбардировки. Первые бомбы должны разорваться одновременно со снарядами, которыми выстрелят в эти минуты десятки тысяч орудий и минометов. Вся пограничная зона, прилегающие к ней города от Балтийского до Черного моря должны быть покрыты огнем разрывов. Взрывы должны в этой зоне убить людей, разрушить дома, укрепления, сжечь, уничтожить склады с боеприпасами, продовольствием и горючим. Смешать живое и мертвое и открыть путь армадам танков, автомобилей и тягачей; ревя моторами, они повезут на чужую землю миллионы сильных, здоровых людей, которым предстояло стать не только убийцами, но, в свою очередь, мертвецами и калеками.

Чтобы осуществить внезапное нападение под покровом ночи, колонны наземных войск двигались к границе с погашенными фарами. Не зажигая огней, темными силуэтами вышли из баз военные корабли. Немецкая авиация была поднята со своих аэродромов в разное время, но все авиационные соединения пересекли границу одновременно с началом артиллерийского обстрела. Самолеты врага обрушили мощный бомбовый удар по хорошо разведанным аэродромам, застали наши самолеты на земле и нанесли огромные потери.

В штабах с зашторенными окнами над развернутыми картами склонились немецкие маршалы, генералы и офицеры: все рассчитано, расписано, определено: «ди эрсте колонне марширт, ди цвайте колонне марширт...»

Вот дневниковая запись генерала Гудериана, командующего 2-й танковой группой, одного из тех бронированных клиньев, которым предстояло вонзиться в нашу оборону и расколоть ее, чтобы затем окружить и уничтожить Красную Армию еще до рубежа Днепра.

«20 и 21 июня находился в передовых частях моих корпусов, проверяя их готовность к наступлению. Тщательное наблюдение за русскими убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они проводили развод караулов. Береговые укрепления вдоль Западного Буга не были заняты русскими войсками. Работы по укреплению берега едва ли хоть сколько-нибудь продвинулись вперед за последние недели. Перспективы сохранения момента внезапности были настолько велики, что возник вопрос, стоит ли при таких обстоятельствах проводить артиллерийскую подготовку в течение часа, как это предусматривалось приказом. Только из осторожности, чтобы избежать излишних потерь в результате неожиданных действий русских в момент форсирования реки, я приказал провести артиллерийскую подготовку в течение установленного времени.

В роковой день 22 июня 1941 г. в 2 часа 10 мин. утра я поехал на командный пункт группы и поднялся на наблюдательную вышку южнее Богокулы, 15 км северо-западнее Бреста. Я прибыл туда в 3 часа 10 мин., когда было темно. В 3 часа 15 мин. началась наша артиллерийская подготовка. В 3 часа 40 мин.— первый налет наших пикирующих бомбардировщиков. В 4 часа 15 мин. началась переправа через Буг передовых частей 17-й и 18-й танковых дивизий. В 4 часа 45 мин. первые танки 18-й танковой дивизии форсировали реку. Во время форсирования были использованы машины, уже испытанные при подготовке плана «Морской лев». Тактико-технические данные этих машин позволяли им преодолеть водный рубеж глубиной до 4 метров...

Внезапность нападения была достигнута на всем фронте танковой группы. Западнее Брест-Литовска (Бреста) 24-м танковым корпусом были захвачены все мосты через Буг, оказавшиеся в полной исправности. Северо-западней крепости в различных местах полным ходом шла наводка мостов. Однако вскоре противник оправился от первоначальной растерянности и начал оказывать упорное сопротивление. Особенно ожесточенно оборонялся гарнизон имеющей важное значение крепости Брест, который держался несколько дней, преградив железнодорожный путь и шоссейные дороги, ведущие через Западный Буг и Мухавец».

В ночь на 22 июня в Москве в здании Генерального штаба и Наркомата обороны все окна светились ярким светом. Жуков сидел за массивным письменным столом, говорил по телефону с командующими западными округами, спрашивал, доведена ли директива до войск, спокойно ли на границе. Все работники Генштаба были на своих местах.

Накануне поступили многочисленные доклады (да и прежде их было немало) о возможном нападении Германии в ближайшие дни. Сообщения наших разведчиков из-за границы, показания немецких военнослужащих-перебежчиков, сообщения доброжелателей из-за кордона — все сходилось на том, что нападение неотвратимо.

Вечером 21 июня Жукову позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев, он доложил:

— К пограничникам явился немецкий фельдфебель, перебежал с той стороны, утверждает, что он наш друг и доброжелатель, поэтому сообщает: немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Закончив разговор с Пуркаевым, Жуков немедленно позвонил наркому обороны Тимошенко и затем, с его разрешения, Сталину: доложил о сообщении перебежчика.

Сталин коротко приказал Жукову:

— Приезжайте с наркомом в Кремль.

Текст директивы войскам о приведении в полную боевую готовность и занятии позиций для отражения удара противника был заготовлен давно, Жуков не раз брал его с собой, собираясь на доклад к Сталину, но каждый раз Сталин не решался подписать этот документ, по его мнению, неминуемо повлекший бы начало войны. И вечером 21 июня, отправляясь вместе со своим заместителем в Кремль, Жуков опять взял эту директиву.

В приемной встретил Поскребышев, невысокий лобастый человек с бледным лицом. Он казался неотъемлемой частью этой комнаты, всегда, в любое время дня и ночи, он был здесь, даже когда самого Сталина не было в кабинете. И еще здесь всех постоянно встречал и строго и тяжело смотрел на всех портрет Сталина в буденовке. Жуков видел этот портрет не в первый раз. Почему именно эта фотография времен гражданской войны висит здесь и когда Сталин так хорошо и удачно сфотографировался? В гражданскую вроде бы и фотоаппаратов таких не было, чтоб можно было щелкать на ходу, тогда работали громоздкими аппаратами, на трехногих штативах, поджигая для освещения магний, который после яркой вспышки густо дымил.

Сталин был в кабинете один, он спросил:

— А не подбросили немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт?

Всеми силами Сталин стремился оттянуть войну, он много месяцев не разрешал предпринимать каких-либо мер у западной границы, которые могли вызвать раздражение, дать предлог для начала военных действий.

Жуков понимал эту осторожность Сталина, в те дни вообще все поступки Сталина считались единственно правильными, все верили в его абсолютную непогрешимость. Не только возражать ему, а просто не поддерживать, не разделять того, во что верил или хотел верить Сталин, было недопустимо и даже опасно.

Тимошенко, как и все из близкого окружения Сталина, знал это и никогда ни в чем не возражал, но на этот раз обстановка была настолько напряженной, что он решился быть более настойчивым и твердо ответил:

— Нет, считаем, что перебежчик говорит правду.

В этих словах наркома, несмотря на всю их решительность, все же проступает то чувство неуверенности, боязни, которое охватывало тогда всех, кто встречался со Сталиным. И за твердым голосом Тимошенко нетрудно было уловить его стремление не брать всю ответственность на себя одного, а разделить ее с другими — не «считаю», а «считаем», сказал он.

Видно, Сталин, вызывая к себе наркома и начальника Генштаба, приказал Поскребышеву пригласить и членов Политбюро — они один за другим входили в кабинет, и каждый молча садился на свой, негласно закрепленный за ним стул. Сталин коротко пересказал членам Политбюро сообщение наркома обороны и тут же спросил:

— Что будем делать?

Все молчали. Ответил Тимошенко:

— Надо немедленно дать директиву о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность.

— Читайте,— велел Сталин, уверенный, что текст директивы уже подготовлен.

Тимошенко взглянул на Жукова, тот раскрыл папку и прочитал проект.

Заслушав его, Сталин возразил:

— Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем...

Сталину все еще казалось, если он не поверит в очередное сообщение разведки, то нападение не состоится.

— Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска пограничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Жуков и Ватутин вышли в приемную, быстро переработали проект директивы в соответствии с указанием Сталина и вернулись в кабинет.

Жуков прочитал новый текст. Сталин взял бумагу, перечитал ее, сделал несколько поправок и передал наркому:

— Подписывайте.

Обратим внимание на то, что, принимая такое ответственное решение — на грани войны,— Сталин не спросил мнения членов Политбюро, да и ни один из них не нашел нужным сказать что-либо, что наглядно демонстрирует характер отношений внутри Политбюро и единовластие Сталина.

Вот что было в этой первой директиве:

«Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота.

1. В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность.

Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

21.6.41 г. Тимошенко
Жуков».

После того как Сталин одобрил этот текст и Тимошенко с Жуковым его подписали, Ватутин выехал в Генеральный штаб, чтобы срочно передать директиву в округа.

...Вот и сидел в своем кабинете Георгий Константинович и проверял — дошла ли директива в округа, быстро ли ее там расшифровывают, приступили ли к выполнению этой директивы войска, какова обстановка на границе.

Как пишет Георгий Константинович в своих воспоминаниях, его не покидало беспокойство, что директива в войска может запоздать. 22 июня уже наступило, именно на этот день предсказывалось нападение, а многие важнейшие мероприятия на нашей стороне еще не были завершены, и именно поэтому Жукова, как он говорит, «обуревали тревожные размышления».

Еще не начинало светать. Жуков находился в кабинете наркома обороны. В 3 часа 07 минут раздался звонок телефона ВЧ. Звонил командующий Черноморским флотом адмирал Ф. С. Октябрьский:

— Система ВНОС[1] флота доказывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний.

Жуков спросил:

— Ваше решение?

— Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота.

Жуков спросил Тимошенко и, получив его согласие, ответил Октябрьскому:

— Действуйте и доложите своему наркому.

Тут же зазвонил другой телефон, и, подняв трубку, Жуков услышал доклад начальника штаба Западного округа генерала В. Е. Климовских:

— Немецкая авиация бомбит города Белоруссии.

Следующий доклад был начальника штаба Киевского округа генерала М. А. Пуркаева:

— Авиация противника бомбит города Украины.

В 3 часа 40 минут доложил командующий Прибалтийским округом генерал Ф. И. Кузнецов:

— Вражеская авиация бомбит Каунас и другие города Прибалтики.

Тимошенко некоторое время был хмур и молчалив, а затем решительно сказал:

— Звони Сталину.

Жуков набрал номер телефона дачи Сталина. Долго никто не поднимал трубку, Жуков настойчиво набирал номер несколько раз, наконец послышался голос генерала Власика, начальника охраны Сталина.

— Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным,— сказал Жуков.

Власик долго молчал, пораженный просьбой Жукова, за всю долгую свою службу генерал не знал ни одного случая, когда кто-либо осмеливался беспокоить Сталина так поздно.

Негромко, словно стараясь не разбудить Сталина, генерал ответил:

— Товарищ Сталин спит.

— Будите немедля: немцы бомбят наши города! — сказал Жуков.

Через несколько минут к аппарату подошел Сталин и глухо сказал:

— Слушаю...

— Товарищ Сталин, немецкая авиация бомбит наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Просим разрешения начать ответные боевые действия.

Сталин долго молчал, Жуков слышал только его дыхание в трубке телефона. Молчание Сталина было так продолжительно, что Жуков подумал о том, что Сталин не расслышал его, и спросил:

— Вы меня поняли?

Но в трубке продолжалось долгое молчание. Наконец Сталин спросил:

— Где нарком?

— Нарком говорит по ВЧ с Киевским округом.

— Приезжайте в Кремль с Тимошенко. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал туда же всех членов Политбюро.

В 4 часа 30 минут утра 22 июня все члены Политбюро собрались в кабинете Сталина. Жуков и нарком обороны ожидали в приемной. Вскоре их пригласили в кабинет. Когда Жуков и нарком вошли в кабинет, Сталин, обращаясь к Молотову, сказал:

— Надо срочно позвонить в германское посольство.

Молотов здесь же в кабинете подошел к телефону и позвонил. Разговор его был недолгим, и он тут же сообщил всем присутствующим:

— Посол граф фон Шуленбург просит принять его для срочного сообщения.

— Иди принимай и потом возвращайся немедленно сюда,— сказал Сталин.

Молотов как нарком иностранных дел принимал германского посла фон Шуленбурга в своем кабинете в Кремле. Несколько часов тому назад, в 21 час. 30 минут вечера, они встречались в этом же кабинете. Причем тогда Шуленбург прибыл сюда по приглашению Молотова. Он был явно удивлен или делал вид, что удивлен, тем, что его вызвали в субботу, поздно вечером. Это выпадало из всех существовавших норм дипломатического общения. Молотов сказал тогда немецкому послу о том, что Советское правительство обратилось к германскому с вербальной но-

[1] Система воздушного наблюдения, оповещения, связи.

той, которую передало через своего полпреда в Берлине, однако Риббентроп не принял советского полпреда, и разговор проводился только на уровне статс-секретаря. Учитывая это, Молотов просит Шуленбурга связаться со своим правительством и передать ему содержание этой вербальной ноты. В ней говорится о все учащающихся нарушениях немецкими самолетами советского воздушного пространства; только с 19 апреля по 19 июня 1941 года было зафиксировано 180 перелетов через нашу границу, причем самолеты углублялись на советскую территорию на 100—150 и более километров. Никаких мер в ответ на наши неоднократные заявления германское правительство не принимает и даже не считает нужным ответить на вербальную ноту.

После этого Молотов, как бы уже переходя на неофициальный разговор, спросил графа фон Шуленбурга:

— Какие, собственно, есть претензии у Германии к Советскому Союзу? За последнее время становятся все более устойчивыми слухи о якобы возможной войне между Германией и СССР. Советское правительство, со своей стороны, пытается реагировать на эти слухи, вот, например, в сообщении ТАСС от 14 июня эти слухи объявляются ложными, германское же правительство по этому поводу не дало ни одного опровержения. Чем это все объясняется?

Фон Шуленбург пожимал плечами, выглядел виноватым, но ничего конкретного не ответил.

И вот прошло всего несколько часов после той встречи, и теперь перед Молотовым стоял совсем другой Шуленбург, он был, вернее, старался быть предельно официальным и строгим, но явно сильно волновался, не только руки, но даже и голос его подрагивал. Может быть, такое сильное волнение проявлялось у Шуленбурга еще и потому, что он, конечно, понимал, что говорит неправду и что обвинения, которые он официально передает от имени германского правительства, надуманны и нужны лишь для того, чтобы развязать себе руки. А говорил он о том, что Советское правительство будто бы концентрирует войска на своей западной границе и угрожает нападением Германии. Говорил он о том, что большевистская Москва, которая, согласно договорам, заключенным с Германией, считается ее союзницей, на самом деле готовится нанести национал-социалистской Германии удар с тыла. И что под давлением таких серьезных угроз политическо-военного и военного характера, исходящих от Советской России, Германия начиная с этого утра принимает соответствующие контрмеры.

Фон Шуленбург говорил еще что-то о том, что он всегда был другом Советской России и очень сожалеет, что ему не удалось предотвратить такие роковые решения, но Молотов этих фраз словно бы уже и не слышал. В его сознании пульсировало только одно слово — война, война, война...

Молотов шел по кремлевским коридорам очень быстро, почти бежал. Распахнув дверь в кабинет Сталина, он прямо с порога громко сказал:

— Германское правительство объявило нам войну.

При этих словах, как пишет Жуков в своих воспоминаниях, «Сталин опустился на стул и глубоко задумался.

Наступила длительная, тягостная пауза».

Члены Политбюро молчали. Молчал Сталин. Первым нарушил затянувшееся молчание Жуков. Он сказал:

— Разрешите немедленно обрушиться на вторгнувшегося противника всеми имеющимися в приграничных округах силами и задержать его дальнейшее продвижение.

Видимо желая облегчить тяжесть момента, маршал Тимошенко решительно добавил:

— Не задержать, а уничтожить!

Сталин поднялся со стула и, еще явно плохо владея собой, сказал:

— Давайте директиву.

Как уже говорилось выше, наши военные планы во многом исходили из неоднократно объявленной доктрины: если враг нападет на Советскую страну, то он будет изгнан с нашей земли и разбит на его собственной территории, причем война будет вестись малой кровью, а в тылу врага нам помогут братья по классу; составной частью доктрины было утверждение: ни одного вершка чужой земли не хотим, но и своей земли ни одного вершка не отдадим никому.

В 7 часов 15 минут 22 июня была дана войскам директива наркома обороны № 2. В этой директиве приказывалось:

«1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения наземными войсками границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиации установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100—150 км, разбомбить Кенигсберг и Мемель. На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать».

Отдавая подобный приказ войскам, ни Сталин, ни руководство Наркомата обороны не знали, что происходит в пограничных округах. Достаточно обратить внимание на нереальность задач, поставленных в этой директиве. К этому моменту огромное количество советских самолетов уже было уничтожено на своих же аэродромах, так что они не могли разбомбить не только Кенигсберг и Мемель, но и выполнять более ограниченные задачи по поддержке боевых действий наземных войск.

Войска не успели выполнить первую директиву от 21 июня, которая предписывала им занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе. Директива поступила в войска с большим опозданием; выяснилось, как пишет Жуков в своих

воспоминаниях, «что перед рассветом 22 июня во всех западных приграничных округах была нарушена проводная связь с войсками и штабы округов и армий не имели возможности быстро передать свои распоряжения. Заброшенные ранее немцами на нашу территорию диверсионные группы разрушали проволочную связь. Убивали делегатов связи, нападали на командиров. Радиосредствами значительная часть войск приграничных округов не была обеспечена».

В результате такого опоздания распоряжений Генерального штаба и подчиненных ему штабов войска начали выходить к государственной границе в 4—6 часов утра 22 июня, то есть тогда, когда авиация противника была уже хозяйкой в воздухе и могла беспрепятственно — после уничтожения нашей авиации — бомбить движущиеся колонны советских частей.

Директива наркома обороны № 2 оказалась явно нереальной, а потому тоже не была выполнена. По сути дела, Наркомат обороны и сам Сталин не могли компетентно руководить боевыми действиями войск в этот первый день войны, о чем свидетельствует Жуков в своей книге: «Генеральный штаб, в свою очередь, не мог добиться от штабов округов и войск правдивых сведений, и, естественно, это не могло не поставить на какой-то момент Главное Командование и Генеральный штаб в затруднительное положение».

В своих воспоминаниях Хрущев так передает ту растерянность, которая в первые часы войны охватила руководство страны и больше всего Сталина:

«Он, видимо, был совершенно парализован в своих действиях, не мог собраться с мыслями. Потом уже, позже, после войны, я узнал, что в первые часы войны Сталин был в Кремле. Это говорили мне Берия и Маленков.

Берия рассказал следующее. Когда началась война, у Сталина собрались члены Политбюро. Я не знаю, все ли или определенная группа, которая чаще всего собиралась у Сталина. Сталин был совершенно подавлен морально. Он сделал примерно такое заявление: «Началась война, она развивается катастрофически. Ленин нам оставил пролетарское Советское государство, а мы его просрали». Он буквально так и выразился, по словам Берия. «Я,— говорит,— отказываюсь от руководства». И ушел. Ушел, сел в машину и уехал на ближнюю дачу.

«Мы,— говорит Берия,— остались. Что же дальше? После того как Сталин так себя повел, прошло какое-то время. Мы посовещались с Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым. (Хотя был ли Ворошилов, я не знаю, потому что в это время он был в опале у Сталина из-за провала операции против Финляндии.— **Н. Х.**) Посовещались и решили поехать к Сталину и вернуть его к деятельности с тем, чтобы использовать его имя и его способности в организации обороны страны.

Мы поехали. Когда мы приехали, то я по лицу видел, что Сталин очень испугался. Я думаю, он подумал, не приехали ли мы арестовать его за то, что он отказался от своей роли и ничего не предпринимает по организации отпора немецкому нашествию.

Когда мы стали его убеждать, что страна наша огромная, что мы еще имеем возможность организоваться, мобилизовать промышленность, людей, одним словом, сделать все, чтобы поднять и поставить на ноги народ в борьбе против Гитлера, только тогда Сталин вроде опять немножко пришел в себя».

До 8 часов утра 22 июня в Генеральном штабе, несмотря на все усилия его работников, так и не удалось установить, что же реально происходит на государственной границе. Но в 9 часов 30 минут утра Сталин вновь встретился с Тимошенко и Жуковым и сказал им:

— В 12 часов по радио будет выступать Молотов.

Затем Сталин прочитал представленный ему Тимошенко и Жуковым проект указа о проведении мобилизации. Он внес исправления и частично сократил размеры этой мобилизации (все еще не верил, что началась большая война!). Затем вызвал Поскребышева, передал ему текст этого указа и сказал, чтоб утвердили в Президиуме Верховного Совета.

Во время этого посещения Тимошенко положил Сталину на стол также проект создания Ставки Главного Командования. Сталин не подписал этот проект сразу и сказал, что обсудит его на Политбюро. Состав Ставки был объявлен на следующий день, 23 июня. Постановлением ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров в нее были введены народный комиссар обороны С. К. Тимошенко — председатель (а по проекту, предложенному накануне, председателем предлагалось сделать сразу И. В. Сталина), начальник Генерального штаба генерал Г К. Жуков, И. В. Сталин, В. М. Молотов, маршалы К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный, нарком Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов.

Такой состав Ставки был объявлен войскам и вошел во все более поздние публикации. Не знаю, по каким причинам не доводился до наркоматов и штабов еще один абзац из этого постановления Совнаркома и ЦК. Он был опубликован впервые в 1990 году в журнале «Известия ЦК КПСС», № 6. Поскольку этот абзац библиографическая редкость и дает пищу для размышления, почему так долго не был обнародован, считаю необходимым познакомить читателей с его текстом.

«При Ставке организовать институт постоянных советников Ставки в составе тт.: маршала Кулика, маршала Шапошникова, Мерецкова, начальника Военно-Воздушных Сил Жигарева, Ватутина, начальника ПВО Воронова, Микояна, Кагановича, Берия, Вознесенского, Жданова, Маленкова, Мехлиса».

Почему же пятьдесят лет не печатали этот абзац? Почему армия и работники народного хозяйства, переводимого на военные рельсы, не прочитали в газетах фамилии тех, кто не только «советовал» Ставке, но и практически осуществлял многие оборонные дела?

Книга уже была в наборе, когда мне стал известен этот текст о советниках. Я провел своеобразное экспресс-микроисследование и, как мне кажется, установил причины пятидесятилетнего сокрытия этого текста.

Первой причиной было то, что произошли события, не согласованные двумя вождями — Сталиным и Берия. Это можно объяснить только суматохой и растерянностью, охватившей и их в первые дни войны. Дело в том, что Сталин включил генерала армии Мерецкова в число советников Ставки, а Берия арестовал его и отправил в камеру на Лубянке.

Не знаю, кто первый обнаружил эту «ошибочку», но успели не допустить публикацию абзаца с именем советника, которого уже спрашивали совсем в другом месте и совсем по иным вопросам.

Конфуз был настолько велик и неприятен, что на этот случай было наложено строжайшее табу и об аресте Мерецкова никогда и нигде не писали и не говорили даже после его освобождения из тюрьмы. А сидел он не один день, и освободили его не сразу после обнаружения «ошибочки».

В книге воспоминаний Кирилла Афанасьевича Мерецкова «На службе народу» (опубликованной уже после смерти Сталина и Берии!) вы не найдете ни одного слова об этом «инциденте». В личном деле маршала, в биографии, написанной Кириллом Афанасьевичем собственноручно (после XX съезда), тоже нет упоминания об аресте. В справочниках, в военной энциклопедии, в солидных многотомниках по истории Отечественной войны не напечатано ни строки об этом беззаконии по отношению к одному из крупнейших советских военачальников в дни, когда его военные знания и опыт были так необходимы для защиты страны.

Говорят, ворон ворону глаз не выклюнет, два деспота, Сталин и Берия, в труднейшие часы вражеского вторжения не хотели подводить друг друга. Сталин, наверное, решил: ну, посадили еще одного генерала, немало их и до этого пересажали, станет одним больше — не велика беда. Верховный тогда еще не понимал масштабов нашествия, думал обойтись без многих, кого он упрятал в тюрьмы или расстрелял.

Сколько же просидел в пыточной камере «советник Ставки» Мерецков? Я ставлю так вопрос потому, что не было ни решения, ни сообщения о выводе его из числа советников. Ответ на этот вопрос, да и то в подтексте, можно найти в воспоминаниях маршала:

«В сентябре 1941 года я получил новое назначение. Помню, как в связи с этим был вызван в кабинет Верховного Главнокомандующего. И. В. Сталин... сделал несколько шагов навстречу и сказал:

— Здравствуйте, товарищ Мерецков! Как вы себя чувствуете?

Вот так все просто, будто вчера расстались! А прошло с июня по сентябрь почти три месяца (и каких — вспомните показания Шварцмана!).

В своей книге Мерецков не написал о том, был ли разговор о его аресте. Но вполне возможно, что именно тогда произнес Сталин одну из своих «крылатых» фраз, которая среди военных ходила как издевательская шутка. В ней не упоминалась фамилия Мерецкова, но якобы на слова о том, что «сидел это время в тюрьме», Сталин, усмехаясь, сказал:

— Нашел время, когда сидеть,— такая война идет!

Возвращаясь к неопубликованному абзацу о советниках Ставки, можно привести еще несколько фактов, почему этот абзац не публиковался и после освобождения из тюрьмы Мерецкова. Дело в том, что позднее, в разное время некоторые советники тоже попадали на Лубянку.

В феврале 1942 года был арестован, судим, лишен званий маршала, Героя Советского Союза и всех наград зам. наркома обороны и советник Ставки Кулик Г И. В январе 1947 года Кулика еще раз арестовали, и (через три года следственных пыток) 24 августа 1950 года — он был расстрелян. Такая же судьба постигла еще одного советника Ставки, председателя Госплана СССР и члена Государственного Комитета Обороны Николая Алексеевича Вознесенского (в 1950 году). Прошел через пыточные подвалы, но вышел живым «советник Ставки» зам. наркома вооружения СССР Борис Львович Ванников. По многу лет находились в опале Главный маршал авиации Жигарев Павел Федорович, Главный маршал артиллерии Воронов Николай Николаевич.

В общем, в разные годы появлялись причины нецелесообразности публикации списка «советников Ставки», так как некоторые фамилии наводили на нежелательные размышления.

В 12 часов дня 22 июня выступил по радио Молотов.

В одной из моих бесед с ним Молотов рассказал мне, как готовилось это выступление:

— В тот страшный, тревожный день в горячке разговоров, распоряжений, телефонных звонков кто-то сказал, что надо бы выступить по радио, сказать народу о случившемся, призвать к отпору врагу. Высказав это, все притихли, смотрели на Сталина. Я сказал, что выступать перед народом и страной конечно же нужно Сталину. Члены Политбюро молчали, ждали — что скажет на это Иосиф Виссарионович? Он довольно долго не отвечал, прохаживался, как обычно, по кабинету, а потом ответил на это предложение отрицательно. Он считал, что рано ему выступать в первый день, будут еще другие возможности, а сегодня пусть выступит Молотов. После этих слов Сталин опять стал ходить по кабинету и, как бы ни к кому не обращаясь, рассуждал о том, что стряслось.

Молотов сказал дальше, что он стал делать пометки на бумаге, намереваясь при подготовке выступления использовать то, что говорил Сталин. А Сталин говорил о том, что все вроде бы делали мы правильно, взвешивали, оценивали и всячески показывали и свое стремление к миру, и доброжелательное отношение к Германии, и договор соблюдали неотступно, во всех деталях. Никакого повода не давали нем-

цам для сомнения в нашей искренности в политике и в дипломатии. Потом он сказал: не хватило нам времени, просчитались мы именно в подсчете времени, не успели осуществить все необходимое для отражения врага. После паузы, пройдясь по кабинету, добавил: вот мы-то договор соблюдали и поставки по договору осуществляли полностью и своевременно, а они, немцы, Гитлер, так вероломно с нами обошлись, нарушили договор. Ну что же от них ждать? У них свои понятия о порядочности и честности. Мы их считали честными, вот еще и поэтому просчитались, а они оказались коварными. Ну, ничего, Гитлер за это жестоко поплатится! Мы ему докажем, что он просчитался, мы уничтожим его!

Затем, после некоторой паузы, Сталин сказал о том, что Гесс перелетел в Англию несомненно для сговора с Черчиллем, и если он добился каких-то гарантий со стороны англичан, то те не откроют второго фронта на западе, чем развяжут Гитлеру руки для действий на востоке. Но если даже такой сговор и состоялся, все равно найдутся у нас и другие союзники на западе. Англия — это еще не все. И потом, опять помолчав, Сталин сказал: нелегко нам придется, очень нелегко, но выстоять надо, другого выхода у нас нет.

Молотов сказал, что свое выступление он подготовил здесь же, в кабинете Сталина, причем в подготовке его участвовали и другие члены Политбюро и Сталин вставил несколько фраз, Молотов же формулировал окончательный текст с учетом этих отдельных замечаний и того, что Сталин говорил перед этим, прохаживаясь по кабинету.

В этом первом официальном выступлении Советского правительства прозвучали слова, которые стали своеобразным девизом всей Великой Отечественной войны: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Молотов еще вспомнил:

— После моего выступления по радио, когда я вернулся в кабинет Сталина, он сказал: вот видишь, как хорошо получилось, правильно, что выступал сегодня ты. Я звонил сейчас командующим фронтами, они не знают даже точной обстановки, поэтому мне просто нельзя было сегодня выступать, будет еще время и повод, и мне придется выступать не раз. А эти наши командующие, там, впереди, видно, растерялись... Просто удивительно, что такие крупные военачальники — и вдруг растерялись, не знают, что им делать. У них есть свои определенные обязанности, и они должны их выполнять, не дожидаясь каких-то наших распоряжений. Даже если бы не было никаких наших директив, все равно они должны были бы сами отражать врага, на то они и армия.

Около полудня 22 июня Жукову позвонил Сталин:

— Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлем Шапошникова и Кулика. Я их вызывал к себе и дал соответствующие указания. Вам надо вылетать немедленно в Киев и оттуда вместе с Хрущевым выехать в штаб фронта в Тернополь.

Жуков был обескуражен таким неожиданным приказом, он как начальник Генерального штаба был, как ему казалось, необходим сейчас здесь, в центре руководства боевыми действиями всех армий, и вдруг такое неожиданное распоряжение! Он спросил:

— А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

Сталин ответил:

— Оставьте за себя Ватутина.— И несколько раздраженно добавил:— Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдемся.

Жуков действительно не терял времени и, даже не заехав домой, а только позвонив по телефону, через сорок минут был в воздухе, а к исходу первого дня войны, 22 июня, был уже в Киеве, где встретился с секретарем ЦК Украины Н. С. Хрущевым.

Поздоровавшись с Жуковым, Хрущев сказал:

— Дальше лететь на самолете нельзя, немецкие летчики гоняются за каждым нашим самолетом. Надо ехать на машинах.

В этот же день поздно вечером Хрущев и Жуков добрались до командного пункта Юго-Западного фронта генерал-полковника М. П. Кирпоноса...

Так начался и так завершился этот роковой день 22 июня 1941 года для высшего военного и политического руководства нашей страны.

ПЕРВЫЕ БОИ

В первые дни Великой Отечественной войны руководство Советской страной, как уже говорилось, не владело ситуацией, командование Красной Армии не всегда знало обстановку и не держало в руках управление армиями. В этом отношении поход гитлеровской армии на Восток, когда начинался, был похож на молниеносные удары в Западной Европе, где руководство стран, парализованное внезапным и мощным ударом, оказывалось не в состоянии организовать отпор, хотя располагало силами, порой достаточными для довольно длительного сопротивления, как, например, во Франции.

И вот на советской земле вроде бы повторялся такой же шок у руководства страны из-за отсутствия связи, информации, нарушения управления войсками. Но вдруг обнаружилась какая-то сила, которая не позволила полностью рухнуть нашей обороне и не дала возможности гитлеровцам беспрепятственно двигаться в глубь страны. Что же это была за сила? Кто же сдерживал гитлеровские армии?

Здесь и проявились стойкость и мужество советского народа. Народ спас свою Родину — советские люди в военной форме и не успевшие надеть ее! Не имея конкретных указаний от высших руководителей, командиры, сержанты и красноармей-

цы в частях и соединениях, по своей инициативе, стойко и мужественно встретили врага. И еще, конечно, была могучая сила, которая сдерживала и не позволяла всем обратиться в бегство,— это коммунисты на местах. Партийные организации в ротах, батальонах, полках, дивизиях, горкомы и обкомы партии тоже были той силой, которая являлась организующим костяком. Бойцы и командиры были воспитаны в духе стойкости, необходимости драться до последнего, что тоже было подготовлено и партией, и командирами Красной Армии еще до войны. Немаловажную роль играло в этот период и имя Сталина. С его именем тогда связывались все успехи и надежды в Советской стране, это было внедрено в сознание солдат и командиров. И когда звучали призывы: «За Родину! За Сталина!»,— они произносились искренне, так как народ в своем большинстве не знал тех его страшных дел, которые стали известны позже.

В своих воспоминаниях Жуков говорит: «Наша историческая литература как-то лишь в общих чертах касается этого величайшего приграничного сражения начального периода войны с фашистской Германией. Следовало бы детально разобрать оперативную целесообразность применения здесь контрудара механизированных корпусов по прорвавшейся главной группировке врага и организацию самого контрудара. Ведь в результате именно этих действий наших войск на Украине был сорван в самом начале вражеский план стремительного прорыва к Киеву. Противник понес тяжелые потери и убедился в стойкости советских воинов, готовых драться до последней капли крови».

В наши дни пожелание Жукова о детальной разработке оперативной целесообразности контрударов механизированных корпусов широко и достаточно полно осуществлено в специальной военной литературе. Но мне бы хотелось и здесь хотя бы частично реализовать пожелание маршала о более детальном разборе причин срыва вражеского плана стремительного прорыва к Киеву, тем более что сам Жуков в общих словах указывает эту причину — «стойкость советских воинов, готовых драться до последней капли крови».

Разумеется, невозможно охватить все боевые эпизоды и ситуации даже на том участке, о котором говорит Жуков. Возьмем только одно направление удара, который наносила первая танковая группа Клейста: в полосе его действий оказались города Владимир-Волынский, Перемышль, Броды, Луцк, Дубно, Житомир, Винница и далее — Киев.

Здесь же в первые дни войны был и Жуков.

Кто же они, эти славные герои, первыми отражавшие нападение? Жуков не мог в те дни знать их имена. Мне кажется, будет правильным, если мы найдем и вспомним хотя бы некоторых из них.

Как и на других направлениях, здесь первыми приняли и пытались отразить удар гитлеровцев пограничники. Вот только один эпизод из сотен похожих.

Я стараюсь, где только возможно, посмотреть, послушать, прикоснуться самому к тому, о чем я рассказываю. Решил и на этот раз поехать в те места, где был Г. К. Жуков в первые дни войны. Начал я от границы. Искал, может быть, кто-то уцелел из местных жителей и мог бы рассказать о тогдашних боях. В этом районе находилась известная своим подвигом застава А. В. Лопатина. В райкоме партии мне дали сопровождающего, и мы поехали на заставу, которая сегодня носит имя своего командира незабываемых дней.

Было прохладное утро, машина катила по чистым улицам города. Справа и слева стояли добротные двухэтажные кирпичные дома. Здесь такая мода — все строят дома с мезонинами. Окруженные садами и множеством цветов, они больше похожи на дачи, чем на жилые дома колхозников. Вскоре подъехали к поселку.

— Это колхоз имени героя-пограничника Лопатина. Сейчас на окраине будет хата, обратите на нее внимание,— сказал мой спутник.

За окошком машины мелькнула темная изба с подслеповатыми окошечками и почерневшей от времени соломенной крышей.

— Единственная довоенная хата, уцелевшая здесь...

Машина остановилась на зеленом травянистом берегу широкого Буга. Неподалеку от реки, на взгорке, возвышался обелиск, рядом — аккуратный домик под шиферной крышей.

На крыльце, приветливо улыбаясь, ждала немолодая женщина невысокого роста.

— Знакомьтесь! Анфиса Алексеевна Лопатина.

Все, что в моем представлении связано с этой фамилией, было где-то далеко, по ту сторону войны, поэтому я подумал, что Анфиса Алексеевна просто однофамилица легендарного Лопатина. Сопровождающий, заметив, что я не совсем понимаю, кто стоит передо мной, представил:

— Анфиса Алексеевна, жена начальника заставы лейтенанта Лопатина. Во время боя двадцать второго июня сорок первого она была здесь, рядом с мужем.

Не буду описывать волнение, охватившее меня от сознания того, что я вижу, могу говорить с человеком, который был здесь в первые часы и дни войны!

Мы осмотрели этот своеобразный музей, хранящий память о подвиге бойцов заставы. Много уникальных экспонатов: оружие героев, фотографии, документы, письма. Потом пошли с Анфисой Алексеевной к могильным плитам: «Начальник заставы лейтенант Лопатин А. В.», «Младший политрук Глазов П. И.— зам. нач. заставы по политчасти», «Клищенко П. П.— старшина заставы», «Рядовой Никитин И. И.— секретарь комсомольской организации». Всего пятьдесят восемь могил. Из шестидесяти защитников заставы уцелели двое.

Я смотрел на противоположный берег Буга, откуда пришла война. Тихо звучал голос Анфисы Алексеевны Лопатиной:

— В ночь на двадцать второе июня муж, как обычно, пошел на границу проверять службу нарядов. Вернулся он в три часа ночи. Я ждала его с ужином. Есть он не стал, сказал: «Очень неспокойно, тревожно и на душе, и на границе». Прилег отдохнуть и только заснул — вдруг ударила по дому артиллерия. Очень неожиданно это было, то была тишина — и вдруг, как обвал, как гром и молния, ударило по заставе. Муж вскочил и крикнул: «Бери детей, беги в укрытие». У нас тогда двое сыновей подрастали. Я побежала с детьми к подвалу заставы и увидела, что гитлеровцы переправляются через Буг. Жены командиров оставили детей в подвале с одной бабушкой, а сами пошли помогать мужьям, стали перевязывать раненых, подносить патроны, гранаты. Первые четыре попытки фашистов переправиться были отбиты, тогда они перебрались правее и левее заставы и вскоре окружили нас и стали обстреливать со всех сторон. Пограничники держались стойко, все были уверены — скоро придут наши и выбьют нарушителей границы. Но бои гремели повсюду, и мы поняли — это не провокация, а война. На четвертый день Лопатин послал Галченкова и Герасимова в разведку — узнать, где наши. Они не вернулись, и мы не знали, что с ними случилось. На седьмые сутки немецкий офицер кричал в рупор: «Сдавайтесь, вам никто не поможет! Наши войска взяли Минск!» Мы этому, конечно, не верили, но и держаться становилось все труднее. Многие пограничники были убиты, остальные ранены, но оставались в траншее. Фашисты перестали нас атаковать, наверное, решили взять измором.

А с западного берега Буга все шли и шли войска на нашу территорию. И вот из этих новых частей, видимо не зная, что застава еще жива, на девятый день боя к нам подъехали две машины и мотоциклисты. Пограничники воспользовались этим, забросали машины гранатами, уничтожили гитлеровцев, а одного офицера захватили в плен. Попала в наши руки и рация. Пытались мы по этой рации связаться со своими, но гитлеровцы, взбешенные гибелью своих офицеров, решили, видно, стереть заставу с лица земли, они открыли ураганный артиллерийский огонь и буквально смешали все с землей. Но все же пока были живы несколько пограничников, жила и застава. На десятый день осталось всего восемь бойцов. Я умоляла мужа уйти в лес, пробиться к своим или к партизанам, но он непреклонно отвечал: «Я заставу не оставлю, буду стоять насмерть, а ты и другие женщины должны спасать детей». Ночью мы с детьми поползли.

Лопатина идет по крутому берегу и показывает на скат:

— Вот здесь и ползли берегом, прикрывая своими телами детишек от возможного обстрела.

Мне приходилось бывать на местах боев, в которых я участвовал. Обычно те, кто бывал в это время рядом, не расспрашивали меня ни о чем. Они понимали, что мне надо побыть в тишине, собраться с мыслями, вспомнить все, как было. А для меня та тишина грохотала боем, я слышал выкрики людей, видел лица своих однополчан. Так и для Лопатиной, наверное, в эти минуты гремели выстрелы, пули летели со всех сторон. Я тоже ни о чем не спрашивал Анфису Алексеевну, понимая, как далеко сейчас она от нас.

— Трава была холодной и скользкой, мы ползли вон к тому сараю. Немцы нас обнаружили. Они ведь были повсюду. Схватили. Стали допрашивать. Били. Издевались. Требовали от меня: «Иди к своим, скажи — сопротивление бесполезно!» Я не пошла. Опять били. Потом нас повезли куда-то и, наверно, расстреляли бы. Но в селе, куда нас привезли, мы смешались с другими беженцами, а местная охрана не знала, что мы жены пограничников. Мы же, понимая, что скоро они это узнают, постарались сбежать. Укрыли нас жители деревни Скоморохи, много там было добрых людей, они-то и помогли нам в черные дни гитлеровской оккупации...

Пограничники погибли все, кроме Галченкова и Герасимова, которые ушли тогда на разведку. Герасимов попал в плен к гитлеровцам и прошел через долгие муки, а Галченков пробрался к партизанам. Оба они после войны приезжали не раз на родную заставу. Когда немцы ушли с границы дальше на восток, житель ближнего к заставе дома Иван Васильевич Онищенко захоронил погибших пограничников в траншее. А после войны помог найти их останки. В музее мы видели оружие, ремень, знаки различия Лопатина. Все это нашли благодаря тому, что Онищенко показал, где надо искать.

— А как сложилась судьба ваших сыновей? — спросил я Лопатину.

Она не без гордости сказала:

— Я вырастила своих сыновей. Оба они пошли по стопам отца — стали пограничниками. Анатолий — подполковник, одно время был начальником заставы, которая носит имя отца. Вячеслав тоже пограничник — сейчас майор.

...Прочитаем еще один абзац из книги Жукова:

«В связи с выходом передовых частей противника в район Дубно генерал Д. И. Рябышев получил приказ повернуть туда свой 8-й корпус. 15-й механизированный корпус (командир генерал-майор И. И. Карпезо.— **В. К.**) нацеливал основные силы в общем направлении на Берестечко и далее тоже на Дубно...

Нашим войскам не удалось полностью разгромить противника и приостановить его наступление, но главное было сделано: вражеская ударная группировка, рвавшаяся к столице Украины, была задержана в районе Броды — Дубно и обессилена».

Теперь я, пользуясь воспоминаниями участников тех боев (особенно — К. С. Москаленко), коротко расскажу, что стоит за этими сжатыми фразами, что именно там происходило.

За месяц до начала войны — в мае 1941 года, согласно решению Наркомата обороны, начали формироваться артиллерийские противотанковые бригады резерва Главного командования. Их решено было создать десять. Недалеко от Луцка, где находился штаб

5-й армии, которой командовал М. И. Потапов, в лесу начала свое формирование 1-я артиллерийская противотанковая бригада. Ее командиром был назначен полковник К. С. Москаленко (будущий маршал). Энергичный и хорошо подготовленный командир, он в короткое время сумел принять вооружение и обучить артиллеристов — истребителей танков. Времени, конечно, у него было недостаточно, но к 22 июня бригада уже была в боевой готовности, о чем свидетельствует первый же бой, в который она вступила.

Как только произошло нападение гитлеровцев, Москаленко вскрыл мобилизационный пакет, в котором ему была поставлена задача: форсированным маршем направиться по маршруту от Луцка на львовское направление в район развертывания 6-й армии. Москаленко немедленно об этом доложил командующему 5-й армией, но тот ему сказал:

— Обстановка на фронте 5-й армии резко обострилась: немецкие войска форсировали реку Западный Буг и продвигаются на Владимир-Волынский. Поэтому прошу вас, наконец, требую выступить на Владимир-Волынский и совместно с 22-м механизированным корпусом генерал-майора Кондрусева уничтожить противника, перешедшего границу, и восстановить положение.

Москаленко ему ответил:

— Бригада является резервом Главного Командования. Выполнить ваше требование, противоречащее мобилизационному плану, не могу.

Потапов попросил подождать у телефона, пока он созвонится с Москвой. Но связи не было, ничего согласовать ему не удалось. Через некоторое время он позвонил и сказал:

— Связь с Москвой и Киевом прервана, противник ведет наступление по всему фронту армии. 41-я танковая дивизия подверглась удару с воздуха и артиллерийскому обстрелу и почти полностью погибла. Город Владимир-Волынский с минуты на минуту будет захвачен врагом. Учитывая сложившуюся обстановку, приказываю: бригаде следовать, как я уже ранее сказал, на Владимир-Волынский, и во взаимодействии с 22-м механизированным корпусом разбить противника, перешедшего границу, восстановить положение. Границу не переходить. Всю ответственность за нарушение бригадой задачи, предусмотренной мобилизационным планом, беру на себя.

Москаленко, трезво оценивая обстановку и помня положение устава о том, что выполняется последнее приказание старшего начальника, принял решение выполнять этот приказ. В 10 часов утра 22 июня бригада выдвинулась навстречу противнику к границе. Сразу же по выходе из города Луцка бригада подверглась неоднократным авиационным налетам, бомбардировщики гитлеровцев по двадцать — тридцать штук, под прикрытием истребителей, безнаказанно (наших самолетов не было) бомбили выдвигающуюся к фронту противотанковую бригаду. Москаленко при налетах приказывал подразделениям рассредоточиться и затем продолжать движение в сторону границы.

На половине пути к Владимир-Волынскому Москаленко встретил небольшую колонну, это оказался штаб 22-го механизированного корпуса, с которым ему предстояло взаимодействовать. Но, как сказал С. М. Кондрусев, две его дивизии, 19-я танковая и 215-я механизированная, выдвигались из Ровно и находились еще в 140 километрах от государственной границы, а 41-я танковая, которая была близко от границы (о ней как раз и сказал командующий армией), возможно, уничтожена. В действительности, как выяснилось позднее, дело обстояло не так, но во всяком случае Кондрусев еще не знал, где 41-я танковая дивизия и в каком она состоянии.

Таким образом, реальной силой на этом направлении оказалась только 1-я противотанковая бригада Москаленко. Не доходя до Владимир-Волынского, передовой отряд бригады заметил идущие навстречу танки. Сначала генерал Кондрусев думал, что это отходят на восток танки его 41-й дивизии, но Москаленко отчетливо увидел кресты на броне и приказал развернуться двум дивизионам на достигнутом рубеже, а передовой отряд уже открыл огонь по гитлеровским машинам.

Бригада Москаленко оказалась в очень тяжелых условиях: разгорался встречный бой, вести который без прикрытия пехоты артиллерийская часть, сформированная к тому же только полтора месяца назад, еще не умела. После короткой артиллерийско-авиационной подготовки немцы бросили в атаку около 200 танков. Они приближались к рубежу, на котором развернулись дивизионы бригады. За танками двигались мотопехота и артиллерия. Одновременно над полем боя кружили бомбардировщики и истребители противника. Танки противника на большой скорости, ведя интенсивный огонь, атаковали позиции артиллеристов. Хорошо обученные и опытные немецкие танкисты расстреливали расчеты и давили орудия гусеницами. Но наши артиллеристы показали высокую стойкость, не растерялись, они подбили немало танков противника, черные дымные столбы поднялись над полем боя.

С первого раза уничтожить батареи артиллеристов противнику не удалось. Враг повторил атаку, но был отбит и на этот раз. Враг пошел в третью атаку. На поле боя все прибавлялись и прибавлялись дымящиеся танки противника. Бригада удержала занимаемый рубеж до вечера. В этом первом бою артиллеристы подбили семьдесят танков и бронемашин и много мотоциклов противника. Немалый урон понесла и бригада, она потеряла четыре батареи — почти весь их личный состав и всю материальную часть. В этой жаркой схватке осколком снаряда был смертельно ранен командир корпуса генерал-майор Кондрусев.

До войны считалось, что артиллерия самостоятельно, без прикрытия пехоты и танков, не может вести боя, а бригаде Москаленко пришлось вести именно такой бой. Причем бригада встретилась с противником внезапно, на марше, развертывалась очень быстро, под непрерывными бомбежками с воздуха и под обстрелом артиллерии противника. То, что она сумела занять рубеж и отбить много танковых атак, свидетельствует о высоком боевом духе личного со-

става, который показал огромное мужество, смелость, да и немалое умение.

Встретив упорное сопротивление вдоль шоссе, противник стал обходить этот рубеж и обтекать бригаду. Обнаружив это, Москаленко немедленно выбрал новый рубеж в районе западной окраины селения Затурцы. Он предполагал: противник, обойдя первый рубеж, на котором получил отпор, все равно вернется на шоссе и будет рваться на Луцк. В течение ночи наши войска совершили этот маневр и окопались на новых огневых позициях. Москаленко создал три позиции, последовательно расположенных одна за другой. Эти позиции были расположены так, что огнем прямой наводки они полностью перекрывали шоссе на Луцк и на 4—5 километров подступы к нему с обеих сторон. Кроме того, еще два дивизиона было оставлено в резерве. Москаленко приказал расчетам подпускать танки на 300—400 метров и вести огонь наверняка, потому что с боеприпасами было не так уж хорошо. Здесь наши войска получили некоторые преимущества: успели подготовить огневые позиции, орудия были закопаны и замаскированы, боеприпасы разложены в нишах, командиры хорошо организовали наблюдение за приближающимся противником.

С рассветом гитлеровцы двинулись вперед, танки шли по шоссе и справа и слева от шоссе по полю, это был знаменитый танковый клин, идущий на рассечение фронта обороны. Танков и мотопехоты на этот раз было больше, чем вчера, противник явно ввел свежие силы.

Как вспоминает Москаленко, увидев эту армаду, он невольно подумал: «Выдержим ли мы на этот раз?» Как только передовые танки подошли на указанную дистанцию 300—400 метров, тут же был открыт прицельный огонь. Сразу же запылало много танков и бронемашин — на поле и на шоссе. Пытаясь выйти из зоны огня, танки стали обтекать батареи, ведущие по ним огонь, и тут как раз и попали под фланговый огонь орудий, которые были умело расположены командиром бригады на флангах, и еще многие танки противника загорелись.

Гитлеровцы вызвали на помощь авиацию. Появились пикирующие бомбардировщики и стали остервенело бомбить боевые порядки артиллеристов. И тем не менее на поле перед фронтом бригады пылало уже 50 сожженных танков и бронемашин!

Вот так умело, самоотверженно бились бойцы и командиры кадровых частей, если можно назвать кадровой бригаду, которая просуществовала всего два месяца. И еще следует отметить энергичные, инициативные и умелые действия командира бригады. Хочется напомнить, что тысячи таких умелых, хорошо подготовленных командиров Красной Армии перед самой войной были уничтожены в период сталинских репрессий. Как бы они пригодились и сколько бы принесли пользы в этих приграничных и других сражениях!

Но не будем ограничиваться описанием умелых и находчивых действий командира бригады. Посмотрим, как действовали те, кто в пекле боя непосредственно жег танки врага.

В то время, когда в первые дни войны в штабах соединений, вплоть до Генерального штаба, командование не могло еще разобраться в обстановке и наладить управление боевыми действиями, бойцы и командиры на поле боя сражались беззаветно.

У местечка Затурцы, о котором шла речь выше, первой в боевом построении стояла батарея младшего лейтенанта А. И. Логвиненко. Обращаю внимание читателей на то, что батареей командовал младший лейтенант, а не более старший по званию командир, как это полагалось по штату. Но несмотря на свое небольшое звание и, разумеется, небольшой опыт, Логвиненко умело расположил орудия, замаскировал их и изготовился к встрече с противником. Батарея первой встретила танковую волну, громыхавшую вдоль шоссе, ведущего от границы к городам Луцк, Дубно, Житомир.

Командир бригады Москаленко, наблюдавший за приближающимся противником, пишет в воспоминаниях следующее: «С моего наблюдательного пункта он (противник.— **В. К.**) был виден как на ладони. Танков и мотопехоты было гораздо больше, чем вчера. Их было так много, что казалось — вся Германия движется на нас».

Вот такую армаду видели перед собой и молодые пареньки, сержанты И. М. Панфиленок, Н. А. Москалев, Г К. Москвин и младший сержант В. П. Лазарев. Именно они со своими орудиями занимали самый первый рубеж, и им, наверное, казалось, что только они, эти четыре расчета, и противостоят надвигающейся армаде. Нужно быть не просто смелым, надо обладать очень твердой волей, чтобы видеть эту надвигающуюся танковую лавину, эту неминуемую смерть, и не только устоять, не только не оцепенеть от страха, но вступить с ней в борьбу, встретить огнем. Спокойно и хладнокровно бойцы подпустили приближающиеся танки на 300—400 метров. Кстати, орудия могли открыть прицельный огонь с расстояния 1000 метров, это уже был бы действенный и меткий огонь, но командир бригады, памятуя о том, что боеприпасов не так много и что наиболее эффектен огонь именно почти в упор, приказал подпустить как можно ближе, и расчеты этот приказ выполнили, несмотря ни на что.

Когда танки были уже совсем близко, сразу прозвучали три выстрела из трех орудий (Панфиленок открыл огонь несколько позднее), и сразу же с одного танка слетела башня, а два других загорелись! Понимая, что их преимущество именно в неожиданности, батарейцы немедленно перезарядили орудия и дали еще один залп, и еще три танка тут же загорелись! Ну, а дальше уже пошла дуэль. Начали вести огонь по орудиям и танки, обнаружившие наши пушки. Гитлеровцы были достаточно опытны, чтобы понять: чем больше будет скорость танков, тем быстрее они раздавят наши орудия, поэтому они неслись на наших артиллеристов на предельной скорости.

Триста — четыреста метров, о которых я сказал выше, можно преодолеть за несколько десятков секунд, и вот за эти секунды артиллеристы успели произвести по нескольку выстрелов и подбить больше десяти

танков. Расчет сержанта Москвина успел уничтожить пять фашистских танков, прежде чем его орудие было уничтожено, а сам Москвин был ранен. Было повреждено орудие Лазарева, и сам он тоже был ранен. Дольше всех продержался расчет сержанта Москалева, он бил танки в упор до тех пор, пока они не раздавили его орудие. Расчет Москалева погиб, но успел уничтожить двенадцать фашистских танков.

Разбив первые орудия, танки продвигались дальше. И вот тут настал черед расчета сержанта Панфиленка. Его огневая позиция была выбрана в глубине, позади первых орудий. Причем, когда младший лейтенант Логвиненко указал ему эту позицию, Панфиленок даже засомневался: его орудие находилось в лощине, а перед ним была высотка, за которой ничего не было видно, и сержанту показалось, что он расположен очень невыгодно. Однако младший лейтенант Логвиненко объяснил сержанту:

— Когда танки будут появляться оттуда, из-за этого бугра, их пушки будут задраны вверх, и танки подставят брюхо.

Так и произошло. Как только первый танк выполз на вершину высотки, Панфиленок тут же всадил ему снаряд под гусеницы, и танк загорелся. Таким образом расчет сжег три танка. Фашисты поняли, что выскакивать на этот бугор опасно, и стали обходить высоту справа и слева. Наводчик Г И. Гречин перенес огонь на машины, обходящие высоту, он успел подбить еще одну, но в это время разорвавшиеся поблизости ответные снаряды срезали почти весь расчет. Тогда, когда был подбит уже шестой танк, свалился и наводчик Гречин. Его место занял командир орудия сержант Панфиленок. Теперь он работал за весь расчет. Несмотря на то что был у орудия один и его осыпали осколки снарядов, он продолжал вести огонь. Один за другим загорались фашистские танки. Озверев от злости и желая во что бы то ни стало уничтожить это дерзкое орудие, два танка прошли вглубь и стали приближаться к пушке с тыльной стороны. И вот сержант Панфиленок нашел в себе силы — он один развернул орудие против приближающихся с тыла танков и поджег оба!

В этом неравном и, прямо скажем, поразительном бою сержант Панфиленок лично подбил одиннадцать фашистских танков, а всего расчет его орудия уничтожил семнадцать танков. Панфиленок остался жив, потому что бригада отбила атаку. Уничтожив на этом рубеже более пятидесяти немецких танков, бригада подобрала своих раненых и отправила их в госпиталь.

Очень хотелось бы назвать имена и других героев первых дней, они того достойны, но наш разговор об ином. Скажем только одно: вот эти, первыми встретившие фашистскую армию, когда она еще была в полной силе, и не пропустившие ее в глубь нашей земли, были и первыми воинами, начавшими победный поход, который привел нашу армию в Берлин.

Рейхсканцлер Германии Бисмарк за свою долгую жизнь познал цену мечу и крови, он создал милитаристскую Германию в 1870—1871 годах. На основе своего военного опыта он в мемуарах сказал — русского солдата мало убить, его надо еще и повалить! В первые же дни Великой Отечественной войны наши воины внесли дополнение в эту оценку достоинств русского солдата. Одним из корпусов командовал уже упоминавшийся генерал-майор Игнат Иванович Карпезо. Его 15-й механизированный корпус участвовал в контрударе, которым руководил генерал армии Жуков. Корпус, не имея полного вооружения и техники, под непрерывными бомбежками вражеской авиации, с трудом отражал натиск противника, но Карпезо не растерялся, уверенно руководил боем. Во время одного из налетов авиации осколком бомбы Карпезо был сражен. Бойцы и офицеры любили своего комкора. Хоть и в спешке боя, но все же похоронили его с прощальным салютом, возложили на могилу венки из полевых цветов.

Вскоре после похорон возвратился из штаба армии, куда его вызывали по какому-то неотложному делу, полковой комиссар И. В. Лутай, заместитель комкора по политчасти. Крепкая дружба связывала его с Карпезо. Узнав о беде, которая произошла во время его отсутствия, комиссар, на некоторое время потеряв самообладание, стал кричать:

— Карпезо погиб?! Не может быть! Не верю! Разройте могилу!

Уговаривали, успокаивали комиссара, но он настаивал на своем. Пришлось раскопать могилу. И надо же случиться такому чуду: прощаясь с боевым другом, обнимая его, Лутай уловил тепло в его теле, а потом и слабое биение сердца! Видно, неопытный врач поспешил, констатировав смерть комкора. Немедленно была оказана медицинская помощь. Карпезо ожил! И потом свершил еще немало добрых дел, защищая Родину. Так что оказалось, что русского воина мало «убить и повалить», его даже и закопать недостаточно, защитник Отечества и из могилы встанет и будет бить врагов.

Я понимаю, этот случай чрезвычайный, больше подходит для легенды, но все же он произошел в действительности и мне кажется символическим. Он как бы завершает собой те замечательные подвиги первых дней войны, о которых рассказано выше.

А дальше я приведу другие примеры из той самой «неизвестной войны», которая по сей день остается в секретных донесениях, в архивах. Я процитирую выдержки из донесений политуправления Юго-Западного фронта, где находился Жуков.

К сожалению, не только мужество и стойкость сказались в тех первых боях. Да, героизм был массовый, об этом свидетельствуют факты, приводимые в донесениях, но было в них и такое, что не подлежало огласке и в печать тогда не попадало. Сегодня, на мой взгляд, это необходимо сделать, чтобы показать более полно обстановку тех дней, иначе не понять, как же могло случиться, что при таком массовом героизме наши армии сдавали город за городом и отступали в глубь страны.

Из донесений начальнику Главного политического управления РККА армейскому комиссару 1 ранга Мех-

лису от замначальника политуправления Западного фронта:

«...7-я противотанковая бригада к началу военных действий находилась в стадии формирования. Только 18—20 июня прибыло молодое пополнение. Материально бригада не была обеспечена. Полк, которым командует подполковник тов. Зайцев, имел только 28 орудий (положено 80), причем многие орудия не имели прицельных приборов, и совершенно не было тракторов. На 1835 красноармейцев и командиров в полку имелось 350 винтовок, 80 карабинов и 5 наганов. Такое положение и в других полках. Личный состав бригады дрался с врагом мужественно, бойцы и командиры на руках вытаскивали пушки на огневые позиции (2—3 километра)... Из-за отсутствия боеприпасов и горючего бригаде приказано отступить. Во время отходов бригада подверглась сильной бомбежке и пулеметному обстрелу с самолетов, она понесла большие потери и рассредоточилась по полкам. Только через 4 дня бригада собралась... Она не имела связи с 10-й армией, не имела базы для пополнения боеприпасов. Командиры полков и командование бригады... организовали сбор снарядов, брошенных отходящими частями, и этим вели бой с врагом».

Я прошу читателей представить себе все это наглядно, представить и восхититься нашими бойцами и командирами: не имея руководства вышестоящего командования, без тягачей (волокут пушки своими руками!), без боеприпасов (собирают снаряды, брошенные другими!) — и бьют врагов! И все это под пулеметным обстрелом и под бомбами гитлеровской авиации, которая обладала высокой выучкой и вершила свое кровавое дело с профессиональным мастерством.

А вот строки из того же донесения, показывающие, какими были некоторые наши механизированные и танковые части, когда их бросали против опытных, прекрасно сколоченных в предыдущих боях немецких бронечастей:

«27-ю танковую дивизию военные действия застали неподготовленной, т. к. формирование не было закончено. Матчасти не было, личный состав был вооружен винтовками на 30—35 %. Небоеспособной и невооруженной дивизии было приказано занять оборону в районе Барановичей. На линию обороны вышло всего 3000 человек, а остальные, до 6000 человек, были сконцентрированы в лесу в 18 километрах от Барановичей, все 6000 бойцов не имели оружия...

Дивизия натиска мехчастей противника не выдержала и начала отступать. Невооруженные толпы красноармейцев подвергались нападению со стороны мотомехчастей противника. В результате часть была уничтожена, а большая часть красноармейцев была рассеяна по лесу... Аналогичное положение было и в других механизированных и артсоединениях...»

С первых дней войны стали сказываться последствия массовых репрессий и других предвоенных акций — и не только в том, что остро не хватало опытных командиров, но и в ряде чрезвычайных происшествий, имеющих политический характер. Так, например, в донесениях сообщается о массовом дезертирстве из наших частей призывников из западных областей Украины и Белоруссии. Сообщается не только об их бегстве, но и о том, что они, организуясь в банды, нападают на тылы, штабы и подразделения Красной Армии.

«В городе Львове членами украинской националистической организации (ОУН.— **В. К.**) поднята паника — организовано нападение на тюрьму, откуда выпущены политические заключенные. Этими же оуновцами повреждена связь между частями 6-й армии и управлением фронта...»

«Со стороны ряда работников местных партийных и советских организаций, а также милиции и НКВД вместо помощи частям в борьбе с диверсантами и националистическими группами отмечаются факты панического бегства с оставлением до эвакуации районов, сел и предприятий на произвол судьбы...

В некоторых воинских частях положение сложилось не лучше, чем у гражданских властей.

«В результате неорганизованности, потери управления и слабости партийно-политической работы в отдельных частях отход превратился в паническое бегство...

В частях 6-го стрелкового корпуса за время военных действий (за три дня) задержано дезертиров и возвращено на фронт 5 тысяч человек. 3-м отделом расстреляно по корпусу 100 человек дезертиров.

За период с 29 июня по 1 июля (тоже за три дня) 3-м отделом Юго-Западного фронта задержано дезертиров 697 человек, в том числе 6 человек начсостава. Из числа бежавших с фронта командованием частей расстрелян за дезертирство 101 человек.

В 99-й дивизии (помните — лучшая, под командованием Власова? Правда, в эти дни ею командовал другой командир.— **В. К.**) из числа приписников западных областей УССР во время боя 80 человек отказались стрелять. Все они командованием расстреляны перед строем».

Было немало и одиночных, активных, как называли тогда, антисоветских проявлений, приведу лишь один пример, он показателен тем, что совершен секретарем партбюро роты!

«28.6.41 г. старший политрук Григоренко в составе роты был выделен на охрану моста через реку Березина. Григоренко зашел под мост, откуда продолжительное время (пока его не обнаружили) вел стрельбу из автомата по нашим зенитным установкам и работникам НКВД (очевидно, он стрелял одиночными выстрелами во время налетов авиации, как говорится, под шумок.— **В. К.**). Его обнаружили замаскированным, стоящим по пояс в воде, с венком на голове. При аресте Григоренко оказал сопротивление... Органами НКВД старший политрук Григоренко расстрелян».

Как итог за первый месяц боев начальник политуправления Юго-Западного фронта докладывал Мехлису:

«С 22 июня по 20 июля задержано 75 тысяч 771 человек военнослужащих, в том числе много командиров... (целая армия! — **В. К.**). Осуждено военным трибуналом 627 военнослужащих, в том числе начсостав — 48, младшего начсостава — 60, рядовых — 519. Из 627 осужденных военнослужащих приговорены к расстрелу 411 человек...

Разумеется, приведенные мною выше примеры расстрела на месте в это число не входят, здесь указаны расстрелянные только по приговору военных трибуналов.

Несмотря на неудачи в боях и отступление по всему фронту, руководство политических управлений фронтов, да и Главное политическое управление не теряли надежды, что «братья по классу» в тылу противника помогут нам в борьбе с агрессором. Мехлис требовал регулярно забрасывать пропагандистскую литературу в тыл гитлеровцев, а политуправления и отделы, выполняя этот приказ, в каждом донесении докладывали конкретные дела и цифры. Приведу для краткости только одну выдержку из донесения политуправления Юго-Западного фронта:

«7-й отдел политуправления Юго-Западного фронта за период военных действий по 3 июля 1941 года издал воззваний, листовок и газет на немецком, румынском, польском и венгерском языках около 11 миллионов экземпляров, из которых 10,5 миллиона отправлены на аэродромы».

Не знаю результатов воздействия этой пропаганды, но по своему опыту знаю, что переходили на нашу сторону, особенно в первый период войны, очень немногие. А те пленные, которых мне доводилось брать с моими боевыми друзьями-разведчиками как «языков», да и те, кто попадал в плен в результате боев,— все были «братья по классу», рабочие и крестьяне, ни одного буржуя или капиталиста я на фронте не встречал. Так что эта часть нашей политической доктрины на практике не оправдалась. Сдаваться в плен гитлеровцы стали только в последние годы, когда поражение было неотвратимо.

В НАШИХ ШТАБАХ

Получив представление, что происходило в войсках и непосредственно в районе боев, переместимся выше — в штаб фронта, а затем еще выше — в Генеральный штаб.

В середине дня 22 июня в штабе Юго-Западного фронта было уже ясно, что происходящее на границе не провокация, как об этом предостерегали из Москвы, а настоящее крупное наступление, то есть война. Под непрерывным воздействием вражеской авиации, когда все вокруг горело и рушилось, части собрались по боевой тревоге и вскрыли хранившиеся в каждом штабе пакеты особой секретности на случай войны. В этих пакетах был приказ — кто, что и в какие сроки должен делать. Выполняя эти указания, части двинулись к границе или в район, определенный для сосредоточения.

На пути они подвергались частым бомбардировкам, рассредоточивались, уходя с дорог, а потом опять собирались, строясь в колонны и продолжая двигаться в сторону границы, при этом части несли большие потери и тратили много времени.

6, 5 и 26-я армии Юго-Западного фронта прилагали все силы, чтобы остановить противника, продвигающегося по нашей территории, но силы его были так велики, напор так стремителен, что, несмотря на самоотверженность и героизм бойцов и командиров, остановить врага не удавалось. В одиннадцатом часу вечера 22 июня штаб Юго-Западного фронта получил новую директиву. В ней приказывалось: «Прочно удерживая государственную границу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин, силами 5-й и 6-й армий, не менее пяти механизированных корпусов и всей авиации фронта окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Влынский, Крыстынополь, и к исходу 24.6. овладеть районом Люблин...»

В Москве, в Генштабе, не имея достоверной информации, явно не представляли, что делается на западной границе — указывают номера армий и корпусов, не зная, что происходит с этими соединениями в действительности, ставятся задачи по овладению Люблином, который находится за нашей границей(!), идет разговор о «всей авиации фронта», а ее уже нет, этой «всей авиации», она понесла колоссальные потери.

Как позже написал маршал Баграмян в своих воспоминаниях, командование Юго-Западного фронта, получив такую директиву, глазам не поверило! Но приказ есть приказ, и его полагается выполнять. В кабинете командующего фронтом генерал-полковника Кирпоноса произошел следующий разговор.

— Что будем делать, Михаил Петрович? — спросил Кирпоноса начальник штаба фронта генерал-лейтенант М. А. Пуркаев.— Нам бы, дай бог, остановить противника на границе и растрепать его в оборонительных боях, а от нас требуют уже послезавтра захватить Люблин!

Кирпонос ничего ему не ответил, молча поднял трубку телефона и позвонил члену Военного совета Н. Н. Вашугину.

Когда пришел Вашугин, Кирпонос молча подал ему директиву. Член Военного совета прочитал ее и, довольно-таки оптимистически глядя на присутствующих, бодрым голосом сказал:

— Ну и что же, товарищи, приказ получен, нужно выполнять.

— Но мы сейчас не готовы к этому, Николай Николаевич,— с еле скрываемым волнением сказал Пуркаев.— Нам пока приходится думать об обороне, а не о наступлении.— И начштаба изложил имеющиеся в штабе сведения об огромных силах противника, наступающих на нескольких направлениях.— К тому же следует учесть,— продолжал он,— что враг сегодня ввел в сражение лишь первый эшелон своих сил и в последующие дни, безусловно, будет — и значительно быстрее, чем мы,— наращивать силы... Нам, товарищ командующий,— заключил Пуркаев,— остается только доложить в Москву о сложившейся обстановке и настоятельно просить об изменении задачи. Мы сейчас можем только упорными боями сдерживать продвижение противника, а тем временем организовать силами стрелковых и механизированных корпусов, составляющих наш второй эшелон, прочную оборону в глубине полосы действий фронта. Остановив против-

ника на этом рубеже, мы получим время на подготовку общего контрнаступления... Именно такое, единственно разумное решение я вижу в создавшейся обстановке.

Наступила долгая тягостная тишина. Кирпонос молчал. Первым заговорил корпусной комиссар Вашугин.

— Все, что вы говорите, Максим Алексеевич, с военной точки зрения, может быть, и правильно. Но политически, по-моему, совершенно неверно! Вы мыслите, как сугубый военспец: расстановка сил, их соотношение и так далее. А моральный фактор вы учитываете? Нет, не учитываете! А вы подумали, какой моральный ущерб нанесет тот факт, что мы, воспитавшие Красную Армию в высоком наступательном духе, с первых дней войны перейдем к пассивной обороне, без сопротивления оставив инициативу в руках агрессора! Вы еще предлагаете допустить фашистов в глубь советской земли! Знаете, Максим Алексеевич, друг вы наш боевой, если бы я вас не знал как испытанного большевика, я подумал бы, что вы запаниковали.

Молчание стало еще тягостнее, на этот раз его прервал Кирпонос. Видимо желая снять накал в происшедшем разговоре, он медленно заговорил:

— Думаю, что вы оба правы. Против оперативной целесообразности ваших предложений, Максим Алексеевич, возразить нечего. У них одна уязвимая сторона: старые укрепленные районы не готовы принять войска и обеспечить им условия для успешной обороны. Но не лишены логики и соображения Николая Николаевича. Приказ есть приказ: его нужно выполнять. А если каждый командующий, получив боевой приказ, вместо его неукоснительного выполнения будет вносить свои контрпредложения, то к хорошему это не приведет. Конечно, взять к концу двадцать четвертого июня Люблин мы вряд ли сумеем. Но попытаться нанести мощный контрудар по вторгшимся силам противника мы обязаны. Для этого мы сможем привлечь до пяти механизированных корпусов.

Далее Кирпонос стал излагать, как наиболее целесообразно, с его точки зрения, следует сосредоточить механизированные корпуса для нанесения контрудара. Закончив, он поглядел на собеседников и, не дожидаясь их мнения, сам сказал:

— Молчание — знак согласия. Вижу, что мое решение вам по душе.

Корпусной комиссар Вашугин бурно выразил свое одобрение. Пуркаев молча кивнул головой.

Именно в этот час в штаб Юго-Западного фронта прибыли генерал армии Жуков и назначенный членом Военного совета фронта Хрущев.

Наверное, у читателей, даже не военных, возникло сомнение, когда Сталин приказал Жукову немедленно выехать на фронт: целесообразно ли начальнику Генерального штаба в такое напряженнейшее время покидать центр руководства армией? Нелепость этого приказа, как и многих других, отданных в тот день, очевидна. Однако в данном случае можно предположить объяснение (хоть и не очень убедительное) решения Сталина: он все еще верил в договор, подписанный с Германией, и принимал (вернее, ему очень хотелось, чтобы это так было) начавшиеся бои за провокацию, затеянную воинственными немецкими генералами, вроде событий на Хасане или на Халхин-Голе. Вот Жуков туда поедет и наведет порядок.

Мое предположение, что Сталин не поверил в начало большой войны, пожалуй, подтверждают и аресты крупных военачальников именно в этот начальный период войны. В дни, когда Жуков организовывал первый контрудар, был арестован генерал армии Мерецков, заместитель наркома обороны.

В мемуарах Мерецкова ни слова не сказано об этом, хотя они и опубликованы после XX съезда. Много позже все это выплыло на свет. В 1988 году писатель-юрист А. Ваксберг предал гласности рассказ следователя Шварцмана, ведшего дело Мерецкова.

«Физические методы воздействия,— заявил Шварцман уже в качестве подсудимого (1955 год),— применяли к Мерецкову сначала высокие должностные лица (имеются в виду ближайшие сподвижники Берии Меркулов и Влодзимирский.— **А. В.**), а затем и я со следователями Зименковым и Сорокиным. Его били резиновыми палками. На Мерецкова до ареста имелись показания свыше 40 свидетелей о том, что он являлся участником военного заговора. В частности, были показания, что он сговаривался с Корком и Уборевичем... дать бой Сталину».

Член суда полковник юстиции Лихачев спросил Шварцмана: «Вы отдавали себе отчет в том, что избиваете крупнейшего военачальника, заслуженного человека?» Ответ: «Я имел такое высокое указание, которое не обсуждается».

По высокому указанию перед самой войной и в первые дни после ее начала арестантами стали те, кто еще уцелел после почти поголовного уничтожения высших командных кадров Красной Армии на исходе тридцатых годов. Затевался новый грандиозный «процесс военных».

Кроме Мерецкова в состав «заговорщиков» входили: нарком вооружения Б. Л. Ванников; помощник начальника Генерального штаба, дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Я. В. Смушкевич; начальник управления ПВО, Герой Советского Союза генерал-полковник Г М. Штерн; заместитель наркома обороны, Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации П. В. Рычагов; командующий войсками Прибалтийского Особого военного округа генерал-полковник А. Д. Локтионов; заместитель начальника Главного артиллерийского управления НКО СССР Г К. Савченко; начальник отдела этого управления С. О. Склизков, начальник Военно-воздушной академии генерал-лейтенант Ф. К. Арженухин; заместитель начальника управления вооружений Главного управления ВВС И. Ф. Сакриер; Герой Советского Союза генерал-майор авиации И. И. Проскуров; виднейший артиллерийский конструктор Я. Г Таубин и многие другие.

Их место в эти судьбоносные дни оказалось не на фронте — в тюрьме!..

...Прибыв в штаб Юго-Западного фронта, Жуков попросил Кирпоноса доложить обстановку. Командующий фронтом изложил только что принятое — во исполнение полученного из Москвы приказа — решение о нанесении контрудара.

Жуков одобрил это решение и предложил, не теряя времени, отдать приказы войскам о подготовке контрудара. Затем Жуков коротко ознакомил всех присутствующих с теми сведениями, которые ему были известны. Начал он с юга, где наши части, а именно 9-я армия, удерживали государственную границу. Может быть, этим Жуков хотел создать хорошее настроение у тех, кто его слушает. Но на Западном фронте обстановка складывалась совсем по-другому. Жуков предположил, что противник там наносит главный удар. В направлении Брест-Литовска противник глубоко вклинился на нашу территорию, но и там сейчас наши соединения тоже готовят контрудар.

Попросил командующего фронтом и штаб приложить все силы для скорейшего сосредоточения механизированных корпусов для нанесения контрудара по основной группировке, прорвавшейся в районе Сокаля.

Затем Жуков связался по ВЧ с Генеральным штабом и спросил у оставшегося за него Ватутина, какова обстановка. Ватутин доложил:

— К исходу 22 июня, несмотря на предпринятые энергичные меры, Генштаб так и не смог получить от штабов фронтов, армий и ВВС точных данных о наших войсках и о противнике. Сведения о глубине проникновения противника на нашу территорию довольно противоречивые... Генштаб и нарком не могут связаться с командующими фронтами генерал-полковником Кузнецовым и генералом армии Павловым, которые, не доложив наркому, уехали куда-то в войска. Штабы этих фронтов не знают, где в данный момент находятся их командующие... Попытка штабов фронтов связаться непосредственно с войсками успеха не имела, так как с большинством армий и отдельных корпусов не было ни проводной, ни радиосвязи.

Несколько помолчав, Ватутин сказал:

— Товарищ Сталин одобрил проект директивы № 3 наркома и приказал поставить под этой директивой вашу подпись.

Что за директива?

— Директива предусматривает переход наших войск в контрнаступление с задачей разгрома противника на главнейших направлениях, притом с выходом на территорию противника.

— Но мы еще точно не знаем, где и какими силами противник наносит свои удары. Не лучше ли до утра разобраться в том, что происходит на фронте, и уж тогда принять нужное решение.

— Я разделяю вашу точку зрения, но дело это решенное.

— Хорошо,— сказал Жуков.— Ставьте мою подпись.

Таким образом Жуков, находясь в войсках на Юго-Западном фронте, организовывал выполнение подписанной его именем директивы, к разработке которой он не имел отношения.

Не отдохнув с дороги, Жуков выехал в расположение 8-го механизированного корпуса. В 9 часов утра 23 июня он встретился с командиром этого корпуса генерал-лейтенантом Д. И. Рябышевым. Они были давно знакомы еще по совместной работе в Киевском Особом военном округе. Жуков похвалил Рябышева за то, что он быстро совершил марш из Дрогобыча в район Броды. Несмотря на длительный марш и бомбардировки немецкой авиации, народ в мехкорпусе выглядел собранно и бодро. Жуков пишет об этом в своих воспоминаниях: «Да, эти люди будут драться до последнего... С такими войну не проигрывают...

Показав на карте местонахождение своих частей, Рябышев сказал:

— Корпусу требуются сутки для полного сосредоточения, приведения в порядок материальной части и пополнения запасов. За эти же сутки будет произведена боевая разведка и организовано управление. Следовательно, корпус может вступить в бой всеми силами утром 24-го.

Жуков понимал, что наносить контрудар надо бы немедленно, но, не имея для этого собранного кулака, действовать сейчас же, только отдельными прибывшими частями было, конечно, нецелесообразно, поэтому он разрешил Рябышеву осуществить то, что он предлагал. В это время раздалось предупреждающее оповещение «Воздух!» — налетела гитлеровская авиация.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день,— спокойно заметил Рябышев,— а мы еще и окопаться не успели. Может быть, товарищ генерал армии, учитывая, что сейчас все равно мы ничего делать не сможем, давайте перекусим?

— Неплохая мысль,— согласился Жуков, который действительно был голоден, да и спокойствие генерала Рябышева, его хладнокровие ему очень понравилось.

Но перекусить им все же не удалось, потому что бомбардировка была не просто по району сосредоточения частей, бомбы стали ложиться в непосредственной близости от палатки, в которой находились генералы.

После бомбардировки, договорившись с командиром корпуса о деталях сосредоточения его частей и подготовки их к контрудару, Жуков вернулся в штаб фронта. Здесь Кирпонос доложил ему последнюю обстановку:

— На всех участках фронта идут бои. Главное, предельно ожесточенное сражение разыгрывается в районе Броды — Дубно — Владимир-Волынский. 9-й и 19-й механизированные корпуса 25 июня выходят в леса в районе Ровно. Мы решили: 24 июня, не ожидая полного сосредоточения корпусов, начать контрудар на Клевань и Дубно. Командующий 5-й армией кроме 22-го мехкорпуса должен объединить действия 9-го и 19-го механизированных корпусов и оказать им необходимую помощь.

Жуков опять видел, что корпуса не успеют сосредоточиться в единый кулак, но и ожидать здесь было нельзя: с каждым часом противник продвигался все глубже и силы его нарастали, поэтому надо было наносить контрудар теми силами, которые были для этого готовы. Жуков согласился с решением командующего фронтом, посоветовав только как можно

лучше обеспечить взаимодействие между корпусами, которые будут участвовать в контрударе, и авиацией фронта.

Утром 25 июня контрудар, организованный штабом фронта и Жуковым, нанесли 8-й и 15-й механизированные корпуса. Удар этот для противника был неожиданным. Он считал, что после его стремительного наступления части Красной Армии, прикрывающие границу, будут деморализованы. 8-й механизированный корпус, хорошо укомплектованный, обученный, в короткое время смял части 57-й пехотной дивизии, которая прикрывала фланг 48-го механизированного корпуса группы Клейста. Положение здесь у танковой группы Клейста оказалось настолько угрожающим, что он был вынужден перебрасывать сюда свои резервы. Этот контрудар произвел такое впечатление, что резонанс его дошел даже до верховного командования Германии. Вот что записал в своем служебном дневнике начальник генерального штаба сухопутных сил Гальдер: «На фронте противника, действующего против группы армий «Юг», отмечается твердое руководство. Противник все время подтягивает из глубины новые свежие силы против нашего танкового клина... Как и ожидалось, значительными силами танков он перешел в наступление на южный фланг 1-й танковой группы. На отдельных участках отмечено продвижение».

Отметим для себя слова начальника немецкого генштаба, записанные в первый день войны: «...против группы армий «Юг»... отмечается твердое руководство»,— и, вспомнив, что именно руководства не хватало на всех других фронтах и в вооруженных силах в целом, мне кажется, мы имеем право отнести эту высокую оценку врага на счет Жукова, который руководил боями на этом участке.

Жуков прекрасно понимал, что после контрудара надо было бы развить этот успех, и тогда можно, если даже и не срезать клин, вбитый танковой группой Клейста, то, во всяком случае, задержать его надолго на этом рубеже. Но не было в его распоряжении нужных сил для развития успеха. Противник сосредоточил против контратакующих корпусов значительные силы авиации, нанес нашим частям большие потери, тем самым ослабил, а потом и остановил наш контрудар.

Жуков с сожалением пишет в своих мемуарах о том, что успех контрудара мог бы быть еще большим, «если бы в руках командования фронта была более мощная авиация для взаимодействия с механизированными корпусами и хотя бы еще один-два стрелковых корпуса».

Для того чтобы все же использовать наметившийся успех и сконцентрировать усилия находящихся в этом районе частей, Жуков приказал корпусу Рябышева повернуть и наносить удар в направлении Дубно. Туда же подходили и тоже нацеливались ударить в этом направлении наши 15-й механизированный, 63-й стрелковый и 19-й механизированный корпуса.

27 июня эти соединения нанесли гитлеровцам такой ощутимый удар, что командующий группой армий «Юг» Рундштедт вынужден был сосредоточить для его отражения силы всей своей авиации и перебросить сюда свой резерв — 55-й армейский корпус, что, собственно, и спасло танковый клин Клейста от разгрома.

Завязавшееся сражение продолжалось и 28 июня. Очень упорно поработала здесь и наша авиация, которой после того, прямо скажем, шокового состояния, в котором она находилась в первый день войны, непросто было малыми силами драться в воздухе с превосходящей авиацией противника.

С обеих сторон были большие потери. 29 июня противник уже был вынужден снимать войска с других направлений и перебрасывать их в район Дубно, для того чтобы спасать положение.

Это был первый крупный контрудар по вторгшимся частям гитлеровцев. Он показал, что если бы и на других участках фронта были организованы хотя бы такие же контрудары, то продвижение противника не было бы таким стремительным.

Я хочу обратить внимание читателей на то, что этот контрудар наносился в самые первые дни войны, когда успех внезапного нападения противника, казалось бы, должен был полностью — хотя бы на время — деморализовать наши части, парализовать возможность их сопротивления. Но именно в этот самый опасный период они, как видим, на этом участке фронта не поддались панике, и благодаря волевому влиянию Жукова, находившегося здесь, контрудар состоялся. Непросто было под воздействием господствующей авиации противника собрать несколько корпусов для нанесения контрудара под Дубно, но это все же было осуществлено.

Вот что писал командующий 3-й немецкой танковой группой генерал Гот: «Тяжелее всех пришлось группе армий «Юг». Войска противника... были отброшены от границы, но они быстро оправились от неожиданного удара и контратаками своих резервов и располагавшихся в глубине танковых частей остановили продвижение немецких войск. Оперативный прорыв 1-й танковой группы, приданной 6-й армии, до 28 июня достигнут не был. Большим препятствием на пути наступления немецких частей были мощные контрудары противника».

Приведя в своей книге эти слова Гота, Жуков отмечает, что гитлеровский генерал правильно оценил тяжелое положение группы армий «Юг», из-за чего на Украине в самом начале войны был сорван вражеский план стремительного прорыва к Киеву. Напомню при этом, что на севере, там, где наступал со своей группой Гот, гитлеровские войска, не получившие такого противодействия, к 28 июня, овладев Минском, уже замкнули первое кольцо окружения, и в то кольцо попало очень много наших войск. Успешный контрудар, организованный Кирпоносом и Жуковым, по сути дела, спас в эти дни Киев и не дал возможности гитлеровцам окружить наши армии до рубежа Днепра — они еще долго сражались здесь и задерживали дальнейшее продвижение противника.

Наряду с положительной оценкой этого контрудара Жуков написал и о недостатках и ошибках, которые тогда были допущены. Однако в книгу вошел только один абзац:

...действия 8-го механизированного корпуса могли дать бо́льший эффект, если бы комкор не разделил

корпус на две группы и вдобавок не поручил командование одной из групп бригадному комиссару Н. К. Попелю, не имевшему достаточной оперативно-тактической подготовки для руководства большим сражением».

В рукописи же Георгий Константинович, подводя итоги этого контрудара, дает более широкую оценку действиям этих корпусов и их командиров. Вот что было в рукописи: «В этих сражениях хорошо действовали 23-й мехкорпус под командованием генерал-майора Кондрусева С. М., 8-й мехкорпус Рябышева Д. И., 27-й стрелковый корпус 5-й армии. 15-й мехкорпус, несмотря на свою полную укомплектованность, действовал неудачно. Действия 8-го мехкорпуса могли бы быть еще лучшими, если бы комкор Рябышев не разделил корпус на две группы, над одной из коих он поручил командование заместителю по политической части генералу Попелю, который не имел соответствующих знаний и навыков, чтобы умело организовать бой и руководить частями в сложной обстановке. Попель мотался в бою как боец и по существу не влиял на ход сражения, а это в конце концов привело к тому, что Попель загубил всю порученную ему группу и, оказавшись в окружении, вынужден был выходить из него, неся большие потери в людях, а материальную часть пришлось бросить из-за отсутствия горючего».

Один из рецензентов рукописи, о которых я говорил раньше, написал на полях, что надо бы убрать оценку действий командиров. Здесь же на полях, выше этой пометки, Жуков ответил: «Это оценка действий корпусов, и ее надо оставить, участникам будет приятно слышать. Жуков». То же, что относилось к действиям лично Попеля, он отчеркнул скобочкой и написал против этого абзаца: «Это можно исключить».

То, что пишет Жуков о разделении корпуса Рябышева и действиях Попеля, произошло 27 июня, то есть после отъезда Жукова из района контрудара. Он не знал того, что здесь произошло в действительности, и поэтому о действиях Попеля отзывается несправедливо.

А произошло там следующее. Я пересказываю этот эпизод по воспоминаниям самого генерала Николая Кирилловича Попеля, и не только для того, чтобы его оправдать, а еще и потому, чтобы показать читателям обстановку, взаимоотношения, какие бытовали в те дни в нашей армии наряду с героизмом.

...К девяти часам утра 27 июня корпус представлял собой три почти изолированные группы. По-прежнему держали занятые рубежи дивизии Герасимова и Васильева. Между ними — пятнадцатикилометровый разрыв... Дивизии Мишанина нелегко дались и наступление, и ночной отход, и бомбежка. Роты разбрелись по лесу и лишь с рассветом собрались южнее Брод. Это и была третья группа нашего корпуса.

Дмитрий Иванович (командир корпуса Рябышев.— **В. К.**) разложил на пеньке карту и склонился над ней, зажав в зубах карандаш. За спиной у нас стоял Цинченко. В руках планшет, на планшете листок бумаги. Цинченко-то и заметил кавалькаду легковых машин, не спеша, ощупью едущих по лесной дороге.

— Товарищ генерал!

Рябышев обернулся, поднял с земли фуражку, одернул комбинезон и несколько торжественным шагом двинулся навстречу головной машине. Из нее выходил невысокий черноусый военный (это был член Военного совета, корпусной комиссар Вашугин.— **В. К.**). Рябышев вытянулся:

— Товарищ член Военного совета фронта...

Хлопали дверцы автомашин. Перед нами появлялись все новые и новые лица — полковники, подполковники. Некоторых я узнавал — прокурор, председатель Военного трибунала... Из кузова полуторки, замыкавшей колонну, выскакивали бойцы.

Тот, к кому обращался комкор, не стал слушать рапорт, не поднес ладонь к виску. Он шел, подминая начищенными сапогами кустарник, прямо на Рябышева. Когда приблизился, посмотрел снизу вверх в морщинистое скуластое лицо командира корпуса и сдавленным от ярости голосом спросил:

— За сколько продался, Иуда?

Рябышев стоял в струнку перед членом Военного совета, опешивший, не находивший что сказать, да и все мы растерянно смотрели на невысокого, ладно скроенного корпусного комиссара.

Дмитрий Иванович заговорил первым:

— Вы бы выслушали, товарищ корпусной...

— Тебя, изменника, полевой суд слушать будет. Здесь под сосной выслушаем и у сосны расстреляем...

Я не выдержал и выступил вперед:

— Можете обвинять нас в чем угодно. Однако потрудитесь прежде выслушать.

— А, это ты, штатный адвокат при изменнике...

Теперь поток ругательств обрушился на меня.

Все знали, что член Военного совета не выносит, когда его перебивают. Но мне нечего было терять. Я воспользовался его же оружием. То не был сознательный прием. Гнев подсказал.

— Еще неизвестно, какими соображениями руководствуются те, кто приказом заставляет отдавать врагу с боем взятую территорию.

Корпусной комиссар остановился. Для того чтобы смотреть мне в лицо, ему не надо поднимать голову. Мы одного роста. Перед моими глазами аккуратная черная полоска усов, нервно подергивается правое веко. В голосе члена Военного совета едва уловимая растерянность:

— Кто вам приказал отдавать территорию? Что вы мелете? Генерал Рябышев, докладывайте.

Дмитрий Иванович докладывает. Член Военного совета вышагивает перед нами, заложив руки за спину.

Корпусной комиссар понимает, что вышло не совсем ладно. Но не сдается. Он смотрит на часы и приказывает Дмитрию Ивановичу:

— Через двадцать минут доложите мне о своем решении.

Он быстро отходит к машине, а мы втроем: Рябышев, Цинченко и я — садимся у пня, на котором так и лежит придавленная двумя камнями карта. У Дмитрия Ивановича дрожат руки и влажно блестят глаза.

Корпусной комиссар не дал времени ни на разведку, ни на перегруппировку дивизий. Чем же наступать?

Рябышев встает и направляется к вышагивающему в одиночестве корпусному комиссару.

— Корпус сможет закончить перегруппировку только к завтрашнему утру.

Член Военного совета от негодования говорит чуть не шепотом:

— Через двадцать минут решение — и вперед.

— Чем же «вперед»?

— Приказываю немедленно начать наступление. Не начнете, отстраню от должности, отдам под суд.

Корпусной комиссар диктует приказ. Цинченко записывает.

— Давайте сюда.

Цинченко подставляет планшет. Корпусной комиссар выхватывает авторучку и расписывается так, что летят чернильные брызги.

Приходится принимать самоубийственное решение — по частям вводить корпус в бой.

Снова мы окружены плотным кольцом командиров. Член Военного совета, поглядывая на часы, выслушивает Рябышева.

Создается подвижная группа в составе дивизии Васильева, полка Волкова и мотоциклетного полка. Основные силы закончат перегруппировку и завтра вступят в бой.

— Давно бы так.— Член Военного совета исподлобья смотрит на Дмитрия Ивановича.— Когда хотят принести пользу Родине, находят способ...

Рябышев молчит. Руки по швам. Глаза устремлены куда-то поверх головы корпусного комиссара.

Член Военного совета прикладывает узкую белую руку к фуражке.

— Выполняйте. А командовать подвижной группой будет Попель.

Корпусной комиссар поворачивается ко мне:

— Займете к вечеру Дубно — получите награду. Не займете — исключим из партии и расстреляем...

В груди у меня клокочет: эх, и мастер же вы, товарищ корпусной комиссар, в душу плевать! Хотите, чтобы я только ради награды наступал и из страха перед расстрелом бил фашистов. Коротко отвечаю: «Есть» — и поворачиваюсь так, как требует Строевой устав.

Обида, боль — все отступило на задний план. Мне вести подвижную группу. Мало сил, мало сведений о противнике, мало времени на подготовку...

Группа Попеля, в которую включили все, что оказалось поблизости, 34-ю танковую дивизию и мотоциклетный полк, двинулась вдоль шоссе Броды — Дубно. Этот удар отчаяния был для немцев неожиданным, группа разгромила несколько встретившихся ей подразделений и дошла до Дубно, где была окружена и, несмотря на героические усилия танкистов, полностью уничтожена. Вышли из окружения немногие. Вышел и бригадный комиссар Попель, выполнивший приказ корпусного комиссара Вашугина. Вот так два комиссара, взяв на себя не положенные им командирские функции, загубили танковую дивизию и мотоциклетный полк, полностью, с людьми и техникой. Попель, как видим, не мог не выполнить приказ под угрозой расстрела.

А что же с Вашугиным, который действовал в стиле Мехлиса? Вашугин оказался человеком с совестью. Известно, что Мехлису, безжалостно подводившему людей под расстрел или гибель, Сталин все прощал, а переживаний за содеянное Мехлис никаких не испытывал, ему, как говорится, все было как с гуся вода. С Вашугиным же случилось следующее. Привожу рассказ Баграмяна — очевидца, присутствовавшего при этом печальном событии.

«На командный пункт фронта примчались заместители командира 12-й танковой дивизии полковой комиссар В. В. Вилков и полковник Е. Д. Нестеров. Оба выглядели подавленными. Они доложили, что 8-й мехкорпус в крайне тяжелом положении. Значительная часть его сил во главе с бригадным комиссаром Попелем сражается в окружении. Корпус понес большие потери, оставшиеся люди вымотаны беспрерывными боями.

Во время этого разговора, при котором присутствовали Пуркаев и я, вошел Вашугин. Мы заметили, как он побледнел, но не придали этому особого значения. Подумали, просто переживает человек за неудачу, в которой и он отчасти был повинен. Никто и не мог предполагать, какой это был для него удар. Не дождавшись конца разговора, Вашугин ушел».

Через некоторое время стало известно, что он тут же застрелился.

Как начальник Генерального штаба Жуков даже в горячие дни боев на южном направлении постоянно был в курсе обстановки на других фронтах, его систематически информировал об этом заместитель начальника Генерального штаба генерал Н. Ф. Ватутин. По докладам Ватутина Жуков знал, что на северо-западном и западном направлениях до сих пор нет твердого руководства войсками, части и соединения ведут бой с противником разрозненно, никакого взаимодействия между ними нет, и, как пишет в своих воспоминаниях Жуков, там «происходила полная неразбериха». Ватутин сообщал, что командующие фронтами не имеют регулярной связи с армиями. Генеральный штаб не может добиться от них точных сведений ни о своих войсках, ни о войсках противника.

Почему тогда так плохо обстояло дело со связью? В статье, опубликованной много лет спустя, в 1971 году, на это дает ответ маршал войск связи И. Т. Пересыпкин. То, о чем он пишет, было на самом деле, но даже невоенного человека сегодня поражает крайняя непредусмотрительность наших руководителей: «Существовало мнение, что в случае возникновения войны основным средством управления в оперативно-стратегическом звене явится проводная связь. При этом считалось, что она будет полностью осуществляться по постоянным линиям Народного комиссариата связи... Поэтому к началу войны Генеральный штаб не имел собственных линейных частей и заранее подготовленных укрытых резервных и запасных узлов связи».

Что же после всего этого пенять на плохую связь, если она просто не была создана заблаговременно? Даже для Генерального штаба и Верховного Командования связь была организована уже после начала боевых действий. Вот что об этом пишет тот же Пере-

сыпкин: «В начале войны в распоряжении Генерального штаба находился только один узел связи... Но вскоре узел пришлось разделить на две части. Основная его часть располагалась на станции метро «Кировская»... Это был оперативный узел, предназначенный для связи со штабами фронтов и армий... Для прямых переговоров Верховного Главнокомандующего и руководства Генерального штаба в Кремле и в здании Генштаба были установлены специальные переговорные аппараты Бодо».

О том, каково было положение со связью, свидетельствует в своих воспоминаниях и Жуков (я привожу его слова опять из рукописи):

«Положение войск Западного фронта,— пишет он,— осложнялось еще и тем, что штабы армий не имели связи со штабом фронта и между армиями. Управление внутри армий было крайне неорганизованно. В войсках появились нервозность и неуверенность в дальнейших действиях, начались большие осложнения со снабжением боеприпасами, горюче-смазочными материалами и проч.».

НА ТОЙ СТОРОНЕ, ПЕРВЫЕ ДНИ

Запустив огромную машину войны и убедившись, что танковые армады и полевые войска, следующие за ними, начали перемалывать все на своем пути, верховное командование во главе с Гитлером переехало из Берлина в новую ставку. Эта ставка была построена специально для руководства операциями против Советского Союза. Она находилась в Восточной Пруссии, недалеко от города Растенбург, рядом с системой Мазурских озер. Гитлеровское командование стремилось к тому, чтобы находиться вне воздействия английской авиации, которая в эти дни интенсивно бомбила города Германии. Строительство ставки началось еще в 1940 году. Был выбран огромный лесной массив, в котором проложили дороги, построили служебные и жилые помещения, подземный мощный узел связи, неуязвимый для бомбардировки с воздуха. К тому времени, когда сюда переселилось командование, узел связи функционировал полностью.

В ставке было несколько зон. Все эти зоны обнесены общим проволочным заграждением и минными полями. Проехать сюда можно было только по определенным дорогам, пройдя проверку на нескольких контрольных пунктах. В лес была проведена и железнодорожная ветка, по которой приходили эшелоны специального назначения.

Ставка была построена с таким расчетом, чтобы она могла работать без помех в любое время года. Для этого были созданы помещения двух типов: длинные дома — деревянные, утепленные на зиму, в которых располагались служебные помещения, залы для заседаний, кабинеты. И здесь же рядом, глубоко в земле,— железобетонные бункера. Они обеспечивали безопасность при бомбардировках, в них можно было жить длительное время. В этих бомбоубежищах были небольшие служебные кабинеты, комнаты для совещаний и квартиры, в которых жили офицеры центрального руководства. Причем все было продумано с немецкой педантичностью. Бункера были построены не то чтобы тесно, но экономно, вроде вагонов: в коридоре с правой и левой стороны, напротив друг друга, располагались рабочие комнаты, в них были шкафы, сейфы, вделанные в стены, а также необходимые санитарные узлы. Все это имело центральное отопление, было электрифицировано и радиофицировано.

Одну из таких зон занимал ОКВ — штаб верховного командования вермахта. Неподалеку, под городом Ангербургом, в таких же помещениях располагался генеральный штаб сухопутных войск во главе с Гальдером и штаб люфтваффе — военно-воздушных сил.

В северной части этого лесного массива, неподалеку от штаба верховного командования, находилась небольшая, но самая главная, секретная личная зона Гитлера. В ней кроме Гитлера жили наиболее приближенные государственные деятели — Геринг, Гиммлер. Из военных тут жили только Кейтель и Йодль. Бетонный бункер Гитлера имел стены шестиметровой толщины. На поверхности были построены длинные помещения с залами для совещаний, небольшое казино, здесь же находился узел связи.

Вся эта зона, и особенно личная зона Гитлера, охранялась отборнейшими эсэсовцами из батальона личной охраны фюрера. Командир этого батальона был и комендантом лагеря, он руководил всей системой контрольно-пропускных пунктов и целой системой постов, которые выставлялись днем и ночью во многих местах.

Под густыми кронами деревьев дома, покрашенные в серо-зеленый цвет немецких мундиров, выглядели в этой тихой, отгороженной от всего мира зоне довольно мрачно. Сам Гитлер назвал это место «Волчьим логовом» — «Вольфшанце».

Надо сказать, что во все время войны никто не знал о существовании «Волчьего логова», за исключением немногих лиц, работа которых была связана с верховным командованием. Немцы умели хранить тайну. Все те годы немецкий народ, и армия, и все учреждения были убеждены, что Гитлер и верховное военное командование находятся в столице, в Берлине, или неподалеку от него, в Цоссене, где действительно располагались отдельные управления генерального штаба сухопутных войск. В «Волчьем логове» находилось только самое высшее руководство и те, кто был ему необходим для повседневной работы.

С первого дня прибытия Гитлера в ставку был установлен распорядок дня: утром доклады об обстановке на Западном фронте, в Северной Африке, на Балканах и в районах Средиземного моря, затем — о ходе боевых действий против Советского Союза. Вечером докладывалось об изменениях, происшедших в течение дня, и о возможных перспективах на следующие сутки. Такой распорядок не менялся в течение всей войны. Узел связи работал четко, гитлеровское руководство располагало полными и точными сведениями со всех фронтов.

Что же докладывали Гитлеру представители высшего военного руководства на второй день войны? Мы можем

точно установить это по дневнику начальника генерального штаба сухопутных войск генерала Гальдера.

Я уже писал, что Гальдер вел дневник, занося туда только самые важные события минувшего дня, очень коротко, конспективно, но все же с четкостью и пунктуальностью генштабиста высокого класса. Все записанное было его личным, основанным на реальностях мнением и не имело, на мой взгляд, каких-либо пропагандистских или конъюнктурных наслоений. Разумеется, в дневнике есть переоценка или недооценка каких-то эпизодов войны и действий сторон, это естественно для любого человека в соответствии с его взглядами, но в целом, повторяю, дневниковые записи Гальдера вполне достоверны. Приведу несколько абзацев, которые дают представление о том, каковы были впечатления Гальдера от первых дней наступления на Советский Союз, а следовательно, и о том, что докладывалось Гитлеру на первых совещаниях в «Волчьем логове»:

«Общая картина первого дня наступления представляется следующей: наступление германских войск застало противника врасплох. Боевые порядки противника в тактическом отношении не были приспособлены к обороне. Его войска в пограничной полосе были разбросаны на обширной территории и привязаны к районам своего расквартирования. Охрана самой границы была, в общем, слабой.

Тактическая внезапность привела к тому, что сопротивление противника в пограничной зоне оказалось слабым и неорганизованным. В результате чего нам всюду легко удалось захватить мосты через водные преграды и прорвать пограничную полосу укреплений на всю глубину (укрепления полевого типа).

После первоначального «столбняка», вызванного внезапностью нападения, противник перешел к активным действиям. Без сомнения, на стороне противника имели место случаи тактического отхода, хотя и беспорядочного. Признаков же оперативного отхода нет и следа. Вполне вероятно, что возможность организации такого отхода была просто исключена. Ряд командных инстанций противника, как, например, в Белостоке (штаб 10-й армии), полностью не знал обстановки, и поэтому на ряде участков фронта почти отсутствовало руководство действиями войск со стороны высших штабов.

Но даже независимо от этого, учитывая влияние «столбняка», едва ли можно ожидать, что русское командование уже в течение первого дня боев смогло составить себе настолько ясную картину обстановки, чтобы оказаться в состоянии принять радикальное решение.

Представляется, что русское командование благодаря своей неповоротливости в ближайшее время вообще не в состоянии организовать оперативное противодействие нашему наступлению. Русские вынуждены принять бой в той группировке, в которой они находились к началу нашего наступления».

Дальше Гальдер излагает положение по участкам групп армий — «Север», «Центр», «Юг» — и делает такое заключение: «Задачи групп армий остаются прежними. Нет никаких оснований для внесения каких-либо изменений в план операции. Главному командованию сухопутных войск не приходится даже отдавать каких-либо дополнительных распоряжений».

Вот так — у нас хаос и неразбериха, а у нашего противника нет даже малейшей потребности вносить в планы какие-либо коррективы. При всей обидности такой характеристики действий наших войск и командования она объективно отражает то, что происходило на фронте и в штабах. Опровергать нечего, наоборот, хочу обратить ваше внимание на точность и четкость формулировок и изложение общей картины.

В записи за первый день войны есть у Гальдера и такие слова: «Командование ВВС сообщило, что за сегодняшний день уничтожило 800 самолетов противника... Я привожу эту цитату как еще одно доказательство объективности дневника Гальдера, потому что, по нашим данным, в первый день гитлеровцы уничтожили 1200 самолетов, так что запись о 800 самолетах, как видим, даже преуменьшает число уничтоженных в действительности.

Любопытна запись Гальдера от 23 июня — о том, что танковые группы должны действовать концентрическими ударами, направленными в одно место, что обеспечит массированность действия. Ее не будет, если Гот, например, пойдет вперед да еще будет отклоняться к северу, а Гудериан задержится и пойдет несколько южнее. «Эту опасность, — пишет Гальдер, — следует учитывать, тем более что именно русские впервые выдвинули идею массирования подвижных соединений...

Мы еще будем говорить об этой идее, разработанной советскими военными стратегами, которые, к сожалению, были уничтожены в годы репрессий.

Суммируя ход боевых действий к 24 июня, Гальдер записал: «Впрочем, я сомневаюсь в том, что командование противника действительно сохраняет в своих руках единое и планомерное руководство действиями войск. Гораздо вероятнее, что местные переброски наземных войск и авиации являются вынужденными и предприняты под влиянием продвижения наших войск, а не представляют собой организованного отхода с оперативными целями. О таком организованном отходе до сих пор как будто говорить не приходится».

И опять отметим, как ни горько это делать, острый военный глаз и четкость мышления Гальдера — его запись точно фиксирует состояние нашего командования.

24 июня, характеризуя боевые действия на различных участках, Гальдер сделал такую запись: «Наши войска заняли Вильнюс, Каунас и Кейдане. (Историческая справка: Наполеон взял Вильнюс и Каунас тоже 24 июня.)»

По ассоциации с исторической параллелью Гальдера я вспомнил запись о первом дне войны одного из сподвижников Наполеона, Дедема. Он писал в своих мемуарах: ...я приблизился к группе генералов, принадлежащих к главной квартире императора. Среди них царило мертвое молчание, походившее на мрачное отчаяние. Я позволил себе сказать какую-то шутку, но генерал Коленкур... сказал мне: «Здесь не смеются, это великий день». Вместе с тем он указал рукой на правый берег, как бы желая прибавить: «Там наша могила».

После поражения в войне многие гитлеровские генералы писали, что у них было такое же предчувствие. Один из них даже записал в день начала вторжения: это начáло нашей гибели. Однако все они были так опьянены легкими победами над Польшей, Францией и другими странами, что гипноз удачливости фюрера лишил их разума, и они шагнули в тот день, как и французы в 1812 году, не в Россию, а в пропасть.

Пропагандистская система Геббельса работала на полную мощь, война была объявлена не только «крестовым походом против большевизма», но и «всеевропейской освободительной войной» — в этом виделось желание снискать симпатии к немецкому нападению на Советский Союз и замаскировать истинные завоевательские планы Германии. Но в своем кругу Гитлер по этому поводу откровенно сказал:

— Общеевропейскую войну за свободу не следует понимать так, будто Германия ведет войну для Европы. Выгоду из этой войны должны извлечь только немцы.

Далее Гальдер записал о том, что кольцо окружения восточнее Белостока вот-вот замкнется, а также замыкается кольцо, которое создают танковые группы Гота и Гудериана восточнее Минска. Не ускользнуло из поля зрения Гальдера и такое: «Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен». И еще Гальдер отмечает: «Войска группы армий «Юг», отражая сильные контратаки противника, успешно продвигаются вперед. Противник несет большие потери».

Напомню читателям о тех боевых действиях, которые я описал выше, и о том, что именно здесь на второй день войны уже начали наносить контрудар наши механизированные корпуса под руководством Жукова и Кирпоноса. Как видим, они были настолько ощутимы, что попали в поле зрения начальника генерального штаба сухопутных войск.

Подводя итоги за 24 июня, Гальдер пишет: «В общем, теперь стало ясно, что русские не думают об отступлении, а, напротив, бросают все, что имеют в своем распоряжении, навстречу вклинившимся германским войскам. При этом верховное командование противника, видимо, совершенно не участвует в руководстве операциями войск».

25 июня Гальдер делает подробные записи об успешных действиях на всех фронтах и опять особо отмечает действия тех частей, где, как мы знаем, находился Жуков: «На фронте группы армий «Юг». Сражение еще не достигло своей наивысшей точки. Оно продлится еще несколько дней... Танковое сражение западнее Луцка все еще продолжается». И как итоговую оценку или, точнее, как признание умелого руководства в такой сложнейшей и невыгодной для нас обстановке приведу еще одну запись Гальдера за 26 июня. Характерно также и то, что раньше Гальдер делал записи, как и полагается, начиная с левого фланга: «Север», «Центр», затем «Юг», а вот 26-го, видимо, возникла такая озабоченность, что он, нарушив эту последовательность, сразу пишет о действиях наших войск против группы армий «Юг», то есть там, где был Жуков. «Группа армий «Юг» медленно продвигается вперед, к сожалению, неся значительные потери. У противника, действующего против группы армий «Юг», отмечается твердое и энергичное руководство. Противник все время подтягивает из глубины новые свежие силы против нашего танкового клина».

Вот эти слова, мне кажется, и объективно, и достойно оценивают результативные действия не только Жукова, который организовывал контрудары, но и Кирпоноса с его штабом.

Все же Гальдер как начальник Генерального штаба мыслил и записывал, конечно, крупномасштабно, некоторых деталей он или не знал, или не считал нужным их фиксировать. А вот что пишет находившийся ближе к боевым действиям генерал Гот, командующий одной из немецких танковых групп: «...Оперативный прорыв 1-й танковой группы, приданной 6-й армии, до 28 июня достигнут не был. Большим препятствием на пути наступления немецких частей были мощные контрудары противника».

В записях Гальдера не раз отмечается, что ему непонятны действия нашего Верховного Командования. Какую улыбку и удивление вызвала бы директива № 3 нашего Главнокомандования, которая поставила задачу на контрнаступление и выход наших наступающих частей к Люблину на территорию противника.

Жуков по этому поводу в своих воспоминаниях пишет: «Ставя задачу на контрнаступление, Ставка Главнокомандования не знала реальной обстановки, сложившейся к исходу 22 июня. Не знало действительного положения дел и командование фронтов. В своем решении Главное Командование исходило не из анализа реальной обстановки и обоснованных расчетов, а из интуиции и стремления к активности без учета возможностей войск, чего ни в коем случае нельзя делать в ответственные моменты вооруженной борьбы. В сложившейся обстановке единственно правильными могли быть только контрудары мехкорпусов против клиньев танковых группировок противника. Предпринятые контрудары в большинстве своем были организованы плохо, без надлежащего взаимодействия, а потому и не достигли цели».

Добавим здесь от себя, что механизированные корпуса из-за своего расположения в глубине от границы не были готовы для нанесения этих контрударов, им для контрударов пришлось совершать длительные марши, в ходе которых выходила из строя техника не только от бомбежек, но и по техническим причинам, и поэтому они вступали в бой уже сильно ослабленными. Следовательно, в самой группировке наших войск в приграничных округах не было заложено идеи о возможности ударов под основание клиньев, ударов, которые пробивали бы бронетанковые группировки противника. А предвидеть такие действия врага и подготовить свои войска к таким контрмерам были все возможности, потому что тактика действий гитлеровцев в Польше, Франции да и в других боях была уже хорошо известна. Но, к сожалению, войска не были обучены конкретным действиям, по конкретной тактике врага и не находились в необходимой группировке в приграничной полосе.

В МОСКВЕ

Сталин вскоре понял свою ошибку с отправкой начальника Генерального штаба на передовую. Управление войсками за эти дни так и не было налажено. Сведения, поступавшие из действующей армии, были не только неутешительные, но просто катастрофические. Пришло сообщение, что под Рославлем окружены две армии и вот-вот замкнутся клещи вокруг Минска, захлопнув в окружении еще несколько армий. В этих условиях Сталин явно растерялся, ему нужен был рядом твердый человек, таким человеком он считал Жукова, и Жуков действительно был таким.

26 июня И. В. Сталин позвонил на командный пункт Юго-Западного фронта в Тернополь и, когда пригласили к аппарату Жукова, сказал:

— На Западном фронте сложилась тяжелая обстановка. Противник подошел к Минску. Непонятно, что происходит с Павловым. Маршал Кулик неизвестно где, Маршал Шапошников заболел. Можете вы немедленно вылететь в Москву?

— Сейчас переговорю с товарищами Кирпоносом и Пуркаевым о дальнейших действиях и выеду на аэродром,— ответил Жуков.

Поздно вечером 26 июня Жуков прилетел в Москву, и прямо с аэродрома его повезли к Сталину. В кабинете Сталина стояли навытяжку нарком С. К. Тимошенко и первый заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. Оба бледные, осунувшиеся, с покрасневшими от бессонницы глазами.

Здесь до прихода Жукова произошел, как говорится, крупный разговор. Сталин поздоровался с Жуковым лишь кивком головы и сразу же раздраженно сказал:

— Не могу понять путаных предложений наркома и вашего зама. Подумайте вместе и скажите: что можно сделать?

Сталин при этих словах показал на карту, развернутую на столе. На карте была обстановка Западного фронта. И по жесту, и по тону Сталина Жуков понял: Верховный находится в таком состоянии, когда ничего путного из разговора не получится, надо было дать ему остыть, а потом уже говорить о деле. Поэтому Жуков, стараясь подчеркнуть свое спокойствие и как бы призывая к тому же Сталина, сказал:

— Мне нужно минут сорок, чтобы разобраться с обстановкой.

— Хорошо, через сорок минут доложите! — все так же раздраженно бросил Сталин.

Жуков, Тимошенко и Ватутин вышли в соседнюю комнату. Без долгих слов, обменявшись лишь понимающими взглядами по поводу происшедшего в кабинете Сталина, они начали анализировать обстановку на Западном фронте.

Западнее Минска были окружены и дрались в окружении остатки 3-й и 10-й армий Западного фронта. Остатки 4-й армии отошли в Припятские леса. Остальные части, понесшие большие потери, отходили к реке Березине. И вот на эти ослабленные и разрозненные войска фронта наступали мощные группировки противника.

Через полчаса они вернулись к Сталину и предложили немедленно занять оборону на рубеже Западная Двина — Полоцк — Витебск — Орша — Могилев — Мозырь и для обороны использовать 13, 19, 20, 21 и 22-ю армии. Кроме того, срочно приступить к подготовке обороны на тыловом рубеже по линии Селижарово — Смоленск — Рославль — Гомель силами 24-й и 28-й армий резерва Ставки. Помимо этого, срочно сформировать еще 2—3 армии за счет дивизий Московского ополчения.

Все эти предложения Сталин утвердил и приказал немедленно довести их до войск.

27 июня утром Жуков вызвал к аппарату Бодо начальника штаба Западного фронта генерала В. Е. Климовских и передал ему приказ Ставки.

Дальше я привожу запись разговора Жукова и Климовских, потому что это подлинный разговор, характеризующий Жукова в динамике управления крупными операциями, к тому же в очень сложной, критической обстановке.

«**Жуков.** Слушайте приказ от имени Ставки Главного Командования. Ваша задача:

Первое. Срочно разыскать все части, связаться с командирами и объяснить им обстановку, положение противника и положение своих частей, особо детально обрисовать места, куда проскочили передовые мехчасти врага. Указать, где остались наши базы горючего, огнеприпасов и продфуража, чтобы с этих баз части снабдили себя всем необходимым для боя.

Поставить частям задачу, вести ли бои или сосредоточиваться в лесных районах, в последнем случае — по каким дорогам и в какой группировке.

Второе. Выяснить, каким частям нужно подать горючее и боеприпасы самолетами, чтобы не бросать дорогостоящую технику, особенно тяжелые танки и тяжелую артиллерию.

Третье. Оставшиеся войска выводить в трех направлениях:

— через Докшицы и Полоцк, собирая их за Лепельским и Полоцким УРами;

— направление Минск, собирать части за Минским УРом;

— третье направление — Глусские леса и на Бобруйск.

Четвертое. Иметь в виду, что первый механизированный эшелон противника очень далеко оторвался от своей пехоты, в этом сейчас слабость противника, как оторвавшегося эшелона, так и самой пехоты, двигающейся без танков. Если только подчиненные вам командиры смогут взять в руки части, особенно танковые, можно нанести уничтожающий удар и для разгрома первого эшелона, и для разгрома пехоты, двигающейся без танков. Если удастся, организуйте сначала мощный удар по тылу первого мехэшелона противника, двигающегося на Минск и на Бобруйск, после чего можно с успехом повернуться против пехоты.

Такое смелое действие принесло бы славу войскам Западного округа. Особенно большой успех получится,

если сумеете организовать ночное нападение на мехчасти.

П я т о е. Конницу отвести в Пинские леса и, опираясь на Пинск, Лунинец, развернуть самые смелые и широкие нападения на тылы частей и сами части противника. Отдельные мелкие группы конницы под водительством преданных и храбрых средних командиров расставьте на всех дорогах».

В 2 часа ночи 28 июня у Жукова состоялся дополнительный разговор по прямому проводу с генералом В. Е. Климовских. Привожу выдержки из этих переговоров.

«**Жуков.** Доложите, что известно о 3, 10 и 4-й армиях, в чьих руках Минск, где противник?

Климовских. Минск по-прежнему наш. Получено сообщение: в районе Минска и Смолевичи высажен десант. Усилиями 44-го стрелкового корпуса в районе Минска десант ликвидируется. Авиация противника почти весь день бомбила дорогу Борисов — Орша. Есть повреждения на станциях и перегонах. С 3-й армией по радио связь установить не удалось. Противник по последним донесениям был перед УРом. Барановичи, Бобруйск, Пуховичи до вечера были наши.

Жуков. Где Кулик, Болдин, Коробков? Где мехкорпуса, кавкорпус?

Климовских. От Кулика и Болдина сообщений нет. Связались с Коробковым, он на КП восточнее Бобруйска. Соединение Хацкилевича подтягивалось к Барановичам, Ахлюстина — к Столбцам... К ним вчера около 19.00 выехал помкомкор Светлицин. Завтра высылаем парашютистов с задачей передать приказы Кузнецову и Голубеву.

Жуков. Знаете ли вы о том, что 21-й стрелковый корпус вышел в район Молодечно — Вилейка в хорошем состоянии?

Климовских. О 21-м стрелковом корпусе имели сведения, что он наметил отход в направлении Молодечно, но эти сведения подтверждены не были.

Жуков. Где тяжелая артиллерия?

Климовских. Большая часть тяжелой артиллерии в наших руках. Не имеем данных по 375-му и 120-му гаубичным артиллерийским полкам.

Жуков. Где конница, 13, 14 и 17-й мехкорпуса?

Климовских. 13-й мехкорпус — в Столбцах. В 14-м мехкорпусе осталось несколько танков, присоединились к 17-му, находящемуся в Барановичах. Данных о местонахождении конницы нет. Коробков вывел остатки 42, 6, 75-й. Есть основание думать, что 49-я стрелковая дивизия в Беловежской пуще. Для проверки этого и вывода ее с рассветом высылается специальный парашютист. Выход Кузнецова ожидаем вдоль обоих берегов Немана.

Жуков. Какой сегодня был бой с мехкорпусом противника перед Минским УРом и где сейчас противник, который был вчера в Слуцке и перед Минским УРом?

Климовских. Бой с мехкорпусом противника в Минском УРе вела 64-я стрелковая дивизия. Противник от Слуцка продвигался на Бобруйск, но к вечеру Бобруйск занят еще не был.

Жуков. Как понимать «занят еще не был»?

Климовских. Мы полагали, что противник попытается на плечах ворваться в Бобруйск. Этого не произошло.

Жуков. Смотрите, чтобы противник ваш Минский УР не обошел с севера. Закройте направление Логойск — Зембин — Плешеницы, иначе противник, обойдя УР, раньше вас будет в Борисове. У меня все. До свидания».

29 июня поступили сообщения о том, что наши войска оставили Минск. Наркому обороны Тимошенко позвонил Сталин и спросил:

— Что под Минском? Как там дела?

У Тимошенко не хватило сил доложить Сталину о том, что Минск сдан, он еще надеялся, что положение будет восстановлено, поэтому сказал неопределенно:

— Я не могу сейчас доложить, товарищ Сталин...— Тимошенко не успел закончить фразу, потому что Сталин его перебил:

— А вы обязаны постоянно знать все детали, товарищ Тимошенко, и держать нас в курсе событий.

Не желая продолжать разговор, Сталин положил трубку.

В это время в кабинете Сталина были Молотов, Маленков и Берия. Некоторое время было тягостное молчание, потом Сталин сказал:

— Не нравится мне это их неведение. А может быть, мы сейчас поедем в Генштаб и сами посмотрим карты и донесения с фронтов?

От Кремля до здания Наркомата обороны по улице Фрунзе ехать всего несколько минут. Когда члены Политбюро вошли в массивные двери, часовой, увидев Сталина и идущих за ним Молотова, Маленкова и Берия, настолько оторопел, что даже не мог спросить пропуска или что-то вымолвить. Члены Политбюро молча прошли мимо часового и поднялись на второй этаж, где был кабинет наркома обороны. В кабинете в это время были Тимошенко, Жуков, Ватутин, генералы и офицеры Генштаба, они стояли около больших столов, на которых расстелены карты с обстановкой на фронтах.

Появление Сталина и других членов Политбюро было настолько неожиданно, что все присутствующие на некоторое время просто онемели. Тимошенко даже побледнел, однако, будучи старым служакой, он быстро пришел в себя и подошел к Сталину с рапортом, как и полагается в таких случаях:

— Товарищ Сталин, руководство Наркомата обороны и Генеральный штаб изучают обстановку на фронтах и вырабатывают очередные решения.

Сталин выслушал доклад, ничего не ответил и медленно пошел вдоль стола с картами. Он остановился у карты Западного фронта. Тем временем на цыпочках, один за другим вышли из кабинета работники Генерального штаба, кроме Тимошенко, Жукова и Ватутина.

Сталин довольно долго стоял у карты Западного фронта и разглядывал ее. Затем повернулся к генералам и, явно сдерживая себя и стараясь быть спокойным, сказал:

— Ну, мы ждем, докладывайте, объясняйте обстановку.

Тимошенко хорошо знал Сталина, не только уважал, но и очень боялся его. Он понимал, что у Сталина внутри все клокочет, иначе он не появился бы здесь

так внезапно. Не ожидая для себя ничего хорошего. Тимошенко стал сбивчиво докладывать:

— Товарищ Сталин, мы еще не успели обобщить поступившие материалы. Многое не ясно... Есть противоречивые сведения... Я не готов к докладу.

И тут Сталин сорвался:

— Вы просто боитесь сообщить нам правду! Потеряли Белоруссию, а теперь хотите поставить нас перед фактом новых провалов?! Что делается на Украине? Что в Прибалтике? Вы управляете фронтами или Генштаб только регистрирует потери?!

Желая как-то разрядить обстановку и помочь Тимошенко, которого Жуков уважал, начальник Генерального штаба обратился к Сталину:

— Разрешите нам продолжать работу.

Тут вдруг иронически спросил Берия:

— Может, мы мешаем вам?

— Обстановка на фронтах критическая. От нас ждут указаний, — сказал Жуков, стараясь быть спокойным и ни к кому не обращаясь, но затем, взглянув прямо в глаза Берии, с некоторым вызовом спросил: — Может быть, вы сумеете дать эти указания?

— Если партия поручит, дадим,— отрезал Берия.

— Это если поручит! — твердо парировал Жуков.— А пока дело поручено нам.

Повернувшись к Сталину, Жуков, опять-таки стараясь быть спокойным, сказал:

— Простите меня за резкость, товарищ Сталин. Мы разберемся и сами приедем в Кремль...

Все молчали, ожидая, что решит и скажет Сталин. Но и Тимошенко не захотел в трудную минуту оставлять без поддержки своего начальника Генерального штаба и, пытаясь прийти ему на помощь, сказал:

— Товарищ Сталин, мы обязаны в первую очередь думать, как помочь фронтам, а потом уже информировать вас...

Попытка Тимошенко сгладить ситуацию обернулась против него. Сталин опять вспыхнул:

— Во-первых, вы делаете грубую ошибку, что отделяете себя от нас! А во-вторых, о помощи фронтам, об овладении обстановкой нам теперь надо думать всем вместе.— Сталин помолчал и, видимо решив, что все-таки в такой ситуации лучше действительно дать военным возможность собраться с мыслями, сказал, обращаясь к своим спутникам:

— Пойдемте, товарищи, мы, кажется, действительно появились здесь не вовремя...

Члены Политбюро направились к двери и ушли, никем не сопровождаемые, так же как и появились здесь несколькими минутами раньше[1]

После ухода членов Политбюро Тимошенко попросил Жукова связаться с командующим Западным фронтом Д. Г Павловым и выяснить наконец более детально обстановку. Жуков по аппарату Бодо говорил с Павловым, вот запись этого разговора.

«**Жуков.** Мы не можем принять никакого решения по Западному фронту, не зная, что происходит в районах Минска, Бобруйска, Слуцка. Прошу доложить по существу вопросов.

Павлов. В районе Минска 44-й стрелковый корпус отходит южнее Могилевского шоссе; рубежом обороны, на котором должны остановиться, назначен Стахов — Червень. В районе Слуцка вчера, по наблюдению авиации, 210-я мотострелковая дивизия вела бой в районе Шишецы. В районе Бобруйска сегодня в 4 часа противник навел мост, по которому проскочило 12 танков.

Жуков. Немцы передают по радио, что ими восточнее Белостока окружены две армии. Видимо, какая-то доля правды в этом есть. Почему ваш штаб не организует высылку делегатов связи, чтобы найти войска? Где Кулик, Болдин, Кузнецов? Где кавкорпус? Не может быть, чтобы авиация не видела конницу.

Павлов. Да, большая доля правды. Нам известно, что 25 и 26 июня части были на реке Щаре, вели бой за переправы с противником, занимающим восточный берег реки Щары. Третья армия стремилась отойти по обе стороны реки Щары. 21-й стрелковый корпус — в районе Лиды. С этим корпусом имели связь по радио, но со вчерашнего дня связи нет, корпус пробивается из окружения в указанном ему направлении. Авиация не может отыскать конницу и мехчасти, потому что все это тщательно скрывается в лесах от авиации противника. Послана группа с радиостанцией с задачей разыскать, где Кулик и где находятся наши части. От этой группы ответа пока нет. Болдин и Кузнецов, как и Голубев, до 26 июня были при частях.

Жуков. Основная ваша задача — как можно быстрее разыскать части и вывести их за реку Березину. За это дело возьмитесь лично и отберите для этой цели способных командиров. Ставка Главного Командования от вас требует в кратчайший срок собрать все войска фронта и привести их в надлежащее состояние. Нельзя ни в коем случае допустить прорыва частей противника в районе Бобруйска и в районе Борисова. Вы должны во что бы то ни стало не допустить срыва окончания сосредоточения армий в районе Орша — Могилев — Жлобин — Рогачев. Для руководства боями и для того, чтобы вы знали, что происходит под Бобруйском, вышлите группу командиров с радиостанцией под руководством вашего заместителя. Немедленно эвакуируйте склады, чтобы все это не попало в руки противника. Как только обстановка прояснится, сразу же обо всем доложите.

Павлов. Для удержания Бобруйска и Борисова бросим все части, даже школу».

Однако эта задача была совершенно невыполнима, так как противник уже 26 июня крупными силами форсировал Западную Двину и захватил Даугавпилс.

30 июня в Генеральный штаб Жукову позвонил Сталин и приказал вызвать Д. Г Павлова в Москву. В этот день в штаб Павлова прибыл генерал А. И. Еременко

[1] Эта сцена более подробно, так сказать, в романном стиле, с размышлениями и психологическими комментариями описана в книге Ивана Стаднюка «Война». Источник же информации у нас общий: и Стаднюк, и я беседовали с Молотовым, который участвовал в этом посещении Наркомата обороны и рассказал и ему, и мне, что там происходило.

с приказом о том, что командующим Западным фронтом назначается он.

Павлов прибыл на следующий день, и первый, к кому он зашел, был Жуков. Как вспоминает Георгий Константинович, он не узнал Павлова, так похудел и осунулся тот за восемь дней войны. Состоялся нелегкий разговор, Павлов нервничал, искал оправдания в неудачах не только в силе противника, но и в неправильном руководстве сверху. Он был прав, но судьба его уже была решена. И не только тем, что на его место уже назначен новый командующий. Еременко пробыл в этой должности всего несколько дней. Сталин изменил свое решение и назначил командующим Западным фронтом маршала Тимошенко, а членом Военного совета этого фронта Л. З. Мехлиса. Причем, напутствуя на эту должность, Сталин сказал Мехлису:

— Разберитесь там, на Западном фронте, соберите Военный совет и решите, кто, кроме Павлова, виновен в допущенных серьезных ошибках.

Этой короткой фразы для Мехлиса было достаточно, она прозвучала для него четкой и определенной программой действий: Павлов виновен, и надо подыскать еще и других виновников «серьезных ошибок». В общем, дело должно быть «громким». По прибытии в штаб Западного фронта Мехлис, без долгих расследований, оформил предложение Военного совета фронта, согласно которому следует предать суду Военного трибунала все командование Западного фронта.

Однако Государственный Комитет Обороны СССР при принятии решения не ссылается на этот документ Мехлиса, видимо понимая, что его бумага не очень весома для акции, которую затеял Сталин. Поэтому решение ГКО принимается «по представлению главнокомандующих и командующих фронтами и армиями».

Эта ссылка на главнокомандующих является первой фальсификацией в «деле Павлова». Никаких представлений из фронтов и тем более из армий не было, арест, а затем расправа над командованием Западного фронта были для главнокомандующих такой же неожиданностью, как и для всей армии. Сталин ощутил, как зашатался авторитет из-за его ошибок и просчетов, которые привели к таким катастрофическим поражениям в первые дни войны. Надо было спасать не только положение, но и себя. Народ не мог не думать о причинах постигших страну и армию неудач. Нужно было направить ход их мыслей в нужную сторону. Нужны были виновники — «козлы отпущения».

И вот заседает Государственный Комитет Обороны и принимает постановление — оно «совершенно секретное», но в то же время должно быть объявлено «во всех ротах, батареях, эскадронах, эскадрильях», то есть доведено до каждого солдата, или, как гласит поговорка, «по секрету всему свету». Это свидетельствует, на мой взгляд, о растерянности Сталина, о его тайном стремлении оправдаться, отвести от себя вину. Если секретная бумага останется в штабных папках, никто не узнает виновников неудач, так и будут все думать, что он, Сталин, допустил просчеты и промахи. Нет, все должны знать, что Сталин не только не виноват — он карает виновников! Желание Сталина отчетливо проступает еще и в том, что он единолично подписал это «Постановление» ни одного члена ГКО рядом. Он один — Сталин — увидел виновников и покарал их; это должны знать все. Поэтому и объявить все всем, несмотря на «совершенную секретность».

И действительно, постановление было зачитано всем вооруженным силам, да и на промышленных предприятиях, связанных с производством продукции для фронта, а тогда все работали на армию. Но с течением времени постановление действительно стало обретать секретность. То ли Сталин понял, что все обвинения, как говорится, шиты белыми нитками, то ли в ходе войны стали отчетливо видны настоящие причины и виновники всех неудач, в общем, это постановление чем дальше от военных лет, тем глубже пряталось в архивных сейфах. О нем вспоминали, говорили общими фразами, но сам текст после того, всеобщего, оглашения ни разу не публиковался. И, если я не ошибаюсь, не опубликован до сих пор. Отдельные выдержки и пересказ в книгах историков и в мемуарах приводятся, но поскольку в целом найти его непросто, мне кажется, будет полезным ознакомить читателей с полным текстом этого постановления.

СОВ. СЕКРЕТНО

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

Главнокомандующим.
Военным Советам Фронтов и Армий.
Командующим Военными Округами.
Командирам Корпусов и Дивизий.

НАСТОЯЩЕЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ СССР ПРОЧЕСТЬ ВО ВСЕХ РОТАХ, БАТАРЕЯХ, ЭСКАДРОНАХ И АВИАЭСКАДРИЛЬЯХ

Государственный Комитет Обороны устанавливает, что части Красной Армии в боях с германскими захватчиками в большинстве случаев высоко держат Великое Знамя Советской Власти и ведут себя удовлетворительно, а иногда прямо геройски, отстаивая родную землю от фашистских грабителей, однако наряду с этим Государственный Комитет Обороны должен признать, что отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед РОДИНОЙ, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником. Воздавая честь и славу отважным бойцам и командирам, Государственный Комитет Обороны считает вместе с тем необходимым, чтобы были приняты строжайшие меры против трусов, паникеров, дезертиров.

Паникер, трус, дезертир хуже врага, ибо он не только

подрывает наше дело, но и порочит честь Красной Армии — поэтому расправа с паникерами, трусами и дезертирами и восстановление воинской дисциплины является нашим священным долгом, если мы хотим сохранить незапятнанным Великое Звание Воина Красной Армии, исходя из этого Государственный Комитет Обороны, по представлению Главнокомандующих и Командующих Фронтами и Армиями, арестовал и предал суду Военного Трибунала за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций:

1) бывшего командующего Западным Фронтом Генерала Армии ПАВЛОВА;
2) бывшего начальника штаба Западного Фронта Генерал-майора КЛИМОВСКИХ;
3) бывшего начальника Связи Западного Фронта Генерал-майора ГРИГОРЬЕВА;
4) бывшего командующего 4-й Армией Западного Фронта Генерал-майора КОРОБКОВА;
5) бывшего командира 41 стрелкового корпуса Северо-Западного Фронта Генерал-майора КОСОБУЦКОГО;
6) бывшего командира 60 Горно-стрелковой дивизии Южного Фронта Генерал-майора СЕЛИХОВА;
7) бывшего заместителя командира 60 Горно-стрелковой дивизии Южного Фронта Полкового Комиссара КУРОЧКИНА;
8) бывшего командира 30 стрелковой дивизии Южного Фронта Генерал-майора ГАЛАКТИОНОВА;
9) бывшего заместителя командира 30 стрелковой дивизии Южного Фронта Полкового Комиссара ЕЛИСЕЕВА.

Воздавая должное славным и отважным бойцам и командирам, покрывшим себя славой в боях с фашистскими захватчиками, Государственный Комитет Обороны ПРЕДУПРЕЖДАЕТ, вместе с тем, что он будет и впредь железной рукой пресекать всякое проявление трусости и неорганизованности в рядах Красной Армии, памятуя, что железная дисциплина в Красной Армии является важнейшим условием победы над врагом.

Государственный Комитет Обороны ТРЕБУЕТ от командиров и политработников всех степеней, чтобы они систематически укрепляли в рядах Красной Армии дух дисциплины и организованности, чтобы они личным примером храбрости и отваги вдохновляли бойцов НА ВЕЛИКИЕ ПОДВИГИ, чтобы они не давали паникерам, трусам и дезорганизаторам порочить великое знамя Красной Армии и расправлялись с ними как с нарушителями присяги и изменниками Родины.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР — И. СТАЛИН

16 июля 1941 г.»

Вот такой грозный документ отправляет на смерть семерых генералов и двух полковых комиссаров и «предупреждает» всех остальных, что «будет и впредь железной рукой... и чтоб они сами ...расправлялись... с нарушителями присяги и изменниками Родины».

После опустошительных репрессий перед войной, в напряженнейшие дни войны, при огромной нехватке командиров, так беспощадно и нерасчетливо вырываются из рядов армии опытнейшие командиры и комиссары. Впрочем, «нерасчетливо» не то слово. Расчет, конечно, был у Сталина, о чем я писал выше. Об этом же свидетельствуют не только расстрел «виновников», но и организованная фальсификация, подтасовка фактов, направленные на то, чтобы скомпрометировать расстрелянных. Показать их такими, чтобы они не вызывали сожаления, чтобы постигшая их кара выглядела заслуженной. Для этого были забыты все их прежние заслуги. Вопреки действительности им приписывали надуманные дела и поступки. Особенно это коснулось Дмитрия Григорьевича Павлова — его низводили по способностям до уровня командира батальона, объявляли чуть ли не выскочкой, за несколько лет незаслуженно пролетевшим через несколько повышений.

К сожалению, и Жуков поддался этой очернительной волне, он в своих мемуарах принижает и заслуги, и способности Павлова. Впрочем, возможно, что это воздействие тех, кто редактировал рукопись. Так можно предположить потому, что Жукову ведь хорошо были известны и жизнь, и служба Павлова. Не был он «скороспелым командующим», и одаренностью природа его не обделила. Служба Павлова, если очистить ее от шелухи фальсификации, проходила не хуже, чем у Жукова, а в отношении образования он даже обошел Георгия Константиновича.

Судите сами, можно ли человека с такой биографией и прохождением службы объявлять «выскочкой». По возрасту Павлов почти одногодок с Жуковым — родился в 1897 году, да и с другими маршалами ровесник: Мерецков — 1897, Василевский — 1895, Малиновский — 1898, Баграмян — 1897. В первой мировой войне участвовал рядовым. В Красную Армию вступил добровольцем, участвовал в боях на Южном, Юго-Западном, Туркестанском фронтах. Прошел путь от взводного до помощника командира полка. В 1922 году окончил Омскую высшую кавшколу, в 1928 году — Академию им. М. В. Фрунзе и в 1931 году — академические курсы Военно-технической академии. В 1934—1936 годах командовал мехбригадой. Его бригада была отмечена, а сам Павлов был награжден орденом Ленина на тех же больших маневрах, где такую же награду и тоже в должности комбрига получил Жуков. Уборевич аттестовал Павлова на командира корпуса перед отъездом в Испанию. Три современные войны прошел Павлов до нападения Германии: Испания, Финляндия, Халхин-Гол. Звание Героя Советского Союза Павлов получил на три года раньше Жукова. В Испании он был не просто «командир танковой бригады», а советник при республиканской армии по применению танковых и механизированных войск, он принимал участие в разработ-

ке крупных операций. Как военачальника его высоко ценила Долорес Ибаррури, называла в числе семи «выдающихся советских военных деятелей».

В 1937 году, после возвращения из Испании, Павлову присвоено звание комкора. Опять — плечом к плечу с Жуковым, а по должности он даже опередил Георгия Константиновича, став начальником Автобронетанкового управления РККА и членом Главного Военного совета (в числе одиннадцати!), где был и Сталин. Павлов приложил много сил и знаний при создании лучшего танка второй мировой войны — Т-34. На стратегической игре в 1941 году Павлов (наравне с Жуковым) делал один из основных докладов и был соперником Жукова по игре. Все разговоры о том, что Павлов неглубоко разбирался в искусстве вождения танковых и механизированных войск, являются клеветой в угоду «вождю народов». Павлов был одним из теоретиков и практиков применения этих войск в современной войне. Не было у нас более опытного военачальника в вопросах стратегии и тактики применения механизированных войск. Именно поэтому и был назначен генерал армии Павлов на главное направление возможного удара германской армии — командующим Белорусским Особым военным округом в 1940 году.

Обвинения, предъявленные ему трибуналом, несостоятельны. Не буду разбирать всю гору вымысла, рассмотрим только одну, якобы главную, причину его отстранения и ареста: «отсутствие распорядительности», «трусость», «бездействие», «развал управления войсками», «сдачу оружия противнику», «самовольное оставление боевых позиций». Зададим только один вопрос: у кого, на каких участках фронта в первую неделю войны всего этого не было (30 июня Павлов уже был отстранен)? Предъявленные ему обвинения за действия в эти дни можно было предъявить почти всем — от командира отделения до Верховного Главнокомандующего Сталина. И если они были признаны трибуналом обоснованными по отношению к Павлову, то они настолько же правомерны и в отношении тех, кого я назвал. Все отходили, теряли оружие и т. д. Павлов, наоборот, проявил, на мой взгляд, бо́льшую распорядительность и находчивость, чем некоторые другие командиры. Всем военачальникам (в том числе и Жукову) всегда ставится в заслугу их стремление быть ближе к войскам, находиться в критические дни и часы на направлении главного удара. Почему же Павлову такие действия ставят в вину? В штабе нет связи с армиями, командующий совершенно правильно решает выехать вперед и на месте разобраться в том, что там происходит. Он мчится в пекло боя, а его обвиняют в трусости. Опять все наоборот, трусы бегут с поля боя! Потеря управления? А кто его не потерял в те дни?

Вот что, например, писал Жуков в своей книге о положении на другом фронте, Северо-Западном:

«...За первые 18 дней войны Северо-Западный фронт потерял Литву, Латвию и часть территории РСФСР, вследствие чего создалась угроза выхода противника через Лугу к Ленинграду, подступы к которому были еще недостаточно укреплены и слабо прикрыты войсками. За все это время Генеральный штаб не получал от штаба Северо-Западного фронта ясных и исчерпывающих докладов о положении наших войск, о группировках противника и местоположении его танковых и моторизованных соединений».

За 18 дней не получал докладов! А ведь именно эти войска, сдавшие «Литву, Латвию и часть территории РСФСР», пропустили противника, и он вышел в тылы Западного фронта. Нет, я не говорю, что правильнее было бы расстрелять командующего Северо-Западным фронтом генерала Ф. И. Кузнецова и его начальника штаба, я за то, чтобы вообще никого не расстреливать. Но этим примером хочу еще раз подчеркнуть всю нелепость обвинений, адресованных Павлову и его соратникам. Теперь все эти наветы сняты, невинно расстрелянные генералы реабилитированы «за отсутствием состава преступления». Но, несмотря на это, все еще тянется за ними тень фальши и лжи, сфабрикованной сталинскими угодниками. Недавно я получил письмо из Минска от дочери генерала Павлова — Ады Дмитриевны, она просит защитить доброе имя отца, приводит несколько примеров публикаций (в «Известиях» 9.05.1988 г., «Московских новостях» 17.07.1988 г. и других изданиях), в которых и в наши дни повторяются измышления и клевета сталинских времен, несмотря на полную реабилитацию Павлова еще в 1957 году. И это происходит в дни перестройки, гласности и демократии. Удивительная сила порочной инерции! Вот бы о добрых делах так устойчиво помнили!

Вернусь на несколько дней назад, для того чтобы познакомить читателей с человеком, который помог мне в изложении некоторых событий с документальной точностью. Я говорю о майоре Николае Харлампиевиче Бедове. В самом начале войны, а именно с 26 июня, когда Георгий Константинович возвратился с фронта в Москву, Бедов был назначен старшим группы по обеспечению начальника Генерального штаба Жукова. В его обязанности входило охранять генерала армии, сохранять оперативные и стратегические документы, находящиеся у Жукова, и вообще заботиться о нем во всех отношениях. О Н. Х. Бедове кто-то метко сказал: этот офицер всю войну был на два шага позади и один шаг справа от маршала Жукова. И вот этот человек сидит напротив меня (мы с ним встречались много раз) и комментирует вышеприведенные слова:

— Всю войну я действительно не отходил от Жукова, как говорится, ни на шаг, мы ездили в одной машине и на фронте, и в Москве, в Генеральном штабе и дома,— я всюду был с ним рядом.

Читатели конечно же понимают, какой ценной информацией владел Бедов. К сожалению, он не вел подробных записей, да во время войны и запрещалось офицерам вести дневники, был такой специальный приказ. Но у Бедова сохранилось несколько блокнотов, в которые он заносил даты событий, выездов на фронт и другие всевозможные факты и отдельные фразы, сказанные Жуковым. Это очень помогало мне уточнить,

а порой и восстановить многие эпизоды из жизни Георгия Константиновича.

Ну, к примеру, меня заинтересовал такой вопрос: где Жуков слушал выступление Сталина 3 июля 1941 года. Кстати, то, что по этому поводу напечатано в книге Жукова, изложено сухим газетным языком. Это явно чужая вставка.

Я спросил Бедова — где, при каких обстоятельствах Жуков слушал выступление Сталина. Бедов мне рассказал:

— Помню, 3 июля в 6 часов утра по радио диктор Левитан объявил, что сейчас будет выступать товарищ Сталин. Потом эта речь передавалась по радио еще несколько раз, но первый раз она была передана именно в такой ранний час. Жуков всю эту ночь работал в своем кабинете, ни домой не уезжал, ни отдыхал в своей комнате отдыха. Адъютант зашел к Георгию Константиновичу и сообщил о том, что сейчас будет говорить Сталин. В кабинете Жукова радиоприемника не было. Он вышел в приемную, адъютант подстроил приемник. И вот начал говорить Сталин. Жуков прослушал очень внимательно всю его речь и затем возвратился в свой кабинет.

...Мало осталось тех, кто хорошо помнит это выступление Сталина, а те, кто помоложе, вообще, наверное, его не читали. Но в то время выступления Сталина ждал весь народ, и оно прозвучало как вдохновляющее всех советских людей на дело отпора врагу, на мобилизацию всех сил страны для одержания победы.

Сталин утверждал: в том, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с фашистской Германией, не было ошибки. Он объяснял: Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией».

Дальше Сталин говорил о том, что требуется для ликвидации опасности, нависшей над Родиной. Понять глубину опасности, отрешиться от беспечности. Не должно быть в наших рядах трусов, паникеров, нытиков. Перестроить всю работу на военный лад. Отстаивать каждую пядь советской земли. При вынужденном отходе увозить все, что возможно, и уничтожать все, что не вывозится. Создавать партизанские отряды.

В общем, это была целая программа большой войны.

В речи Сталина есть немало таких мест, которые рассчитаны на укрепление морального духа армии и народа. И действительно способствовали этому. Но есть и явная неправда. Например, в первом же абзаце он говорит: «Лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения...» Это конечно же не соответствовало действительности и сегодня легко может быть проверено, ну хотя бы по дневнику генерала Гальдера, который пишет именно 3 июля следующее: «Потери: С 22.6 по 30.6 наши потери составляют в общей сложности 41 087 человек — 1,64 % наличного состава (при численности войск, равной 2,5 миллиона человек). Убито 524 офицера и 8362 унтер-офицера и рядового. Ранено 966 офицеров и 28 528 унтер-офицеров и рядовых». Как видим, потери для войны таких больших масштабов не столь уж значительны и, уж во всяком случае, это не «лучшие дивизии», о разгроме которых говорил Сталин.

Сегодня есть возможность прокомментировать выступление Сталина словами Жукова. Приведу в заключение главы большие выдержки из высказываний Георгия Константиновича о первых днях войны, которые зафиксировал К. Симонов много лет спустя в своих беседах с маршалом.

Эти суждения еще не сложились у Жукова, когда он работал над книгой воспоминаний, думаю, что необходимо привести их здесь как свидетельство расширения и изменения взглядов и оценок маршала.

«Надо будет наконец посмотреть правде в глаза и не стесняясь сказать о том, как оно было на самом деле. Надо оценить по достоинству немецкую армию, с которой нам пришлось столкнуться с первых дней войны. Мы же не перед дурачками отступали по тысяче километров, а перед сильнейшей армией мира. Надо ясно сказать, что немецкая армия к началу войны была лучше нашей армии, лучше подготовлена, выучена, вооружена, психологически более готова к войне, втянута в нее. Она имела опыт войны, и притом войны победоносной. Это играет огромную роль. Надо также признать, что немецкий генеральный штаб и вообще немецкие штабы тогда лучше работали, чем наш Генеральный штаб и вообще наши штабы, немецкие командующие в тот период лучше и глубже думали, чем наши командующие. Мы учились в ходе войны, и выучились, и стали бить немцев, но это был длительный процесс. И начался этот процесс с того, что на стороне немцев было преимущество во всех отношениях.

У нас стесняются писать о неустойчивости наших войск в начальном периоде войны. А войска бывали неустойчивыми, и не только отступали, но и бежали, и впадали в панику. В нежелании признать это сказывается тенденция: дескать, народ не виноват, виновато только начальство. В общей форме это верно. В итоге это действительно так. Но, говоря конкретно, в начале войны мы плохо воевали не только наверху, но и внизу. Не секрет, что у нас рядом воевали дивизии, из которых одна дралась хорошо, стойко, а соседняя с ней — бежала, испытав на себе такой же самый удар противника. Были разные командиры, разные дивизии, разные меры стойкости.

Обо всем этом следует говорить и писать...

«Трактовка внезапности, как трактуют ее сейчас, да и как трактовал ее в своих выступлениях Сталин, неполна и неправильна. Что значит внезапность, когда мы говорим о действиях такого масштаба? Это ведь не просто внезапный переход границы, не просто внезапное нападение. Внезапность перехода границы сама по себе еще ничего не решала. Главная опасность внезапности заключалась не в том, что немцы внезапно перешли границу, а в том, что для нас оказалось внезапностью их шестикратное и восьмикратное превосходство в силах на решающих направлениях, для нас оказались внезапностью и масштабы сосредоточения их войск, и сила их удара. Это и есть то главное, что предопределило наши потери первого периода войны. А не только и не просто внезапный переход границы».

«У нас часто принято говорить, в особенности в связи с предвоенной обстановкой и началом войны, о вине и об ответственности Сталина. С одной стороны, это верно. Но, с другой, думаю, что нельзя все сводить к нему одному. Это неправильно. Как очевидец и участник событий того времени, должен сказать, что со Сталиным делят ответственность и другие люди, в том числе и его ближайшее окружение — Молотов, Маленков и Каганович. Не говорю о Берии. Он был личностью, готовой выполнять все, что угодно, когда угодно и как угодно. Именно для этой цели такие личности и необходимы. Так что вопрос о нем — особый вопрос, и в данном случае я говорю о других людях.

Добавлю, что часть ответственности лежит и на Ворошилове, хотя он и был в 1940 году снят с поста наркома обороны, но до самого начала войны он оставался Председателем Государственного Комитета Обороны. Часть ответственности лежит на нас — военных. Лежит она и на целом ряде других людей в партии и государстве. Участвуя много раз при обсуждении ряда вопросов у Сталина, в присутствии его ближайшего окружения, я имел возможность видеть споры и препирательства, видеть упорство, проявляемое в некоторых вопросах, в особенности Молотовым; порой дело доходило до того, что Сталин повышал голос и даже выходил из себя, а Молотов, улыбаясь, вставал из-за стола и оставался при своей точке зрения...

Представлять себе дело так, что никто из окружения Сталина никогда не спорил с ним по государственным и хозяйственным вопросам — неверно. Однако в то же время большинство окружавших Сталина людей поддерживали его в тех политических оценках, которые сложились у него перед войной, и прежде всего в его уверенности, что если мы не дадим себя спровоцировать, не совершим какого-либо ложного шага, то Гитлер не решится разорвать пакт и напасть на нас.

И Маленков, и Каганович в этом вопросе были солидарны со Сталиным: особенно активно поддерживал эту точку зрения Молотов. Молотов не только был сам человеком волевым и упрямым, которого трудно было сдвинуть с места, если уж он занял какую-нибудь позицию. По моим наблюдениям, вдобавок к этому он в то же время обладал серьезным влиянием на Сталина, в особенности в вопросах внешней политики, в которой Сталин тогда, до войны, считал его компетентным. Другое дело потом, когда все расчеты оказались неправильными и рухнули, Сталин не раз в моем присутствии упрекал Молотова в связи с этим. Причем Молотов отнюдь не всегда молчал в ответ. Молотов и после своей поездки в Берлин в ноябре 1940 года продолжал утверждать, что Гитлер не нападет на нас. Надо учесть, что в глазах Сталина в этом случае Молотов имел дополнительный авторитет человека, самолично побывавшего в Берлине.

Авторитет Молотова усиливался качествами его характера. Это был человек сильный, принципиальный, далекий от каких-либо личных соображений, крайне упрямый, крайне жестокий, сознательно шедший за Сталиным, поддерживавший его в самых жестоких действиях, в том числе и в 1937—1938 годах, исходя из своих собственных взглядов. Он убежденно шел за Сталиным, в то время как Маленков и Каганович делали на этом карьеру.

Единственным из ближайшего окружения Сталина, кто на моей памяти и в моем присутствии высказывал иную точку зрения о возможности нападения немцев, был Жданов. Он неизменно говорил о немцах очень резко и утверждал, что Гитлеру нельзя верить ни в чем.

Как сложились у Сталина его предвоенные, так дорого нам стоившие заблуждения? Думаю, что вначале у него была уверенность, что именно он обведет Гитлера вокруг пальца в результате заключения пакта. Хотя потом все вышло как раз наоборот.

Однако несомненно, что пакт с обеих сторон заключался именно с такими намерениями.

Сталин переоценил меру занятости Гитлера на Западе, считал, что он там завяз и в ближайшее время не сможет воевать против нас. Положив это в основу всех своих прогнозов, Сталин после разгрома Франции, видимо, не нашел в себе силы по-новому переоценить обстановку.

Война в Финляндии показала Гитлеру слабость нашей армии. Но одновременно она показала это и Сталину. Это было результатом 1937—1938 годов, и результатом самым тяжелым.

Если сравнить подготовку наших кадров перед событиями этих лет в 1936 году и после событий в 1939 году, надо сказать, что уровень боевой подготовки войск упал очень сильно. Мало того, что армия, начиная с полков, была в значительной мере обезглавлена, она была еще и разложена этими событиями. Наблюдалось страшное падение дисциплины, дело доходило до самовольных отлучек, до дезертирства. Многие командиры чувствовали себя растерянными, неспособными навести порядок...

«Вспоминая предвоенный период, надо сказать, что, конечно, на нас — военных — лежит ответственность за то, что мы недостаточно настойчиво требовали приведения армии в боевую готовность и скорейшего принятия ряда необходимых на случай войны мер. Очевидно, мы должны были это делать более решительно, чем делали. Тем более что, несмотря на всю непререкаемость авторитета Сталина, где-то в глубине души у тебя гнездился червь сомнения, шевелилось чувство опасности немецкого нападения. Конечно, надо

реально себе представить, что значило тогда идти наперекор Сталину в оценке общеполитической обстановки. У всех на памяти еще были недавно минувшие годы, и заявить вслух, что Сталин не прав, что он ошибается, попросту говоря, тогда могло означать, что, еще не выйдя из здания, ты уже поедешь пить кофе к Берии.

И все же это лишь одна сторона правды. А я должен сказать всю. Я не чувствовал тогда, перед войной, что я умнее и дальновиднее Сталина, что я лучше него оцениваю обстановку и больше него знаю. У меня не было такой собственной оценки событий, которую я мог бы с уверенностью противопоставить, как более правильную, оценкам Сталина. Такого убеждения у меня не существовало. Наоборот, у меня была огромная вера в Сталина, в его политический ум, его дальновидность и способность находить выходы из самых трудных положений. В данном случае в его способность уклониться от войны, отодвинуть ее. Тревога грызла душу. Но вера в Сталина и в то, что в конце концов все выйдет так, как он предполагает, была сильнее. И как бы ни смотреть на это сейчас — это правда...

СМОЛЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

28 июня, на шестой день войны, клещи гитлеровских механизированных частей сошлись в районе Минска, и столица Белоруссии была взята. Западнее Минска в окружении осталась крупная группировка советских войск. Южнее белорусских полей сражений группа армий «Центр» своими танковыми клиньями вышла к Днепру, и, несмотря на то что полевые армии отставали от танковых соединений, немедленно начались форсирование и переправа механизированных частей на восточный берег Днепра.

Восьмого июля генерал-фельдмаршал фон Бок подвел итоги приграничных боев.

Командующий войсками
группы армий «Центр»

Штаб-квартира
8 июля 1941 г.

ПРИКАЗ

Сражение в районе Белосток — Минск завершено. Войска группы армий сражались с четырьмя русскими армиями, в состав которых входило около 32 стрелковые, 8 танковых дивизий, 6 мотомеханизированных бригад и 3 кавалерийские дивизии. Из них разгромлено:

22 стрелковые дивизии,
7 танковых дивизий,
6 мотомеханизированных бригад,
3 кавалерийские дивизии.

Боевая мощь остальных соединений, которым удалось избежать окружения, также значительно ослаблена. Потери противника в живой силе очень велики.

Подсчет пленных и трофеев к сегодняшнему дню выявил:

287 704 пленных, в том числе несколько командиров корпусов и дивизий,
2585 захваченных или уничтоженных танков,
1449 орудий,
246 самолетов,
множество ручного оружия, боеприпасов, транспортных средств, склады продовольствия и горючего.

Наши потери были не выше, чем те, какие готовы понести мужественные войска.

Этим крупным успехом, достигнутым в битве с сильным, отчаянно сражающимся противником, мы обязаны вашей вере и вашему мужеству. Всем войскам и штабам, а также всем транспортным частям и рабочим формированиям группы армий я выражаю признательность за неустанное выполнение своего долга и выдающиеся достижения. Наша особая благодарность нашим товарищам по оружию — военно-воздушным войскам. Сейчас главное — использовать достигнутую победу! Я уверен, что войска группы армий и впредь сделают все от них зависящее: покоя не будет, пока не будет достигнута окончательная победа!

Да здравствует фюрер!

Фон БОК,
генерал-фельдмаршал[1]

В своих воспоминаниях командующий 2-й танковой группой Гудериан пишет: «Наша пехота могла подойти не раньше чем через две недели. За это время русские могли в значительной степени усилить свою оборону. Кроме того, сомнительно было, удастся ли пехоте опрокинуть хорошо организованную оборону на участке реки и снова продолжать маневренную войну...

Я полностью сознавал всю трудность решения. Я считался с опасностью сильного контрудара противника по открытым флангам, которые будут иметь три моих танковых корпуса после форсирования Днепра. Несмотря на это, я был настолько проникнут важностью стоящей передо мной задачи и верой в ее разрешимость и одновременно настолько был убежден в непреодолимой мощи и наступательной силе моих войск, что немедленно отдал приказ форсировать Днепр и продолжать продвижение на Смоленск».

10 и 11 июля войска Гудериана форсировали Днепр и устремились к Смоленску. Так на карте сражений появилось смоленское направление.

Гудериан — опытный генерал, он справедливо опасался ударов во фланги — они у танковой группы не прикрыты, его войска рвутся вперед по дорогам. Тут и военная теория и простая логика подсказывают мысль о возможности нанесения таких боковых ударов. Но советские военачальники их не осуществляли — они упорно отходили вдоль дорог, по которым двигались гитлеровские войска, все время стараясь забежать вперед и выстроить перед ними сплошной фронт.

Нет, не только Сталин просчитался в определении сроков нападения — наши военачальники воевать по-современному свою армию не научили!

ЦАМО, оп. 12462, д. 544, л. 42—43.

На первом этапе Смоленского сражения подвижные войска противника прорвались в глубину и окружили наши войска в районе Могилева, захватили Оршу, Ельню и Кричев. Танковая группа Гота овладела Витебском. Остались в окружении 19, 16 и 20-я советские армии.

16 июля 29-я мотодивизия из войск Гудериана овладела частью Смоленска.

Дальше я цитирую по рукописи Жукова:

«Падение Смоленска было тяжело воспринято Государственным Комитетом Обороны и особенно Сталиным, который в крайне нервном возбуждении несправедливо выражал свое негодование войсками, оборонявшимися в районе Смоленска. Мы, руководящие работники Генерального штаба, также попали под его тяжелую руку, испытывали всю тяжесть несправедливых упреков и раздражения Сталина. Приходилось напрягать всю силу воли, чтобы смолчать и не возмутиться против несправедливых его упреков. Но обстановка требовала от нас пренебречь своим «я» и вести себя так, чтобы не нанести делу еще больший ущерб.

Сталин не разрешил Совинформбюро до особого его распоряжения оповестить страну о сдаче Смоленска и потребовал вернуть город любой ценой. Следует подчеркнуть, что это требование Верховного в сложившейся обстановке не могло быть выполнено, так как войска, стоявшие под Смоленском, были окружены и дрались в неравных условиях. Вернуть Смоленск нам так и не удалось...

Однако с потерей города Смоленское сражение не кончилось — оно длилось в общей сложности два месяца. Ставка передала из резерва маршалу Тимошенко, командовавшему Западным фронтом, 20 стрелковых дивизий и войск, имевшихся в его распоряжении, пять армейских групп, которыми командовал генерал-майор К. К. Рокосовский, генерал-майор В. А. Хоменко, генерал-лейтенант В. Я. Качалов, генерал-лейтенант И. И. Масленников. Этими силами и силами окруженных армий, которые пробивались к своим, Тимошенко и его войска вели ожесточенные бои с противником на всем фронте, и продвижение гитлеровцев фактически на этом этапе было остановлено.

Здесь мне хочется привести слова Жукова с оценкой действий Тимошенко в этот период: «Надо отдать должное маршалу С. К. Тимошенко. В те трудные первые месяцы войны он много сделал, твердо руководил войсками, мобилизуя все силы на отражение натиска врага и организацию обороны».

Я хочу обратить внимание читателей на то, что высокая оценка Жукова в данном случае разошлась с мнением Сталина о Тимошенко. Вот что рассказывает Жуков об эпизоде, происшедшем в ходе Смоленского сражения, после его первого этапа. Я цитирую по рукописи, хотя этот эпизод есть и в опубликованном труде Жукова, но все же в рукописи есть некоторые нюансы, которые опущены при редактировании, а они очень важны для характеристики как Тимошенко, так и Жукова.

«Мы вошли в комнату, за столом сидели почти все члены Политбюро. Сталин стоял посередине комнаты и держал пустую трубку в руках — верный признак плохого настроения.

— Вот что,— сказал Сталин,— Политбюро обсудило деятельность Тимошенко на посту командующего Западным фронтом и считает, что он не справился с возложенной на него задачей в районе Смоленска. Мы пришли к выводу, что на должность командующего Западным фронтом надо послать Жукова.— А затем, помолчав немного, Сталин спросил, обращаясь к Тимошенко: — Что думаете вы?

Тимошенко молчал. Да и что он мог сказать на это несправедливое обвинение?

— Товарищ Сталин,— сказал я,— частая смена командующих фронтами тяжело отражается на ходе операций. Командующие, не успев войти в курс дела, вынуждены вести тяжелейшие сражения. Маршал Тимошенко командует фронтом всего лишь четыре недели. В ходе Смоленского сражения хорошо узнал войска, на что они способны. Он сделал все, что можно было сделать на его месте, и почти на месяц задержал противника в районе Смоленска. Думаю, что никто другой большего не сделал бы. Войска верят в Тимошенко, а это главное. Я считаю, что сейчас снимать его с фронта несправедливо и крайне опасно.

Калинин, внимательно слушавший, сказал:

— А что, пожалуй, Жуков прав.

Сталин раскурил трубку, посмотрел на других членов Политбюро и сказал:

— Может быть, согласимся с Жуковым?

Послышались голоса:

— Вы правы, товарищ Сталин, Тимошенко может еще выправить положение.

Не сказав больше ни слова, нас отпустили, приказав Тимошенко немедленно выехать на фронт.

Когда мы возвращались обратно в Генштаб, Тимошенко сказал:

— Ты зря отговорил Сталина. Я страшно устал от его дерганья.

— Ничего, Семен Константинович, кончим войну, тогда отдохнем, а сейчас скорее на фронт.

С тем Тимошенко и уехал.

Было ясно, что его серьезно обидело это несправедливое обвинение. Этот случай не был единственным. Сталин редко был объективен в оценке деятельности военачальников. Я это испытал сам. Сталин не выбирал слов; он мог легко и незаслуженно обидеть человека, даже такого, который всеми силами стремится сделать все, на что он способен. Я хорошо понимал С. К. Тимошенко, но тогда было не до обид личного характера».

На западном направлении, после тяжелейших сражений в районе Смоленска, канонада временно стихла. Обе стороны приводили войска в порядок и готовились к грядущим событиям. Бои не прекращались только в районе Ельни. Ельнинский выступ, захваченный немецкими войсками, был очень выгодным плацдармом для удара по Москве. Немцы стремились удержать его в своих руках во что бы то ни стало.

Наше контрнаступление решающего успеха под Смоленском не имело, группировка противника разгромлена не была, Смоленск не был возвращен, но все же было сорвано и наступление противника. Мотострелковые соединения группы армий «Центр» потеряли к этому времени около 50 % своего состава, и в этой

операции был нанесен еще один удар по молниеносной стратегии противника, а окончательным результатом Смоленского сражения было то, что немецко-фашистские войска были вынуждены перейти к обороне на московском направлении.

Что же происходило в это время в расположении противника?

НА ТОЙ СТОРОНЕ, ИЮЛЬ — АВГУСТ 1941 ГОДА

По всей Германии громкоговорители гремели военными маршами. Будто вся страна участвовала в военном походе. Праздничное волнение охватило народ. Геббельс с пафосом поздравлял соотечественников с новыми победами, с ликованием провозглашал все новые и новые названия городов, которыми овладела германская армия.

В Ставке Гитлера тоже праздничное настроение, все приветливы, улыбчивы. Отброшены заботы, сомнения и колебания, на фюрера смотрят с великим почтением. А как же — победитель Франции, Польши и вот уже почти покоритель России!

В присутствии фюрера говорят только шепотом. В полный голос, раскатисто и победно, говорит только он. И всем это понятно и приятно. Имеет право!

Третьего июля, на двенадцатый день войны, Гальдер записал в своем дневнике: «В целом теперь уже можно сказать, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед Западной Двиной и Днепром выполнена... восточнее мы можем встретить сопротивление лишь отдельных групп, которые, принимая во внимание их численность, не смогут серьезно помешать наступлению германских войск. Поэтому не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней. Конечно, она еще не закончена».

А Гитлер на очередном совещании 4 июля многозначительно заявил:

— Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически он войну уже проиграл. Хорошо, что мы разгромили танковые и военно-воздушные силы русских в самом начале. Русские не смогут их больше восстановить.

Не надо думать, что гитлеровцы были людьми легкомысленными, и представлять их так карикатурно, как порой описывали наши газеты, просто наивно. У руководства германскими вооруженными силами были довольно весомые основания для хорошего настроения.

Окрыленный успехами первых двух недель боев, Гитлер рассуждает о делах, которые будет осуществлять вермахт после завершения восточной кампании. Он вообще настолько верил в реальность своих замыслов, что еще до нападения на СССР отдал соответствующие указания, и генштабисты разработали директиву № 32. Гитлер подписал ее 11 июня 1941 г.

Эта директива ставила задачи на операции вермахта после осуществления плана «Барбаросса». Предусматривалось, что после разгрома вооруженных сил Советской России, «исходя из обстановки, которая должна сложиться в результате победоносного завершения похода на восток, перед вооруженными силами могут быть поставлены на конец осени 1941 г. и зиму 1941/42 г. следующие стратегические задачи». Дальше излагались эти задачи: в Северной Африке захватить Тобрук и наступать на Суэцкий канал; из Закавказья бросить механизированный экспедиционный корпус в Иран и Ирак; блокировать западный вход в Средиземное море путем захвата Гибралтара и так далее.

Но, кроме лучезарных планов, существовали реальная обстановка, реальные войска, которые продолжали сражения. А реальность эта была такова, что группа армий «Центр», понеся большие потери в боях за Смоленск, имела на своем правом фланге отставшую группу армий «Юг», войска же нашего Юго-Западного фронта угрожали тылам продвинувшейся вперед группы армий «Центр» и могли нанести ощутимый контрудар, а при хорошей организации и отрезать эти прорвавшиеся вперед армии центральной группы.

И вот у фюрера появилась забота: куда двигать войска дальше — на юг или на север? О том, почему возникла такая проблема, кто заставлял об этом думать, в окружении Гитлера как-то не принято было говорить. Просто возникла проблема, и фюрер в театральной позе, предрешая гениальность своего выбора, предрекал: «Это будет самым тяжелым решением этой войны». Втайне он уже, видимо, понимал, что ставка на молниеносный удар не сбывается. Во всех вариантах восточной кампании, которые разрабатывались до начала войны, предусматривалось — не допустить отхода частей Красной Армии в глубь территории Советского Союза, все они должны были быть окружены и уничтожены до рубежа Днепра. Однако это явно не состоялось.

Внешне Гитлер был спокоен и важен, но в сознании его что-то заметалось в предчувствии беды. Это можно сегодня подтвердить несколькими отданными им директивами. Была целая вереница директив, причем одна другую догоняла, уточняла и даже отменяла.

19 июля, опасаясь за судьбу группы армий «Центр», Гитлер вынужден был отдать директиву № 33, кстати, это первая директива после подписанного в начале войны плана «Барбаросса», которая конкретизировала дальнейшие действия войск.

Согласно этой директиве приостанавливалось наступление группы армий «Север». Командующему группой армий «Центр» Боку было приказано заняться наведением порядка в своих армиях, и особенно восстановить боеготовность танковых соединений. Рундштедту — группа армий «Юг» — приложить все силы для уничтожения советских армий и не позволить им уйти на восток, за Днепр.

Вынужденный отдать такое приказание, Гитлер был этим очень недоволен, потому что подобная приостановка никак не входила в прежние расчеты ни его, ни верховного командования вермахта. Многие генералы из окружения Гитлера всячески подбивали фюрера на продолжение безоглядного наступления на Москву, да

и сам Гитлер, все время искавший возможностей осуществить свои прежние намерения, вдруг, вопреки логике событий, неожиданно для командующих, 23 июля отдает дополнение к директиве № 33, которое в корне меняет ранее поставленные задачи.

Теперь Лееб группой армий «Север» должен — без дополнительных танковых сил — взять Ленинград. Бок группой армий «Центр» — взять Москву, и, кроме того, 3-й танковой группе, входящей в состав его войск, приказано двинуться к Волге. А Рундштедт на юге, получив подкрепление, должен был пройти через Харьков и Донбасс, вторгнуться на Кавказ и осуществить дальнейшие планы, намеченные в директиве № 32, то есть двигаться в Ирак и Иран.

Как видим, Гитлер, не считаясь с обстановкой на фронтах, пытается волевым напором осуществить свои заветные замыслы. В данном случае он был похож на Сталина, который тоже частенько, не считаясь с обстановкой, исходил лишь из своих желаний. Но у Гитлера позиции были, пожалуй, попрочнее. Зачем ждать? Противник разгромлен, он шатается, его надо только толкнуть! Ведь несколько дней назад всем было ясно — война выиграна.

Главнокомандующий сухопутными силами Браухич и начальник генерального штаба Гальдер поняли невыполнимость задач, которые ставил в этих новых указаниях Гитлер. Они высказали свои точки зрения, но аргументы их не были признаны достаточно убедительными.

Тем временем на западном направлении продолжалось Смоленское сражение. В районах Ярцева, Ельни, Смоленска, в котлах у Могилева советские войска действовали очень активно, исход этих боев был настолько непредсказуем и успех действий советских войск мог привести к таким тяжелым последствиям, что Гитлер был вынужден 30 июля отдать еще одну, очередную, директиву № 34, которой практически отменял свой предыдущий приказ и в которой снова давал указания о переходе к оборонительным действиям.

Командующий центральной группой войск Бок был очень недоволен этим приказом, потому что он все еще был уверен, что сможет решительным рывком в сторону Москвы опрокинуть советские части и овладеть столицей.

После войны гитлеровские генералы обвинили своего фюрера в авантюризме и недостаточной стратегической грамотности. Но сравнение действий фюрера и его командующего на центральном направлении свидетельствует как раз об обратном. В данном случае Гитлер, опасаясь тяжелых последствий в результате наступательных действий советских армий, приказывал Боку остановиться, отбить наступление, дообеспечить свои войска, привести их в порядок и только после этого возобновить наступление. Однако Бок готов был ослушаться фюрера, он заявлял: «Мы теряем огромный шанс... Необходимо двигаться вперед, на Витебск, не обращая внимания на создавшиеся в тылу котлы». Главнокомандующему Браухичу он сказал: «Принципы современной войны требуют продолжать наше движение на Москву. Мы разбили большое число соединений противника». Более осторожный Браухич говорил Боку о том, что в тылу остались еще сильные советские части и надо перейти к временной обороне. Но Бок продолжал настаивать на своем.

Для того чтобы окончательно разобраться в сложившейся обстановке и сделать заключение, кто же прав — Бок или Браухич, Гитлер 4 августа прилетел в Борисов, в штаб группы армий «Центр». Главным вопросом, который назрел и по поводу которого Гитлер должен был принять решение, был вопрос о том, где сосредоточить основное усилие — на наступлении на Москву или на взятии Киева.

Совещание началось с доклада Бока об обстановке на фронте группы армий «Центр». Он обрисовал положение войск, их состояние и материальное обеспечение.

Гудериан, доложив обстановку перед фронтом своей 2-й танковой группы, особо подчеркнул:

— Для продолжения операций необходимо восполнить потери в офицерах, унтер-офицерах и солдатах, а также в технике. В случае подвоза необходимого числа новых двигателей можно на 70 % восстановить боеспособность танков для ведения глубоких операций. Если группа получит меньше, то сможет проводить лишь ограниченные операции.

Дальше докладывал Гот об обстановке на фронте 3-й танковой группы, он тоже особенно подчеркнул, что дальнейшие операции его группа может вести лишь с ограниченной целью, если не будут подвезены новые двигатели.

Высказались и другие присутствующие, в целом их мнение сводилось к тому, что группой армий «Центр» необходимо продолжать наступление на Москву.

Как бы подводя итоги, но не принимая еще окончательного решения, а только размышляя, Гитлер сказал:

— Планы Англии определить в настоящее время невозможно. Они могут высадить десанты и на Пиренейском полуострове, и в Западной Африке. Для отражения таких попыток высадки десанта, а также для других целей необходимо держать наготове высокоманевренные резервы. Для этого служат две танковые дивизии, находящиеся на родине, и вновь формирующиеся танковые соединения. На оснащение последних идет основная масса производимых двигателей. Однако мы подумаем, и я надеюсь, что найдем возможность выделить для второй и третьей танковых групп хотя бы четыреста новых двигателей.

Гудериан вставил реплику:

— Только для второй танковой группы требуется их триста.

Гитлер не ответил на его реплику и продолжал рассуждать:

— Для принятия решений о продолжении операций определяющей является задача — лишить противника жизненно важных районов. Первая достижимая цель — Ленинград и русское побережье Балтийского моря в связи с тем, что в этом районе имеется большое число промышленных предприятий, а в самом Ленинграде находится единственный завод по производству сверхтяжелых танков, а также в связи с

необходимостью устранения русского флота на Балтийском море. Мы надеемся достигнуть этой цели к 20 августа. После этого значительная часть войск группы армий «Север» будет передана в распоряжение группы армий «Центр».

Затем Гитлер продолжил:

— На юге обстановка в течение последних дней развивалась благоприятно. Там намечается уничтожение крупных сил противника. Противник сильно измотан также в результате предшествующих операций группы армий «Юг», его боеспособность нельзя назвать высокой... Можно предположить, что в ближайшее время русская армия придет в такое состояние, что не сможет вести крупных операций и сохранить в целости линию фронта. Большие потери противника подтверждаются тем, что он бросает в последнее время в бой свои отборные пролетарские соединения, как видно из докладов генерал-полковника Гудериана о наступлении на Рославль... Сложилось впечатление, что там удался полный прорыв и путь на восток за Рославлем свободен.

В целом операции на восточном фронте развивались до сих пор более удачно, чем это можно было бы ожидать, даже несмотря на то что мы встретили сопротивление большего количества танков и самолетов, чем то, которое предполагали... Англичане радостно кричат о том, что немецкое наступление остановилось. Надо будет ответить им через нашу прессу и радио и напомнить об огромных расстояниях, которые нами уже преодолены. Суточные переходы пехоты превосходят все, что было достигнуто до сих пор. Я даже рассчитывал, что группа армий «Центр», достигнув рубежа Днепр — Западная Двина, временно перейдет здесь к обороне, однако обстановка складывается так благоприятно, что нужно ее быстро осмыслить и принять новое решение.

Далее Гитлер развил свои суждения об общей обстановке:

На втором месте по важности для противника стоит юг России, в частности Донецкий бассейн, начиная от района Харькова. Там расположена вся база русской экономики. Овладение этим районом неизбежно привело бы к краху всей экономики русских... Поэтому операция на юго-восточном направлении мне кажется первоочередной, а что касается действий строго на восток, то здесь лучше временно перейти к обороне. Эксперты и специалисты по метеорологии докладывают, что в России период осенних дождей на юге начинается обычно в середине сентября, а в районе Москвы лишь в середине октября, таким образом, мы успеем, завершив операции на юге, продолжить их в направлении Москвы на восток до наступления дождей...

Дождавшись паузы и понимая, что Гитлер все больше склоняется к тому, чтобы сосредоточить главные усилия на флангах, то есть на севере в сторону Ленинграда и на юге в сторону Киева, Бок все же попытался напомнить ему:

— Однако наступление на восток в направлении Москвы будет предпринято против основных сил противника. Разгром этих сил решил бы исход войны. Вместе с тем надо отдавать себе отчет и в том, что для проведения такого решающего наступления его надо тщательно подготовить и питать необходимой техникой и боеприпасами.

На этом совещании Гитлер не принял окончательного решения. Вопрос о том, в каком направлении сосредоточить главные усилия войск на восточном фронте, остался открытым.

Из штаба группы армий «Центр» Гитлер вылетел к Рундштедту в группу армий «Юг».. Здесь было еще более сложное положение. Рундштедт полностью увяз в боях с частями Юго-Западного фронта, которым командовал М. П. Кирпонос. Он вполне обоснованно доложил Гитлеру, что группа армий «Центр» будет иметь обеспеченный фланг для нанесения последнего решающего удара на Москву только после уничтожения противника в Восточной Украине. И нельзя нанести удар на московском направлении раньше, чем будет развязан узел на Украине.

Выслушав доклад Рундштедта и ознакомившись с создавшейся здесь обстановкой, Гитлер еще раз убедился в необходимости «поворота на юг»: если не расчистить то, что нависает над группой армий «Центр» с юга, ни о продолжении наступления на Москву, ни вообще о продвижении на восток нельзя было говорить.

Но не так просто было совершить этот «поворот на юг». Разгорелось Смоленское сражение. Танковая группа Гудериана была связана боями с группой генерал-лейтенанта В. Я. Качалова. Эта группа, находясь в окружении, вела себя настолько активно, что сковывала большие силы противника. А на северном фланге фронта Бока танковая группа Гота тоже не могла повернуть свои части, потому что в тылу ее действовала кавалерийская группа генерала О. И. Городовикова. В районе Великих Лук тоже активно действовали наши окруженные части 16-й и 20-й армий, которые пробивались на восток к своим. Такое положение было на флангах.

Восьмого августа наши войска перешли в наступление и ударили в центр группы армий Бока, вклинились в его передовые части. А 17 августа начал наступление Резервный фронт под командованием Жукова, о чем речь пойдет дальше. Здесь Ельнинской операцией Жуков сказал свое весомое, а может быть, решающее слово в Смоленском сражении.

В такой сложной и напряженной для гитлеровской армии обстановке родилась новая директива Гитлера от 22 августа 1941 года. Она начиналась так: «Соображения командования сухопутных войск относительно дальнейшего ведения операций на востоке от 18 августа не согласуются с моими планами... Гитлер в корне ломал принятые раньше решения, на что, собственно, его вынудили действия советских армий. Совсем недавно в директиве № 34 он приказывал Боку еще до наступления зимы захватить Москву. А теперь он дал указание остановить армии «Центра».

После завершения второй мировой войны немец-

кие генералы, да и стратеги других армий писали о том, что Гитлер допустил ошибку, остановив наступление на Москву. Если быть объективным, то надо признать, что в данном случае Гитлер был прав. Но с такой поправкой: во-первых, не он остановил наступление на Москву, а остановили это наступление советские войска. Если бы наступление продолжалось, то оно привело бы немецкую армию к более тяжелому поражению. Вот разъяснение, которое давал Гитлер своим генералам: «Наступление на Москву может быть продолжено только после уничтожения крупных советских сил, не позволяющих завершить это наступление. Чего бы это ни стоило, надо уничтожить эти советские части. Возражение, что в результате этого мы потеряем время и наступление на Москву будет предпринято слишком поздно или что танковые соединения по техническим причинам не будут тогда в состоянии выполнить эту задачу, является неубедительным. Ибо после уничтожения русских войск, угрожающих правому флангу группы армий «Центр», наступление на Москву будет провести не труднее, а легче».

И дальше Гитлер опять-таки логично рассуждает: «Сейчас нам представляется благоприятная возможность, какую дарит судьба во время войны в редчайших случаях. Огромным выступом глубиною почти в триста километров расположены войска противника, с трех сторон охватываемые двумя немецкими группами армий».

И это действительно было так. Войска Юго-Западного фронта с севера и с юга были охвачены германскими соединениями. Кроме того, Гитлер подчеркивал, что после поворота на юг и захвата Украины и Донбасса Советский Союз будет лишен угля, железа, нефти, а немецкая армия все это приобретет, и это очень важно для окончательной победы.

23 августа командующие танковыми группами были вызваны в штаб группы армий «Центр» и здесь им был отдан приказ о дальнейших действиях в соответствии с вышеприведенной директивой Гитлера. Начальник генерального штаба сухопутных войск Гальдер, присутствовавший на этом совещании, был явно подавлен таким решением фюрера, потому что он был одним из основных разработчиков плана наступления на Москву.

Поскольку возражения штабных генералов Гитлер во внимание не принял, Бок предложил Гудериану как фронтовому генералу еще раз обратиться к Гитлеру и попытаться склонить его к изменению принятого решения.

Гудериан вместе с Гальдером вылетели в ставку в Восточной Пруссии. Здесь Гудериан зашел сначала к главнокомандующему сухопутными силами фельдмаршалу фон Браухичу и изложил ему цель своего приезда и тему предстоящего разговора с Гитлером. Браухич ему ответил:

— Я запрещаю вам поднимать перед фюрером вопрос о наступлении на Москву. Вы имеете приказ наступать в южном направлении, и речь может идти только о том, как его выполнить.

— Тогда позвольте вылететь обратно в свою танковую группу, ибо при таких условиях мне не имеет смысла говорить с Гитлером о чем бы то ни было.

— Нет, вы пойдете к фюреру,— возразил фельдмаршал,— и доложите ему о положении своей танковой группы, не упоминая, однако, ничего о Москве!

Гудериан отправился к Гитлеру. В присутствии Кейтеля, Йодля, Шмундта и других он доложил обстановку перед фронтом своей танковой группы, а также о ее состоянии и обеспеченности.

Гитлер спросил:

— Считаете ли вы свои войска способными сделать еще одно крупное усилие при их нынешней боеспособности?

— Если войска будут иметь перед собой настоящую цель, которая будет понятна каждому солдату, то да!

— Вы, конечно, подразумеваете Москву?

— Да. Поскольку вы затронули эту тему, разрешите мне изложить свои взгляды по этому вопросу.

Гитлер разрешил, и Гудериан еще раз подробно изложил ему свои доводы. Он говорил, что после достижения военного успеха на решающем направлении и разгрома главных сил противника будет значительно легче овладеть экономически важными районами Украины, так как захват Москвы — узла важнейших железных дорог — чрезвычайно затруднит русским переброску войск с севера на юг. Он также напомнил, что войска группы армий «Центр» уже находятся в полной боевой готовности для перехода в наступление на Москву, в то время как предполагаемое наступление на Киев связано с необходимостью провести перегруппировку войск, на что потребуется много времени. Он еще раз подчеркнул, что операции на юге могут затянуться, и тогда из-за плохой погоды уже поздно будет наносить решающий удар на Москву в этом году.

Гитлер слушал Гудериана молча, ни разу не прервал его. Но когда Гудериан замолчал, надеясь, что он убедил фюрера своей горячей речью, Гитлер вдруг твердо сказал:

— Я приказываю немедленно перейти в наступление на Киев, который является ближайшей стратегической целью.

Затем Гитлер повторил уже изложенные в директиве ставки соображения об ударе по Ленинградскому промышленному району, о необходимости овладения Крымом, являющимся авианосцем Советского Союза в его борьбе против использования Германией румынской нефти, и другие «экономические доводы». В заключение своей короткой отповеди Гудериану Гитлер, обращаясь ко всем присутствующим, бросил фразу, которую он уже произносил не раз:

— Мои генералы ничего не понимают в военной экономике!

Все присутствующие генералы, кроме Гудериана, послушно закивали головами в знак согласия с фюрером.

После войны на Западе будут очень много писать о том, что плохой стратег Гитлер испортил блестящие замыслы своих генералов и не позволил им одержать уже почти достигнутую победу. Спор насчет нанесения главного удара на Москву или же в двух направлениях — на Ленинград и на Украину — некоторые историки склонны считать «ахиллесовой пятой»

всей восточной кампании. Я еще вернусь к этим разногласиям между Гитлером и военными, а сейчас ограничусь спором на совещании в Борисове. Дело в том, что военные помощники Гитлера многое пытались свалить на него, обеляя себя и пытаясь уйти от кары на Нюрнбергском и других процессах. Но, как видим из приведенного выше разговора (а я пользовался стенограммами, а не чужим изложением, в котором могла быть и субъективная неточность), все военные полностью поддерживали политические замыслы Гитлера и расхождение было лишь в деталях осуществления его агрессивных планов, как в данном случае: куда бить — на Москву или на Украину и Ленинград. А в том, что они были едины в своих захватнических устремлениях, никаких сомнений нет. Генералы являлись не только исполнителями, они были даже в какой-то степени более решительны, чем сам Гитлер, стремились к более быстрому и полному осуществлению замыслов фюрера.

КОНФЛИКТ СО СТАЛИНЫМ

Стойкость и мужество частей Юго-Западного фронта, можно сказать, спасли страну, потому что даже при больших успехах на главном направлении гитлеровское командование не решилось нанести последний удар на Москву, имея у основания клина такое мощное объединение войск, как Юго-Западный фронт.

Юго-Западный фронт упорными, затяжными боями удерживал каждый рубеж и, используя малейшую возможность для контрударов, оставался на правой стороне Днепра, далеко в тылу противника. Гитлеровцы с военной точки зрения вполне правильно решили окружить войска Юго-Западного фронта еще на правобережье Днепра и тем самым избавить группу армий «Центр» от постоянной угрозы удара с юга, дать ей свободу действий на московском направлении.

Жуков предвидел решение гитлеровского командования на окружение войск Юго-Западного фронта. Как начальник Генерального штаба, он не только руководил повседневной деятельностью войск, но и постоянно анализировал, обобщал, делал выводы о положении на фронтах.

Шел второй месяц войны. Гитлеровская армия, планировавшая к этому времени разгромить Красную Армию и захватить Москву, не осуществила поставленные задачи. Противник нес на всех направлениях большие потери. Не оправдалось предположение гитлеровцев о том, что они не встретят такого упорного сопротивления, какое оказала им Красная Армия. Фронт действий войск по мере углубления на территорию нашей страны все больше растягивался. Гитлеровской армии уже не хватало войск и, главное, резервов для того, чтобы действовать на всех стратегических направлениях. Но все же у гитлеровцев были еще большие силы и особенно мощные бронетанковые группировки и авиация, которые были способны наносить сильные удары.

Взвесив и обдумав положение и возможности войск, своих и противника, Жуков пришел к выводу, что гитлеровцы в настоящее время не смогут начать нового наступления на Москву, пока не обеспечат правый фланг своего центрального фронта. Предвидя удар противника в тыл нашему Юго-Западному фронту, Жуков считал, что необходимо наши войска спасти от окружения — отвести за Днепр и организовать оборону на этом удобном природном оборонительном рубеже. Взгляните на карту: Днепр от Киева поворачивает и течет на юго-восток к Днепропетровску, а затем на юг — к Запорожью и Херсону. Сама природа предоставляла нашим войскам удобную мощную преграду, за которую они пока еще могли отойти. Жуков также считал, что нужно воспользоваться ослаблением войск противника, стоящих на московском направлении (из-за поворота части его сил на юг), и нанести им удар именно здесь.

29 июля Жуков позвонил Сталину и попросил принять его для срочного доклада. Сталин сказал, что ждет его.

Взяв карты со стратегической обстановкой, группировкой войск, все необходимые справочные данные, Георгий Константинович направился к Сталину. В приемной его встретил Поскребышев, сказал:

— Посиди, приказано подождать.

(Да, именно так, на «ты», обращался помощник Сталина к министрам, ученым, маршалам и генералам, считая, что близость к вождю дает ему такое право!)

Через 15—20 минут в кабинет Сталина прошли Маленков и Мехлис, а затем пригласили войти Жукова. Почему Сталин не захотел говорить с Жуковым один на один, да к тому же пригласил не военных специалистов, а этих двух, верных и всегда готовых безоглядно поддерживать?

Видимо, он опасался того важного разговора, на котором так настаивал Жуков. При всей своей неограниченной власти Сталин все же всегда заботился и о тех следах, которые останутся в официальной истории. Предвидя серьезность беседы, он и на этот раз пригласил свидетелей.

— Ну, докладывайте, что у вас,— сказал Сталин.

Жуков расстелил на столе карты и подробно изложил обстановку на фронтах и свои выводы и предложения, что следовало бы предпринять в настоящее время. Он очень подробно осветил возможности и предполагаемый характер действий противника, на что Мехлис бросил реплику:

— Откуда вам известно, как будут действовать немецкие войска?

— Мне не известны планы, по которым будут действовать немецкие войска,— ответил Жуков,— но, исходя из анализа обстановки, они будут действовать только так, а не иначе. Мое предположение основано на анализе состояния и дислокации немецких войск, и прежде всего бронетанковых и механизированных групп, являющихся ведущими в их стратегических операциях.

— Продолжайте докладывать,— бросил Сталин.

Жуков продолжил доклад:

— На московском стратегическом направлении нем-

цы в ближайшие дни, видимо, не смогут вести крупные операции, так как они понесли здесь слишком большие потери. У них нет крупных стратегических резервов для обеспечения правого и левого крыла группы армий «Центр». На ленинградском направлении без дополнительных сил немцы не смогут начать операции по захвату Ленинграда и соединению с финнами. На Украине главные сражения могут разыграться где-то в районе Днепропетровска, Кременчуга, куда вышла главная группировка бронетанковых войск противника группы армий «Юг». Наиболее слабым участком нашей обороны является Центральный фронт. Армии Центрального фронта, прикрывающие направления на Унечу—Гомель, очень малочисленны и слабо обеспечены техникой. Немцы могут воспользоваться этим и ударить во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта, удерживающим район Киева.

Что вы предлагаете? — настороженно спросил Сталин.

— Прежде всего укрепить Центральный фронт, передав ему не менее трех армий, усиленных артиллерией. Одну армию за счет западного направления, одну — за счет Юго-Западного фронта, одну — из резерва Ставки. Поставить во главе фронта другого, более опытного и энергичного командующего. Кузнецов недостаточно подготовлен, он не сумел твердо управлять войсками фронта в начале войны в Прибалтике. Конкретно предлагаю на должность командующего Ватутина, моего первого заместителя.

— Ватутин мне будет нужен,— возразил Сталин и продолжал: — Вы что же предлагаете, ослабить направление на Москву?

— Нет, не предлагаю. Противник здесь, по нашему мнению, пока вперед не двинется. А через 12—15 дней мы можем перебросить с Дальнего Востока не менее восьми вполне боеспособных дивизий, в том числе одну танковую.

— А Дальний Восток отдадим японцам? — съязвил Мехлис.

Жуков не ответил на эту ироническую реплику и продолжал:

— Юго-Западный фронт необходимо целиком отвести за Днепр. За стыком Центрального и Юго-Западного фронтов сосредоточить резервы не менее пяти усиленных дивизий.

— А как же Киев? — спросил Сталин.

Киев придется оставить,— помолчав, ответил Жуков. Он понимал всю тяжесть подобного решения для города и для страны, но в то же время видел, что другой возможности спасти войска, необходимые для дальнейшей борьбы, нет.— А на западном направлении нужно немедля организовать контрудар с целью ликвидации Ельнинского выступа, так как этот плацдарм противник может использовать в удобное для него время для удара на Москву...

Сталин прервал Жукова и с возмущением воскликнул:

— Какие там еще контрудары! Что за чепуха? Опыт показал, что наши войска не могут наступать... И как вы могли додуматься сдать врагу Киев?

Немало ходило разговоров о том, что Жуков стал возражать Сталину только в конце войны, когда у него уже был большой полководческий авторитет. Можно с этим согласиться, добавив, что Жуков в последний год войны высказывал свои аргументы более твердо, однако до прямой полемики маршал доводить разговор все же опасался. Что же, трусил? Нет, не в жуковском это характере! Он знал, что Сталин может закусить удила, наломать дров, и это повредит делу. Но о том, что Жуков ради общей пользы не считался с опасностью лично для себя, свидетельствует эпизод, который я прервал для этого примечания. А суть в том, что перед этим разговором Сталин послал очень грозную телеграмму командованию Юго-Западного фронта. Вот ее текст:

«Киев, т. Хрущеву 11 июля 1941 г.

Получены достоверные сведения, что вы все, от командующего Юго-Западным фронтом до членов Военного Совета, настроены панически и намерены произвести отвод войск на левый берег Днепра.

Предупреждаю вас, что, если вы сделаете хоть один шаг в сторону отвода войск на левый берег Днепра, не будете до последней возможности защищать районы УРов на правом берегу Днепра, вас всех постигнет жестокая кара как трусов и дезертиров.

Председатель Государственного
Комитета Обороны
И. Сталин».

Жуков конечно же знал об этой телеграмме: она шла через узел связи Генерального штаба. И вот, зная о таком строжайшем предупреждении и обещанной «жестокой каре», Жуков тем не менее однозначно заявляет «Киев придется сдать». Не трудно представить, какое душевное волнение пережил Георгий Константинович, чтобы решиться на такое заявление. И он решился: твердо и убежденно сказал свое мнение, потому что от этого зависела судьба фронта и дальнейший ход оборонительных операций.

Я думаю, Жуков предвидел последствия такого неприятного для Сталина высказывания. Об этом свидетельствует дальнейший ход разговора. После гневной вспышки Сталина и его обидных слов Жуков покраснел, некоторое время пытался себя сдержать, но не смог и ответил:

— Если вы считаете, что я как начальник Генерального штаба способен только чепуху молоть, тогда мне здесь делать нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт, там я, видимо, принесу больше пользы Родине.

— Вы не горячитесь. Мы без Ленина обошлись, а без вас тем более обойдемся... Идите работайте, мы тут посоветуемся и тогда вызовем вас.

Жуков вышел из кабинета, кровь тяжело била в виски, обида сжимала сердце. Через сорок минут Жукова снова вызвали к Сталину. Войдя в кабинет, Жуков увидел, что к ранее присутствовавшим Мехлису и

Маленкову прибавился еще и Берия. Это был плохой признак. Появление Берии не предвещало ничего хорошего.

Сталин сказал сухо, не глядя в глаза Жукову:

— Вот что, мы посоветовались и решили освободить вас от обязанностей начальника Генерального штаба. На это место назначим Шапошникова. Правда, у него со здоровьем не все в порядке, но ничего, мы ему поможем.

— Куда прикажете мне отправиться?

— Куда бы вы хотели?

— Могу выполнять любую работу — могу командовать дивизией, корпусом, армией, фронтом.

— Не горячитесь, не горячитесь. Вы говорили об организации контрудара под Ельней, ну вот и возьмитесь за это дело. Мы назначим вас командующим Резервным фронтом. Когда вы можете выехать?

— Через час.

— Сейчас в Генштаб прибудет Шапошников, сдайте ему дела и уезжайте. Имейте в виду, вы остаетесь членом Ставки Верховного Командования.

— Разрешите отбыть?

— Садитесь и выпейте с нами чаю,— пытаясь немного смягчить ситуацию, сказал Сталин.— Да еще кое о чем поговорим.

Жуков сел за стол, ему налили чай, но его состояние понять можно, да и все присутствующие тоже чувствовали неловкость после того, что произошло в этом кабинете. Разговор не получился.

ПОСЛЕДНИЕ БОИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Восьмого августа 1941 года Ставка Верховного Командования была преобразована в Ставку Верховного Главнокомандования Вооруженных Сил СССР: Сталин назначен Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР, ее членами — В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков, Б. М. Шапошников, С. М. Буденный. Как видим, несмотря на недавнюю размолвку, Сталин, который, несомненно, лично определил состав Ставки, включил Жукова в Верховное Главнокомандование.

Давайте посмотрим объективно на этот верховный орган командования вооруженными силами. Представляет ли он тот мозговой центр, который был необходим, который можно и нужно было создать в ходе такой большой войны? На мой взгляд, Ставка не была таким мозговым центром, и вот почему. Сталин и Молотов — люди сугубо штатские, не имеющие военной подготовки. Ворошилов, Тимошенко и Буденный, военачальники, хорошо проявившие себя в годы гражданской войны, однако в период между гражданской и Отечественной войнами фундаментального образования себе они не прибавили и не раз обнаруживали невысокий уровень теоретических знаний да и практических действий. Достаточно напомнить неудачные бои в ходе финской кампании, на Халхин-Голе до приезда Жукова и другие мероприятия по организации и укреплению боеспособности Красной Армии. Впрочем, Тимошенко несколько отличается от двух других названных здесь людей: первыми боями 41-го года он руководил более уверенно, Жуков ценил его. В целом же из всего этого состава, как видим, только Жуков и Шапошников по-настоящему могли оценивать и делать выводы из складывающейся сложной обстановки. Причем Шапошников был прирожденный генштабист, да и по опыту всей своей службы он был именно штабной работник высокого класса. Жуков в составе этой Ставки явно выделяется как самая активная и яркая фигура со стратегическим мышлением. Он был просто необходим в руководстве войной, но из-за раздражительности Сталина был отстранен от должности начальника Генерального штаба. Удаление его от непосредственного руководства боевыми действиями в масштабе всех Вооруженных Сил, безусловно, отрицательно сказалось на ходе сражений.

Юго-Западный фронт сыграл свою роль не только в спасении Москвы от удара группы армий «Центр», но и сломал график «молниеносной войны», что в конце концов определило окончательное крушение этой теории, которое произошло в конце 1941 года под Москвой.

Жуков, несмотря на конфликт со Сталиным и не боясь его гнева, продолжал искать пути спасения войск Юго-Западного фронта. Он постоянно следил за событиями, которые там происходили. И поскольку он был на этом фронте в первые дни войны, когда с его помощью там завязывался сложнейший стратегический узел сопротивления на юге, и поскольку ему же затем пришлось ликвидировать последствия происшедшей катастрофы, мне кажется необходимым познакомить читателей с тем, что там случилось.

19 августа, будучи уже командующим Резервным фронтом (о его деятельности на этом посту я расскажу в следующей главе), он послал Сталину такую телеграмму:

«Противник, убедившись в сосредоточении крупных сил наших войск на пути к Москве, имея на своих флангах наш Центральный фронт и великолукскую группировку наших войск, временно отказался от удара на Москву и, перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои ударные подвижные и танковые части бросил против Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов.

Возможный замысел противника: разгромить Центральный фронт и, выйдя в район Чернигов Конотоп — Прилуки, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта. После чего — главный удар на Москву в обход Брянских лесов и удар на Донбасс...

Для противодействия противнику и недопущения разгрома Центрального фронта и выхода противника на тылы Юго-Западного фронта считаю своим долгом доложить свои соображения...

Далее Жуков дает рекомендации по созданию группировки наших войск в районе Брянска.

Ответ последовал незамедлительно:

«Ваши соображения насчет вероятного продвижения немцев в сторону Чернигова — Конотопа — Прилук считаем правильным. Продвижение немцев в эту сторону будет означать обход нашей киевской группы с восточного берега Днепра и окружение наших 3-й и 21-й армий. Как известно, одна колонна противника уже пересекла Унечу и вышла на Стародуб. В предвидении такого нежелательного казуса и для его предупреждения создан Брянский фронт во главе с Еременко. Принимаются другие меры, о которых сообщим особо. Надеемся пресечь продвижение немцев. Сталин. Шапошников».

Для постановки задачи вновь созданному фронту Сталин вызвал генерал-полковника Еременко в Москву. Он хорошо относился к Андрею Ивановичу. Принимая его, разговаривал с ним тепло, расспросил о здоровье. Еременко, чувствуя эту симпатию, держался уверенно, что тоже импонировало Верховному: дела на фронтах шли плохо, все рушилось, нужна была фигура прочная, на которую хотелось опереться, вот Еременко в те дни и показался Сталину такой волевой и прочной личностью.

Сталин обрисовал общую обстановку на советско-германском фронте и поставил Еременко задачу прикрыть направление на Москву с юга — через Брянск и Орел. Он охарактеризовал 2-ю танковую группу Гудериана как главную ударную группировку на этом направлении, сказал, что и сила это грозная, и направление очень важное. Упомянул Сталин и о возможном ударе группы Гудериана по правому флангу Юго-Западного фронта (то, о чем все время предупреждал Жуков), но все же сказал, что основная задача войск Брянского фронта в том, чтобы надежно прикрыть брянское направление от удара по Москве и во что бы то ни стало разбить силы Гудериана.

Выслушав Сталина, А. И. Еременко очень уверенно заявил о том, что он в ближайшие дни безусловно разгромит Гудериана.

Такая уверенность Еременко очень понравилась Верховному, и, когда тот ушел, Сталин сказал оставшимся в его кабинете:

— Вот тот человек, который нам нужен в этих сложных условиях.

После ухода Еременко Сталин продиктовал Шапошникову директиву Юго-Западному фронту, в которой приказывалось: во что бы то ни стало удерживать Киев.

В своих воспоминаниях маршал А. М. Василевский пишет:

«Все последующие дни Ставка и Генеральный штаб занимались вопросом ликвидации опасности, нависшей с севера над Юго-Западным фронтом. Они укрепили это направление и прежде всего Брянский фронт своими резервами — танками, артиллерией, людьми, вооружением, привлекли сюда авиацию соседних фронтов, Резерва Главного Командования, а также части дальнебомбардировочной авиации».

Сталин настолько уверился в силах и возможностях генерала Еременко, что даже решил отдать под его командование соединения Центрального фронта (3-ю и 21-ю армии), ликвидировав этот фронт. Он спросил по телеграфу у Еременко его мнение по этому поводу. Еременко ответил:

— Мое мнение о расформировании Центрального фронта таково: в связи с тем что я хочу разбить Гудериана и, безусловно, разобью, то направление с юга нужно крепко обеспечить. Поэтому прошу 21-ю армию, соединенную с 3-й, подчинить мне... Я очень благодарен вам, товарищ Сталин, за то, что вы укрепляете меня танками и самолетами. Прошу только ускорить их отправку, они нам очень и очень нужны. А насчет этого подлеца Гудериана, безусловно, постараемся разбить, задачу, поставленную вами, выполнить, то есть разбить его...

29—31 августа была проведена большая воздушная операция против 2-й танковой группы Гудериана на брянском направлении. Для осуществления этого удара привлекалась вся авиация Брянского и Резервного фронтов и авиации резерва Верховного Главнокомандования. В боевых вылетах участвовало около пятисот самолетов. В ночь на 30 августа Еременко было приказано использовать этот мощный удар, перейти в наступление и уничтожить группу Гудериана. Это означало бы крах правого фланга немецкой группы армий «Центр».

Однако, несмотря на столь уверенные обещания Еременко, войска Брянского фронта не смогли этого выполнить и оказать эффективную помощь Юго-Западному фронту. В течение 16 суток они не добились ощутимых успехов, а Гудериан за эти 16 суток проник глубоко в тыл войск Юго-Западного фронта.

Второго сентября от Верховного Главнокомандующего генералу Еременко была послана телеграмма:

«Ставка все же недовольна вашей работой. Несмотря на работу авиации и наземных частей, Почеп и Стародуб остаются в руках противника. Это значит, что вы противника чуть-чуть пощипали, но с места сдвинуть его не сумели. Ставка требует, чтобы наземные войска действовали во взаимодействии с авиацией, вышибли противника из района Стародуб, Почеп и разгромили его по-настоящему. Пока это не сделано, все разговоры о выполнении задания остаются пустыми словами. Ставка приказывает... всеми соединенными силами авиации способствовать решительным успехам наземных войск. Гудериан и вся его группа должны быть разбиты вдребезги. Пока это не сделано, все ваши заверения об успехах не имеют никакой цены».

Прикрывшись частью сил от не очень инициативных действий Брянского фронта, Гудериан главными силами продолжал углубляться в тыл войскам Юго-Западного фронта. 10 сентября его передовые части ворвались в город Ромны.

В это время ниже, на юге, сложилась такая обстановка, которая благоприятствовала фашистам для нанесения удара по тому же Юго-Западному фронту: наши войска Южного фронта были оттеснены за Днепр. Прикрываясь этой широкой водной преградой, командование немецкой группы армий «Юг» оставило там лишь небольшой заслон, а основную массу войск 17-й полевой армии и 1-й танковой группы

Клейста собрало в мощный кулак и бросило на соединение с группой Гудериана.

Самоотверженно сражалась 38-я армия генерала Фекленко, остатками своих сил она нанесла контрудар во фланг Клейсту, но силы были неравны, и Клейст, обогнув 38-ю армию, пошел вперед на соединение с Гудерианом.

Командование Юго-Западного фронта обратилось в Ставку с предложением об отводе войск на восточный берег Днепра, чтобы избежать их полного окружения.

Ночью, в 1 час. 15 мин. 11 сентября, состоялся разговор с Военным советом Юго-Западного фронта. Вел переговоры с М. П. Кирпоносом непосредственно Сталин. Он сказал:

— Ваши предложения о немедленном отводе войск без того, что вы заранее подготовите рубеж на реке Псёл и поведете отчаянные атаки на конотопскую группу противника во взаимодействии с Брянским фронтом, повторяю, без этих условий ваши предложения об отводе войск являются опасными и могут создать катастрофу.

И как вывод, обидный для героически сражающихся войск:

«Перестать, наконец, заниматься исканием рубежей для отступления, а искать пути для сопротивления...» И еще: «Киева не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки...

Шапошников как начальник Генерального штаба пытался убедить Сталина в необходимости отвода войск Юго-Западного фронта и основной группировки 5-й армии за Днепр, чтобы они не остались в окружении. Шапошников понимал, что если такое решение не будет принято немедленно, то оно опоздает. Но Сталин был непреклонен, он упрекал и Шапошникова, и Буденного, командующего Юго-Западным направлением, что они, вместо того чтобы биться с врагом, продолжают отходить и пятиться.

А. М. Василевский пишет в своих воспоминаниях: «При одном упоминании о жестокой необходимости оставить Киев Сталин выходил из себя и на мгновение терял самообладание».

Но обстановка на фронте не считалась с желаниями или нежеланиями Сталина, она неумолимо складывалась так, к чему приводил ход боевых действий.

14 сентября в 3 часа 25 мин. начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-майор В. И. Тупиков по собственной инициативе обратился к начальнику Генштаба и начальнику штаба главкома Юго-Западного направления с телеграммой, в которой, охарактеризовав тяжелое положение войск фронта, закончил изложение своей точки зрения следующей фразой: «Начало понятной вам катастрофы — дело пары дней».

Это была горькая правда. На другой день в районе Лохвицы соединились немецкие части 2-й танковой группы, наступавшей с севера, и 1-й танковой группы, прорвавшейся с кременчугского плацдарма. Кольцо вокруг 5, 21, 26, 37-й и части сил 38-й армии замкнулось.

Обстановка, как мы видим, была тяжелая, но, несмотря на это, начальник Генерального штаба был вынужден на телеграмму Тупикова отправить следующий ответ, продиктованный ему Сталиным:

«Командующему ЮЗФ, копия Главкому ЮЗН.

Генерал-майор Тупиков представил в Генштаб паническое донесение. Обстановка, наоборот, требует сохранения исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней. Необходимо, не поддаваясь панике, принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать фланги. Надо заставить Кузнецова (21А) и Потапова (5А) прекратить отход. Надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад. Необходимо неуклонно выполнить указания тов. Сталина, данные вам 11.9.

Б. Шапошников».

14 IX 1941 г. 5 ч. 00 м.

Вот что писал Гудериан в своих мемуарах об этих днях:

«16 сентября мы перевели наш передовой командный пункт в Ромны. Окружение русских войск успешно продолжалось. Мы соединились с танковой группой Клейста... С того времени, как были начаты бои за Киев, 1-я танковая группа захватила 43 000 пленных, 6-я армия — 63 000. Общее количество пленных, захваченных в районе Киева, превысило 290 000 человек».

А в окружении оставались еще четыре наши армии!

Кирпонос доложил в Генштаб: «Фронт перешел к боям в условиях окружения и полного пересечения коммуникаций. Переношу командный пункт в Киев, как единственный пункт, откуда имеется возможность управлять войсками. Прошу подготовить необходимые мероприятия по снабжению армий фронта огнеприпасами при помощи авиатранспорта».

16 сентября новый (назначенный вместо Буденного) командующий Юго-Западным направлением Тимошенко вызвал к себе в кабинет прилетевшего от Кирпоноса заместителя начальника штаба Юго-Западного фронта Баграмяна. В кабинете находился и член Военного совета Н. С. Хрущев. Тимошенко, размышляя, сказал Баграмяну:

— Сейчас мы делаем все, чтобы помочь фронту: стягиваем на Ромны и Лубны все силы, которые смогли собрать, в том числе усиленный танками корпус Белова и три отдельные танковые бригады. Через несколько дней к нам подойдут дивизии Руссиянова и Лизюкова. Этими силами мы попытаемся пробиться навстречу окруженным войскам фронта. Мы отдаем себе отчет, что разгромить две прорвавшиеся фашистские танковые армии мы не сможем, но создадим бреши, через которые смогут выйти окруженные войска. Вот цель наших ударов. Мы уверены, что в создавшейся обстановке Верховный Главнокомандующий разрешит Юго-Западному фронту отойти к реке Псёл, поэтому и решили отдать сейчас приказ на организацию выхода из окружения. Сегодня же мы снова попытаемся поговорить с Москвой. Я надеюсь, что нам удастся убедить Ставку. А пока мы будем вести переговоры, Кирпонос и его штаб должны воспользоваться тем, что у противника еще нет сплошного фронта окружения.

Как пишет Баграмян в своих воспоминаниях, ему казалось, что маршал Тимошенко, говоря эти слова, внутренне все-таки еще не был готов на отдачу более категоричного приказа об отходе войск, но уже в ходе этого распоряжения он, понимая всю сложность положения и предстоящие неминуемые колоссальные потери, вроде бы решился и уже твердо сказал:

— Доложите, товарищ Баграмян, генералу Кирпоносу, что в создавшейся обстановке Военный совет Юго-Западного направления единственно целесообразным решением для войск Юго-Западного фронта считает организованный отход. Передайте командующему фронтом мое устное приказание: оставив Киевский укрепленный район и прикрывшись небольшими силами по Днепру, незамедлительно начать отвод главных сил на тыловой оборонительный рубеж. Основная задача — при содействии наших резервов разгромить противника, вышедшего на тылы войск фронта, и в последующем перейти к обороне по реке Псёл. Пусть Кирпонос проявит максимум активности, решительнее наносит удары в направлении на Ромны и Лубны, а не ждет, пока мы его вытащим из кольца.

Из-за непогоды Баграмяну не удалось вылететь в штаб фронта Кирпоноса в тот же день, он добрался туда с большим трудом только на следующий. В присутствии членов Военного совета Баграмян передал распоряжение главкома Кирпоносу. Кирпонос так долго сидел задумавшись, что начальник штаба фронта Тупиков не выдержал и сказал:

— Михаил Петрович, это приказание настолько соответствует обстановке, что нет никакого основания для колебания. Разрешите заготовить распоряжение войскам?

— Вы привезли письменное распоряжение на отход? — не отвечая начальнику штаба, спросил командующий у Баграмяна.

— Нет, маршал приказал передать устно.

Кирпонос долго молча шагал по комнате, потом сказал:

— Я ничего не могу предпринять, пока не получу документ. Вопрос слишком серьезный. Все, на этом закончим.

Наступило тяжелое молчание. Начальник штаба попытался что-то сказать, но Кирпонос перебил его:

— Василий Иванович! Подготовьте радиограмму в Ставку. Сообщите о распоряжении главкома и запросите, как поступить нам.

Из этого короткого эпизода видно, насколько были непросты взаимоотношения даже на уровне очень высоких военачальников, как велика боязнь ответственности за действия, которые могут не совпасть с мнением и желанием Сталина, за что могут спросить со всей строгостью,— таково уж было то время. Это вынуждало Кирпоноса не предпринимать решительных действий и не выполнить даже прямой приказ, переданный, как говорится, из уст в уста, от маршала Тимошенко через генерала Баграмяна.

Вечером 17 сентября в Москву была отправлена радиограмма следующего содержания: «Главком Тимошенко через заместителя начальника штаба фронта передал устное указание: основная задача — вывод армий фронта на реку Псёл с разгромом подвижных групп противника в направлениях на Ромны, Лубны. Оставить минимум сил для прикрытия Днепра и Киева. Письменные директивы главкома совершенно не дают указаний об отходе на реку Псёл и разрешают взять из Киевского УРа только часть сил. Налицо противоречие. Что выполнять? Считаю, что вывод войск фронта на реку Псёл правилен. При этом условии необходимо оставить полностью Киевский укрепленный район, Киев и реку Днепр. Срочно просим ваших указаний».

На следующий день, 18 сентября, пришла радиограмма за подписью начальника Генерального штаба, она коротко сообщала: Ставка разрешает оставить Киевский укрепленный район и переправить войска 37-й армии на левый берег Днепра. Но как быть с главными силами фронта и разрешается ли общий отход на тот рубеж, который запрашивал Кирпонос,— ответа на это в телеграмме не было. Тут уж, размышляя логически, Военный совет фронта решил, что если разрешают оставить Киевский укрепленный район, то на необорудованных рубежах восточнее города войскам и вовсе не удержаться. Было принято решение выполнять устное распоряжение главкома Тимошенко.

Непросто и нелегко было осуществить выход войск из окружения, все армии, корпуса и дивизии вели напряженные бои с обступившим их противником. Кирпонос принял решение, не теряя времени, немедленно, с утра 18 сентября, нанести удар в нескольких направлениях созданными для этого ударными группами и вывести войска фронта из окружения.

Большой героизм проявили воины и командиры 37-й армии, защищавшей Киев. Постоянными контрударами они не давали противнику возможности вступить в город. Баграмян в своих воспоминаниях пишет: «Защитников Киева не в чем было упрекнуть. Они выполнили свой долг. Киев оставался непокоренным. Враг так и не смог взять его в открытом бою. Только в силу неблагоприятно сложившейся для войск Юго-Западного фронта обстановки по приказу Ставки наши воины покидали дорогой им город и твердо верили, что обязательно вернутся». Не случайно за эту самоотверженную оборону Киеву присвоено звание «Город-герой».

Взорвав мосты через реку Днепр, 37-я армия отходила с тяжелыми боями и медленно, но упорно продвигалась к своим. Многие погибли во время этого отхода, но все же большая часть бойцов и командиров пробилась сквозь вражеские войска.

В послевоенной литературе, в том числе и в воспоминаниях И. Х. Баграмяна, которые я цитирую, читатели не найдут имени руководителя героической обороны Киева, командующего 37-й армией. Почему? Наверное, потому, что это был генерал Власов, который позднее перешел к гитлеровцам. Я снова упоминаю о нем потому, что нам еще предстоит разобраться в том парадоксальном явлении, которое представляет собой «власовщина». Дело это шире личной измены генерала Власова. Обратимся к этому позднее, когда по ходу событий приблизимся к тем дням.

С боями, постоянно отбиваясь от наседающего со всех сторон и пересекающего пути отхода противника, отходил штаб Юго-Западного фронта. Но в конце кон-

цов гитлеровцы окружили управление фронта, и заключительный бой выглядит, по рассказу И. Х. Баграмяна, так:

«Враг атаковал рощу с трех сторон. Танки вели огонь из пушек и пулеметов, за ними шли автоматчики. В гром и треск вплетались редкие выстрелы наших пушек — их было мало, да и приходилось беречь каждый снаряд. Танки прорвались к восточной опушке рощи. С ними вступили в схватку офицеры, вооруженные гранатами и бутылками с бензином. Две вражеские машины загорелись, остальные откатились.

Командующий, члены Военного совета фронта генералы Тупиков и Потапов стали совещаться, как быть дальше: сидеть в роще до вечера или прорваться сейчас же. Но тут началась новая атака. Подъехавшая на машинах немецкая пехота с ходу развернулась в цепь и двинулась в рощу под прикрытием огня танков. Когда она достигла опушки, окруженные во главе с Кирпоносом, Бурмистенко, Рыковым, Тупиковым, Потаповым и Писаревским бросились в контратаку. Гитлеровцы не выдержали рукопашной и отступили.

В контратаке генерал Кирпонос был ранен в ногу. Его на руках перенесли на дно оврага, к роднику. Сюда же доставили раненого и тяжело контуженного командарма Потапова. Его боевой начальник штаба генерал Писаревский геройски пал на поле боя.

Дивизионный комиссар Рыков и генерал Тупиков вместе с подполковником Глебовым обошли опушку, беседовали с людьми, ободряли их.

Примерно в половине седьмого вечера Кирпонос, Бурмистенко и Тупиков в кругу командиров обсуждали варианты прорыва, который намечалось осуществить с наступлением темноты. В это время противник начал интенсивный минометный обстрел. Одна мина разорвалась возле командующего. Кирпонос без стона приник к земле. Товарищи кинулись к нему. Генерал был ранен в грудь и голову. Через две минуты он скончался. Адъютант командующего майор Гненный со слезами на глазах снял с кителя генерала Золотую Звезду и ордена...

После окончания войны у родника, в овраге, была установлена мраморная плита с надписью: «На этом месте 20 сентября 1941 года погиб командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник Кирпонос М. П.». В 1943 году останки генералов Кирпоноса и Тупикова были перевезены в Киев. Они покоятся в парке Вечной славы, у обелиска возле могилы Неизвестного солдата.

В бессознательном состоянии попал к фашистам дивизионный комиссар Рыков, его подвергли зверским пыткам и казнили. Схватили раненого генерала М. И. Потапова. Его долгое время считали погибшим. Но крепкий организм помог ему выздороветь, преодолеть свои раны и контузию. Почти всю войну он находился в фашистских лагерях, а после освобождения из гитлеровского плена продолжал служить в Советской Армии. В последние годы жизни был первым заместителем командующего Одесским военным округом, умер в 1965 году. Но одному из славных защитников Отечества в труднейших боях 1941 года не нашлось места в восьмитомной Советской Военной энциклопедии, изданной в 1978 году, через 25 лет после смерти Сталина. Вот как еще гнетет сила репрессивной инерции!

Гудериан так рассказал о своей встрече с Потаповым:

«Командующий 5-й армией попал к нам в плен. Я беседовал с ним и задал ему несколько вопросов.

1. Когда они заметили у себя в тылу приближение моих танков?

Ответ: Приблизительно 8 сентября.

2. Почему они после этого не оставили Киев?

Ответ: Мы получили приказ фронта оставить Киев и отойти на восток и уже были готовы к отходу, но затем последовал другой приказ, отменивший предыдущий и требовавший оборонять Киев до конца.

Выполнение этого контрприказа и привело к уничтожению всей киевской группы русских войск. В то время мы были чрезвычайно удивлены такими действиями русского командования».

Как известно читателям, контрприказ «Киева не оставлять...» был отдан лично Сталиным вопреки советам Жукова, Шапошникова и других военачальников, так что 290 000 пленных, о которых пишет Гудериан, плюс еще сотни тысяч погибших — жертвы этого контрприказа. И это лишь малая часть наших потерь при замыкании гитлеровцами клещей под Киевом. Четыре армии, которые остались в окружении — 5, 21, 26, 37-я и часть 38-й,— значительно увеличили число погибших и пленных только в этом сражении.

Упрямство Сталина, его самонадеянность, привычка к тому, что все должно вершиться по его желаниям, были одной из причин и этой катастрофы на завершающем этапе приграничных сражений.

Немалая доля вины ложится и на генерала Еременко. Ему были отданы большие силы, которыми он не сумел распорядиться должным образом. Кстати, Еременко в своих мемуарах задним числом так оправдывает свои действия: «...отдельные историки считают, что Брянский фронт 16 августа был создан Ставкой якобы в предвидении возможного развития наступления врага в направлении Чернигов, Конотоп, Прилуки. Это толкование искажает реальные исторические факты. Общеизвестно, что по плану «Барбаросса» гитлеровцы стремились как можно быстрее овладеть Москвой, нанося удар на смоленском направлении. Но упорное сопротивление и контрудары наших войск в районе Смоленска, Ярцева, Ельни заставили врага оттянуть танковую группу Гудериана несколько южнее с целью захватить Брянск. Ставка своевременно поняла этот замысел и весьма обоснованно решила создать Брянский фронт с задачей прикрыть с юга Московский стратегический район, не дать гитлеровцам возможности прорваться через Брянск на Москву и нанести им поражение. Эта задача была поставлена мне устно Верховным Главнокомандующим при моем назначении командующим Брянским фронтом. Именно эта задача подчеркивалась Ставкой и в последующих ее директивах. Таким образом, приведенное выше мнение об иной задаче фронта совершенно не соответствует действительности. К сожалению, на основании этого домысла, хотя и намеком, командова-

ние Брянского фронта упрекается в том, что оно допустило поворот и удар вражеской группы армий «Центр» на юг».

Вот так после войны по-разному объясняются одни и те же действия войск. Уже забыты обещания разбить «подлеца Гудериана», уже забыто, что войска Гудериана именно тогда двинулись на юг и окружали войска Юго-Западного фронта, а Брянский фронт не воспрепятствовал этому. Теперь маршал Еременко пытается убедить всех, что он успешно выполнил задачу, поставленную ему лично Сталиным: «Мы можем сказать, что войска Брянского фронта добросовестно выполнили основную задачу, поставленную перед нами Ставкой, не допустить прорыва группы Гудериана через Брянск на Москву». Но Гудериан и не шел в то время на Москву, а двигался вдоль реки Днепр для соединения с Клейстом, окружая войска Юго-Западного фронта. Недостоверность утверждения Еременко сегодня очевидна, так как он «защитил» Москву от удара, который по ней в то время не наносился.

Свершилось то, чего так опасался Жуков,— войска нескольких армий оказались отрезанными. Чтобы понять тяжесть этой беды, напомню, сколько радостей принесло нам окружение только одной гитлеровской 6-й армии под Сталинградом, сколько цифр с многими нулями мы приводили, подсчитывая пленных и трофеи, захваченные в результате того окружения остатков одной армии. Но мы всегда «скромно» умалчивали о наших армиях, оставшихся в котлах еще в ходе приграничных сражений до рубежа реки Днепр.

В своем докладе на торжественном собрании в Москве 6 ноября 1941 года Сталин сказал:

«За 4 месяца войны мы потеряли убитыми 350 тысяч и пропавшими без вести 378 тысяч человек... За тот же период враг потерял убитыми, ранеными и пленными более 4-х с половиной миллионов человек».

Сегодня мы с горечью можем воскликнуть: «Если бы так было!.. Теперь, когда открылись архивы, можно с великим сожалением сказать, что цифры, приведенные Сталиным, очень далеки от реальности. К тому времени не немецкая, а наша армия только пленными потеряла более трех миллионов!

ЕЛЬНИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Вернемся немного назад, к последним дням июля.

30-го числа, в середине дня, генерал Жуков выехал на машине из Москвы и по Минскому шоссе направился в штаб Резервного фронта, который находился в Гжатске.

Не нужно быть особенно проницательным, чтобы представить себе состояние Жукова после той стычки, которая произошла у него вчера со Сталиным. Он был хмур, неразговорчив, ежеминутно готов взорваться, но явно сдерживался.

Мне кажется, тяжелое настроение Жукова объяснялось не только изменением отношения Сталина лично к нему, но главным образом теми неудачами на фронте, которые могут последовать из-за отказа Верховного посчитаться с оценкой обстановки и предложениями, которые сделал Жуков. Именно это особенно угнетало его.

Сразу же по прибытии в штаб, пока оборудовалась комната для отдыха нового командующего, начальник штаба фронта доложил Жукову обстановку.

На следующий день генерал Жуков выехал в 24-ю армию, которой командовал генерал К. И. Ракутин. Штаб его армии размещался в небольшой деревне Волочек, недалеко от Ельни.

Прибыв к генералу Ракутину, Жуков, верный своей привычке, не стал долго засиживаться в штабе, а вместе с командующим отправился в части поближе к противнику, чтобы самому увидеть и оценить обстановку. Весь день они ездили по наблюдательным пунктам командиров частей, и Жуков убедился, что здесь против 24-й армии — хорошо организованная, прочная оборона противника.

Ельнинский выступ образовался в ходе Смоленского сражения, которое все еще продолжалось. Сильным рывком своего танкового кулака Гудериан выдвинулся здесь вперед и захватил Ельню. Конфигурация фронта этого клина, собственно, и породила название «ельнинский выступ». Именно эта конфигурация наводила Жукова на мысль о том, что хорошо бы с двух сторон ударить под основание клина и окружить находящиеся в нем войска противника. Однако, взвесив силы своих войск, находившихся на этом направлении, Жуков понял, что осуществить такое окружение не так-то просто, нужно было подтянуть сюда еще несколько дивизий и, самое главное, побольше артиллерийских частей, так как прорвать оборону противника, очень мощную, да еще с закопанными в землю танками и бронетранспортерами, наступающим будет очень трудно.

По указанию Жукова была организована тщательнейшая разведка обороны и огневой системы противника. Особенно большую помощь оказал здесь Жукову и в разведке, и в подавлении огневой системы генерал-майор Л. А. Говоров, большой мастер артиллерийского дела. Пока шла подготовка операции, пока подвозились боеприпасы и перегруппировывались войска, Жуков занимался изучением противника, допрашивал пленных. В те дни гитлеровские солдаты еще были полны энтузиазма, вели себя нагло, были уверены, что они скоро захватят Москву, которая была уже так близко.

Однажды взяли в плен немецкого танкиста. Его допрашивал сам Жуков.

— Кто вы?

— Механик-водитель такой-то роты, такого-то батальона, такой-то дивизии.

— Какая задача вашей дивизии?

Пленный не отвечает.

Почему вы не отвечаете?

— Вы военный человек и должны понимать, что я, как военный человек, ответил на все то, на что должен был вам ответить,— кто я и к какой части принадлежу. А ни на какие другие вопросы я отвечать не могу, потому что дал присягу. И вы не вправе меня спрашивать, зная,

что я военный человек, и не вправе от меня требовать, чтобы я нарушил свой долг и лишился чести...

— Если не будете отвечать, расстреляем вас — и все.

Пленный побледнел, но не сломился:

— Ну что ж, расстреливайте, если вы хотите совершить бесчестный поступок по отношению к беззащитному пленному. Расстреливайте. Я надеюсь, что вы этого не сделаете. Но все равно я отвечать ничего сверх того, что уже ответил, не буду.

Жуков не стал дальше допрашивать и, обратившись к окружающим, сказал:

— Молодец! Держится таким наглецом, просто на редкость. Ну как его не уважать? Нельзя не уважать!

После таких допросов Жуков уходил, не столько получив необходимые ему сведения, сколько расстроенный этой крепостью и уверенностью солдат противника. Но он был убежден: надо знать, что представляет собой противник, каково моральное состояние, уровень выучки и дисциплины солдат. Недооценка этого может привести к ошибкам и просчетам.

Однажды он допрашивал пленного, который оказался более разговорчивым и так запомнился Жукову, что он передает разговор с ним в своих воспоминаниях, и даже не забыл его фамилию — Миттерман.

Этот допрос происходил 12 августа, и ради характеристики боевого духа войск врага в то время я приведу его почти полностью.

Пленный был молод, ему было 19 лет, и, как он сказал, большинство солдат в этой дивизии в таком же возрасте — 19—20 лет. Это была дивизия СС, и сам он был эсэсовец. Его дивизия пришла сюда вслед за 10-й танковой дивизией, которая прорвалась к Ельне. Миттерман сказал, что на этой позиции они долго не засидятся, сейчас идет подтягивание сил и необходимых средств, и он понимает, что такая временная пауза необходима для того, чтобы продолжить наступление на Москву. Именно так разъясняют офицеры солдатам причины этой остановки. (Интересен, мне кажется, комментарий Жукова по поводу такого заявления пленного: «Любопытный вариант разъяснительной работы среди немецких солдат и объяснение задержки и перехода к обороне! Что называется, выдали нужду за добродетель...») Дальше пленный сказал: «Наш полк «Дойчланд» понес большие потери, и в стрелковые подразделения переведены многие из тех, кто находился раньше в тыловых подразделениях. Особенно много неприятностей нам причиняет ваша артиллерия, она бьет сильно и прицельно и морально подавляет наших солдат».

Пленный сказал еще, что из-за больших потерь, из-за того, что остановились и перешли к обороне, некоторые командиры были сняты со своих должностей.

Жуков всегда уделял большое внимание разведке, он, повторю, хотел знать о противнике как можно больше, как можно подробнее. Но приведенные выше личные допросы пленных гитлеровцев имеют, на мой взгляд, и определенный подтекст. Мне кажется, Жуков не только хотел получить от них необходимые сведения (это могли выяснить и изложить ему специалисты-разведчики). Думаю, что в данном случае пленные интересовали Жукова и в более широком, человеческом смысле. Дело в том, что именно в первых числах августа 1941 года немецкие самолеты сбрасывали листовки, в одной из которых была напечатана фотография пленного, беседующего с двумя немецкими офицерами. Подпись под снимком такая: «Это Яков Джугашвили, старший сын Сталина, командир батареи 14-го гаубично-артиллерийского полка, 14-й бронетанковой дивизии, который 16 июля сдался в плен под Витебском вместе с тысячами других командиров и бойцов...»

Как выяснилось позднее, 16 июля 1941 года Яков, будучи контуженным, попал в плен вместе с другими сослуживцами под городом Лиозно, недалеко от Витебска. На сборном пункте Якова выдали, сказав, чей он сын. На первом допросе 18 июля (текст был позднее найден и публиковался не раз, я приведу лишь часть его.— **В. К.**) Яков держался с достоинством, отвечал смело.

— Вы сдались в плен добровольно или вас захватили силой?

— Меня взяли силой.

— Каким образом?

— 12 июля наша часть была окружена. Началась сильнейшая бомбежка. Я решил пробиваться к своим, но тут меня оглушило. Я бы застрелился, если бы смог.

— Вы считаете плен позором?

— Да, считаю.

— Считаете ли вы, что советские войска еще имеют шанс добиться поворота в войне?

— Война еще далеко не закончена.

— А что произойдет, если мы вскоре займем Москву?

— Я такого себе представить не могу.

— А ведь мы уже недалеко от Москвы.

— Москвы вам никогда не взять.

— Для чего в Красной Армии комиссары?

— Обеспечивать боевой дух и политическое руководство.

— Вы считаете, что новая власть в России больше соответствует интересам рабочих и крестьян, чем в царские времена?

— Без всякого сомнения.

— Когда вы последний раз разговаривали с отцом?

— 22 июня, по телефону. Узнав, что я ухожу на фронт, он сказал: «Иди и воюй!»

Якову предложили послать письма семье, отцу. Он отказался, понимая, что эти письма могут использовать не по назначению. Его обещали хорошо устроить и содержать, но за это просили написать обращение к красноармейцам, чтобы они сдавались в плен. Яков на это лишь презрительно усмехнулся.

Но гитлеровцам и не нужно было согласие Джугашвили, они все равно напечатали листовку, в которой была его фотография и говорилось: «В июле 1941 года старший лейтенант и командир батареи Яков Джугашвили писал своему отцу Иосифу Сталину: «Дорогой отец, я нахожусь в плену. Я здоров. Скоро меня переведут в офицерский лагерь в Германии. Обращение хорошее. Желаю тебе здоровья. Привет всем, Яша». Следуйте примеру сына Сталина! Он сдался в плен. Он жив и чувствует себя прекрасно. Зачем же вы хотите идти на

смерть, когда даже сын вашего высшего начальника сдался в плен? Мир измученной Родине. Штык в землю!»

Были сброшены и другие листовки, их конечно же показывали Жукову. Размышляя о таком исключительном случае — шутка ли, сын вождя! — и о пленных вообще, Георгий Константинович, наверное, и пожелал сам побеседовать с несколькими гитлеровцами, проверить их стойкость.

Дальнейшая судьба Якова Джугашвили известна, об этом писали много раз. Он прошел через психологически тяжелые испытания, его долго пытались сломить, в конце концов он не выдержал своего положения и 14 апреля 1943 года бросился на колючую лагерную ограду, крикнув: «Застрелите меня!», и часовой его убил...

Ходили разговоры, будто бы через посольство нейтральной страны Сталину предлагали обменять Якова на фельдмаршала Паулюса, попавшего в плен под Сталинградом, а Сталин якобы ответил: «Я солдата на маршала не меняю».

Я думаю, большое количество пленных в первых же сражениях плюс к этому личная беда — пленение Якова,— все это еще больше озлобило Сталина, подтолкнуло его к изданию одного из самых беспощадных приказов, от изуверских последствий которого и по сей день страдают многие тысячи защитников Родины, побывавших в плену. В соответствии с этим приказом сотни тысяч и даже миллионы солдат и офицеров, попавших в плен, объявлялись «предавшими свою Родину дезертирами». По мнению Сталина, все они должны были не сдаваться живыми — стреляться, вешаться, топиться!

А по отношению к тем, кто этого не сделал и уцелел, обезумевший от жестокости вождь требовал: «Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения ...уничтожать их (сдающихся в плен.— **В. К.**) всеми средствами, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи».

Весь командный и рядовой состав нашей армии в годы войны жил под постоянной угрозой расстрела. В прочитанных мною тысячах политдонесениях, почти в каждом с первого до последнего дня войны, сообщалось о расстрелах или предании суду военного трибунала, что лишь оттягивало расстрел. Была еще и такая формулировка: «Расстрелян в несудебном порядке».

Десятки тысяч побывавших в плену после освобождения перекочевали в наши советские лагеря. Многие из них вели себя героически на поле боя и в немецких застенках, но приказ был одинаково беспощаден ко всем: пленный — значит предатель. Напомню только один широкоизвестный пример, подтверждающий это. Майор Гаврилов Петр Михайлович, командир 44-го стрелкового полка, руководил обороной Восточного форта Брестской крепости с 22 июня 1941 года; 23 июля 1941 года был ранен и контужен взрывом снаряда, попал в плен в бессознательном состоянии. Освобожден советскими войсками в мае 1945 года. После этого 10 лет отсидел в советском лагере и только благодаря усилиям писателя С. С. Смирнова, написавшего правду о героических делах Петра Михайловича Гаврилова, ему в 1957 году было присвоено звание Героя Советского Союза. И таких тысячи! И сотни тысяч не доживших до снятия позорного клейма и не получивших достойной оценки за свои мужественные дела только потому, что угодили в плен. Причем очень многие попали в плен по вине Сталина: немало таких сражений, завершенных массовым пленением наших бойцов, которыми он или неумело руководил, или мешал руководить военачальникам.

А сколько было невинно пострадавших семей — стариков, жен, детей, родственников тех, кто попал в плен! Их — в соответствии с приказом № 270 — подвергали репрессиям. Сталин не пощадил даже жену Якова Юлию Мельцер, ее арестовали в 1941 году и два года держали в одиночке, пока не стало известно, что муж ее умер не сломившись. Выполнил приказ вождя![1]

Жуков по поводу этих приказов сказал в мае 1957 года:

Зачем понадобилось Сталину издавать приказы, позорящие нашу армию? Я считаю, что это сделано с целью отвести от себя вину и недовольство народа за неподготовленность страны к обороне, за допущенные лично им ошибки в руководстве войсками и те неудачи, которые явились их следствием... В отношении бывших военнопленных была создана обстановка недоверия и подозрительности, им предъявлялись необоснованные обвинения в тяжких преступлениях и применялись массовые репрессии, включая высшую меру наказания, вследствие чего наши солдаты, сержанты и офицеры, попавшие в плен к врагу, из-за боязни расправы над ними не стремились бежать из плена на Родину, чтобы вновь встать в ряды Советской Армии...

Только 29 июня 1956 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей». Но надо сказать, что вопиющая несправедливость в отношении бывших военнопленных и до сих пор не ликвидирована в полной мере.

Однако вернемся к Ельнинской операции.

Руководя подготовкой, а затем и проведением такой сложной, напряженной операции под Ельней, когда, казалось бы, он был весь в делах и заботах этого сражения, Жуков не забывал и общее состояние дел на всех фронтах. Вот одна только фраза из его воспоминаний, относящаяся к этому периоду: «Несмотря на всю остроту боевых событий и успех этой операции, из памяти не выходил разговор в Ставке 29 июля. Правильный ли стратегический прогноз мы сделали в Генштабе?»

Думая об этом, Жуков 19 августа, не боясь вызвать гнев Сталина своей настойчивостью и строптивостью, послал ему ту самую телеграмму, о которой говорилось в предыдущей главе — о возможном замысле противника: разгромить армии Юго-Западного фронта. Кроме того, Жуков не раз говорил по телефону с Генеральным штабом, с Шапошниковым, все время обращая внимание на опасность окружения войск этого фронта и

[1] Полный текст приказа № 270 см. в дополнении № 7.

Центрального и подсказывая меры, какими можно было бы не допустить такую беду.

Готовя наступление под Ельней, Жуков в течение недели провел подготовку и перегруппировку стоящих там войск. Всего для осуществления этой операции переходило в наступление десять дивизий. Главный удар наносила 24-я армия, шедшая с северо-востока. Навстречу ей, с юго-востока, двигалось несколько соединений 43-й армии. 30 августа наступление началось. После артиллерийской подготовки войска успешно прорвали оборону противника. К 4 сентября, постоянно отражая сильные контратаки, северная и южная обходящие группировки приблизились друг к другу,— над гитлеровцами нависла явная угроза окружения. Под этой угрозой противник начал быстрый отход из района Ельни, 4 сентября позвонил Сталин. Вот запись его разговора с Жуковым:

У аппарата **Жуков.**

У аппарата **Сталин, Шапошников.** Здравствуйте. Вы, оказывается, проектируете о ликвидации Ельни, направить силы в сторону Смоленска, оставив Рославль в нынешнем неприятном положении. Я думаю, что эту операцию, которую Вы думаете проделать в районе Смоленска, следует осуществить лишь после ликвидации Рославля. А еще лучше было бы подождать пока со Смоленском, ликвидировать вместе с Еременко Рославль и потом сесть на хвост Гудериану, двигая некоторое количество дивизий на юг. Главное разбить Гудериана, а Смоленск от нас не уйдет. Все.

Жуков. Здравия желаю, тов. Сталин. Тов. Сталин, об операции в направлении на Смоленск я не замышляю и считаю, этим делом должен заниматься Тимошенко. Удар 109, 149 и 104 я хотел бы нанести сейчас в интересах быстрейшего разгрома Ельнинской группы противника, с ликвидацией которой я получу дополнительно 7—8 дивизий для выхода в район Починок, и, заслонившись в районе Починок в стороне Смоленска, я мощной группой мог бы нанести удар в направлении Рославля и западнее, т. е. в тыл Гудериану. Как показывает опыт, наносить глубокий удар в 3—4 дивизии — приводит к неприятностям, ибо противник такие небольшие группы быстро охватывает своими подвижными частями. Вот почему я просил Вашего согласия на такой маневр. Если прикажете бить на Рославльском направлении, это дело я могу организовать, но больше было бы пользы, если бы я вначале ликвидировал Ельню. Сегодня к исходу дня правым флангом нашей Ельнинской группировки занята Софиевка. У противника горловина осталась всего 6 км. Я думаю, [на] завтрашний день будет закончено полностью тактическое окружение. Все.

Сталин. Я опасаюсь, что местность в направлении на Починок лесисто-болотистая и танки у Вас застрянут там?

Жуков. Докладываю. Удар намечается через Погуляевку южнее р. Хмара по хорошей местности с выходом в район Сторено-Васьково, 30 км с [еверо]-з [аднее] Рославля, км 10 южнее Починок. Кроме того, наносить удар по старому направлению не следует. На нашу сторону сегодня перешел немецкий солдат, который показал, что сегодня в ночь разбитая 23 пехотная дивизия сменена 267 пехотной дивизией, и тут же он наблюдал части СС. Удар севернее выгоден еще и потому, что он придется по стыку двух дивизий. Все.

Сталин. Вы в военнопленных не очень верьте, спросите его с пристрастием, а потом расстреляйте. Мы не возражаем против предлагаемого Вами маневра за 10 километров южнее Починок. Можете действовать, особенно сосредоточьте авиационный удар, используйте также РС. Когда Вы думаете начать?

Жуков. Перегруппировки произведу к 7-му. 7 подготовка, 8 на рассвете удар. Очень прошу подкрепить меня снарядами РС-76, да и 152 мм [1]930 года, минами 120 мм. Кроме того, если можно, один полк ИЛов и один полк Пе-2 и танков шт[ук] 10 КВ и шт[ук] 15 Т-34. Вот все мои просьбы. Все.

Сталин. К сожалению, у нас нет пока резервов РС. Когда будут — дадим. РС'ы получите, жалко только, что Еременко придется действовать одному против Рославля. Не можете ли организовать нажим на Рославль с северо-востока?

Жуков. Нечем, нечем, тов. Сталин. Могу только отдельными отрядами, подкрепив их артиллерией, но это будет только сковывающий удар, а главный удар нанесу на рассвете 8, постараюсь, может быть, выйдет на рассвете 7 Еременко еще далеко от Рославля, и я думаю, тов. Сталин, что удар 7 или 8 — это будет не поздний удар. Все.

Сталин. А прославленная 211 дивизия долго будет спать?

Жуков. Слушаю. Организую 7-го. 211 сейчас формируется, будет готова не раньше 10-го, я ее потяну в качестве резерва, спать ей не дам. Прошу Вас разрешить немедленно арестовать и судить всех паникеров, о которых я докладывал. Все. (Сведения об этом не найдены.— **В. К.**)

Сталин. 7 будет лучше, чем 8. Мы приветствуем и разрешаем судить их по всей строгости. Все. До свидания.

Жуков. Будьте здоровы.

5 сентября наши войска (19-я стрелковая дивизия) ворвались в Ельню и к утру 6-го освободили город. Преследование противника продолжалось, войска продвинулись на запад еще на 25 километров и были остановлены новым, заранее подготовленным оборонительным рубежом немцев на реках Устрон и Стряна.

Жуков был доволен ходом событий, но в то же время и огорчен, потому что удачно развивавшееся наступление не было завершено окружением, не хватило сил, чтобы окончательно замкнуть коридор, через который ускользала уже фактически взятая в кольцо группировка немцев. Было бы побольше танков и авиации в распоряжении Жукова, он бы не выпустил из этого кольца части фон Бока.

И все же значение Ельнинской операции в ходе Великой Отечественной войны очень весомо. Это была первая значительная наступательная операция советских войск, которая закончилась так удачно. И не случайно, отмечая в приказе именно наступательный успех и высокий боевой дух дивизий, которые участвовали в этой

операции, Ставка присвоила этим дивизиям гвардейские звания. Их получили 100-я и 127-я стрелковые дивизии 24-й армии, которые, соответственно, стали называться 1-й и 2-й гвардейскими стрелковыми дивизиями. Так в боях, руководимых Жуковым, родилась Советская гвардия.

Вполне естественно, и наша пресса, и политические работники использовали этот успех первого наступления для поднятия боевого духа войск, так много дней отступавших под натиском врага. Эта первая победа воодушевила и придала силы всей Красной Армии.

Я встречался и беседовал не раз с командиром 1-й гвардейской дивизии генерал-майором И. Н. Руссияновым. В восемьдесят лет у него был вполне строевой вид, генеральская форма сидела на нем ладно, веселые голубые глаза.

С первых слов проявились обстоятельность, неспешность, широта суждений генерала. А я подумал: наверное, вот так и в боях, принимая решения, он спокойно и всесторонне учитывал и оценивал все обстоятельства.

— Рассказать о боях под Ельней, о рождении гвардии? Хорошо, расскажу. Только рождалась она не в один и не в два дня. Под Ельней наши бойцы и командиры показали мужество и боевое мастерство, которые вырабатывались и накапливались во многих боях. Если хотите, давайте коротко, вместе, пройдем по этому пути становления?

— Именно этого я и хотел.

— Так вот, 100-я дивизия, которая стала первой гвардейской, получила это звание не случайно. Мы были подняты по тревоге в первый же час войны. А 25 июня встали на пути танково-механизированного клина фашистов, который несся к Минску. Командир фашистского головного танкового полка, полковник Роттенберг, затребовал подвезти из тыла парадную форму, одел в нее своих подчиненных и так вот, с шиком, хотел войти в первую на своем пути столицу советской республики — Минск.

Наша дивизия была хорошо обучена, имела боевой опыт финской кампании. Нас просто так не собьешь! Однако сразу же встали перед нами трудности, на первый взгляд непреодолимые. Чем бить танки? Они прут, их много, а бороться с ними нечем. В первые дни войны не было еще ни бутылок зажигательных, ни гранат противотанковых. Если вы служили до войны, то, наверное, помните, имелись в некоторых наших частях стеклянные фляги в чехле. Не любили их командиры - бьются, при отчетах — начеты всякие появляются. Вот и у нас были такие фляги. Они нас выручили. Стали мы их наполнять бензином, а в горлышко фитиль из пакли затыкали. Вот такое «сооружение» надо было поджечь спичкой, прежде чем бросить на моторную часть танка. Но выхода иного не было. Бойцы быстро приспособились, в батальоне Тыртычного в первых же схватках подожгли десять танков! А всего за три дня, с 26 по 28 июня, мы сожгли больше ста танков и уничтожили один пехотный и один танковый полк, тот самый, что был переодет в парадную форму! Вот так мы встретили фашистов и отбросили их от Минска на двенадцать — четырнадцать километров.

Позднее нас обошли, пришлось отступать. Какой горький и тяжкий это был отход,— шли через городок, где стояли наши части до начала боев, через новый стадион, который празднично открывали всего несколько дней назад, 22 июня! Да, именно в то воскресенье!

В этот день отступления я увидел, как бойцы-белорусы набирали в платочки и в кисеты родную землю и говорили: «Мы вернемся!» А я дал себе клятву, что тоже вернусь сюда, и с этими же людьми. В этой клятве, между прочим, и ответ на вопрос, который мне нередко задают: почему я не имел перемещений по должности и всю войну командовал 1-й гвардейской дивизией и 1-м гвардейским корпусом. Я сдержал клятву, вернулся с этой же дивизией к советской границе, изгнав врага.

После боев под Минском мы шестнадцать суток вырывались из полуокружения и наконец ушли за Днепр, а в конце августа вели бои восточнее Ельни. Здесь 25 августа мы получили приказ овладеть сильно укрепленным районом Ушаково. Приказ выполнили, взяли этот населенный пункт и еще несколько, по соседству с ним. Конечно, понесли потери. Затем, обороняясь на широком фронте одними частями, другими я пытался все же продвигаться вперед. В конце концов мы совсем выдохлись. А тут приказ взять Ельню. Брать нечем, нет сил. Пытались, не выходит. И вот приезжает генерал армии Жуков. Я хотел доложить ему обстановку, но он был очень сердит, слушать не стал и говорит:

— Пусть мне и вам дадут винтовки, и мы поведем дивизию брать Ельню!

Жукова я знал еще, когда он командовал четвертой кавалерийской дивизией, стоявшей в городе Слуцке. Я тогда командовал стрелковым полком, мы часто встречались на совещаниях, на вечерах и по другим поводам. Я знал его крутой характер, бывают минуты, когда возражать ему не следует. Я приказал принести нам винтовки. Мы взяли их и пошли. Я знал, до какого места от НП идти относительно безопасно. А дальше нельзя: большую группу комсостава противник может обнаружить и обстрелять артиллерией. Вот я и говорю:

— Прикажите, товарищ генерал армии, вашим сопровождающим остаться.

— Что, струсил?

— Нет, я не струсил, не хочу, чтобы нас демаскировали.

Прошли мы еще немного, и я опять говорю:

А теперь прошу отложить винтовку и выслушать мой доклад.

Он остановился, хмуро говорит:

Кто тут командует: ты или я?

— Согласно проекту полевого устава, я. Я ответственный за боевой участок, и поэтому здесь командую я. Дальше мы не пойдем. И дело совсем не в моей жизни.

— Что ты хочешь?

— Хочу доложить обстановку, хотя бы в течение пятнадцати минут. Пойдемте на КП.

— ...Пришли мы в блиндаж оперативного отделения,— сказал далее Иван Никитич,— я сообщил о состоянии дивизии, как мало бойцов осталось в подраз-

делениях, как мало огневых средств. Почти нет командиров, ротами командуют сержанты. Жуков слушал молча и хмуро, коротко бросал адъютанту: «Запишите». И еще говорю, я слышал, появилось новое оружие под названием «катюша», может быть, нам его на поддержку дадите? Жуков обещал. Он выполнил все — через три дня мы получили пополнение, боеприпасы и даже батарею «катюш».

Тут генерал Руссиянов взял из шкафа книгу «Воспоминаний...» Г К. Жукова, раскрыл, где была закладка, и прочитал: «С 22 по 29 августа 100-я дивизия готовилась к наступлению... В ходе подготовки мне довелось неоднократно побывать в этих частях, и я был вполне уверен в успехе... Преодолевая упорное сопротивление противника, части 100-й дивизии к исходу 5 сентября глубоко вклинились в оборону врага и вышли на тыловые пути его группировки, содействуя тем самым другим соединениям армии в овладении городом... В результате успешно проведенной операции по разгрому ельнинской группировки в войсках фронта поднялось настроение, укрепилась вера в победу».

Руссиянов помолчал, закрыл книгу и поставил ее на место; он не стал читать высокую оценку маршала Жукова, данную ему лично.

...В историю Великой Отечественной войны бои под Ельней вошли как завершающий этап, и этап победный, двухмесячного Смоленского сражения. Его значение определяется тем, что на главном, московском, направлении рушилась надежда на блицкриг и враг впервые был вынужден перейти к обороне.

ОБОРОНА ЛЕНИНГРАДА

После завершения Ельнинской операции, 9 сентября, Сталин вызвал к себе Жукова. Как всегда, вызов Сталина означал что-то срочное и конечно же сложное. И в этот раз Жуков не ошибся.

Когда он прибыл в Кремль, в приемной его встретил Власик и проводил на квартиру Сталина, которая была здесь же, этажом выше.

Сталин ужинал с Молотовым, Маленковым, Щербаковым и некоторыми другими членами руководства. Поздоровавшись, пригласил Жукова к столу и, как будто не было никакой размолвки между ними, легко сказал:

— А неплохо у вас получилось с ельнинским выступом.— И понимая все-таки, что Жуков помнит о том неприятном разговоре, после которого он был отправлен под Ельню, Сталин продолжил: — Вы были тогда правы. Я не совсем правильно вас понял.— Услышать такое из уст Сталина было необычайно. В этой фразе явно звучало что-то вроде извинения. И, видимо желая побыстрее сменить не очень приятную для него тему, Сталин сказал: — Плохо идут дела у нас на Юго-Западном направлении. Буденный там не справляется. Как вы думаете, кем можно его заменить?

Жуков сначала подумал, что, может быть, Сталин имеет в виду назначить его командующим Юго-Западным направлением, но, ничего не сказав об этом, ответил:

Я думаю, самый подходящий командующий там был бы маршал Тимошенко, он знает хорошо театр действий и все возможности проведения операций на Украине. За последнее время он получил большую практику в организации боевых действий, вдобавок он по национальности украинец, что тоже имеет значение. Я бы рекомендовал послать его.

Сталин подумал, посмотрел на сидящих за столом, но никто из них не высказал ни своего несогласия, ни одобрения. Сталин произнес:

— Пожалуй, вы правы. А кого поставим вместо Тимошенко командовать Западным фронтом?

И опять Жуков имел все основания подумать, что Сталин подразумевает его кандидатуру, но и на сей раз сделал вид, что не понимает намека, и ответил:

— Мне кажется, хорошим командующим Западным фронтом будет генерал-лейтенант Конев, который командует сейчас 19-й армией.

Сталин ничего не ответил на это предложение Жукова, тут же подошел к телефону, позвонил Шапошникову и попросил его вызвать в Москву маршала Тимошенко и подготовить приказ о назначении Конева на должность командующего Западным фронтом.

Возвратившись к столу, Сталин, как бы продолжая обычный, ни к чему не обязывающий разговор, спросил Жукова:

— Что вы думаете делать дальше?

Жуков пожал плечами и ответил то, что он считал естественным в его положении:

— Поеду обратно к себе на фронт.

Сталин задумался и, словно бы размышляя вслух, стал говорить:

— Очень тяжелое положение сложилось сейчас под Ленинградом, я бы даже сказал, положение катастрофическое.— Помолчав, Сталин явно подбирал еще какое-то слово, которым хотел подчеркнуть сложность обстановки на Ленинградском фронте, и наконец вымолвил: — Я бы даже сказал, безнадежное. С потерей Ленинграда произойдет такое осложнение, последствия которого просто трудно предвидеть. Окажется под угрозой удара с севера Москва.

Жукову стало ясно, что Сталин явно клонил к тому, что ликвидировать ленинградскую катастрофу, наверное, лучше всего сможет он, Жуков. Понимая, что Сталин уже решил послать его на это «безнадежное дело», Георгий Константинович сказал:

— Ну, если там так сложно, я готов поехать командующим Ленинградским фронтом.

Сталин, как бы пытаясь проникнуть в состояние Жукова, снова произнес то же слово, внимательно при этом глядя на него:

— А если это безнадежное дело?

Жукова удивило такое повторение. Он понимал, что Сталин делает это неспроста, но почему, объяснить не мог. А причина действительно была.

Еще в конце августа под Ленинградом сложилась критическая обстановка, и Сталин послал в Ленинград комиссию ЦК ВКП(б) и ГКО в составе Н. Н. Воронова, П. Ф. Жигарева, А. Н. Косыгина, Н. Г Кузнецова,

Г. М. Маленкова, В. М. Молотова. Как видим, комиссия была очень представительная и с большими полномочиями. Она предприняла много усилий для того, чтобы мобилизовать имеющиеся войска и ресурсы и организовать стойкую оборону. Но этого оказалось недостаточно, положение Ленинграда ничуть не улучшилось.

9 сентября, в день встречи с Жуковым, была отправлена телеграмма, из содержания которой видны обстановка и результаты работы комиссии.

г. ЛЕНИНГРАД. ВОРОШИЛОВУ, ЖДАНОВУ

Нас возмущает ваше поведение, выражающееся в том, что вы сообщаете нам только лишь о потере нами той или иной местности, но обычно ни слова не сообщаете о том, какие же вами приняты меры для того, чтобы перестать, наконец, терять города и станции. Так же безобразно вы сообщили о потере Шлиссельбурга. Будет ли конец потерям? Может быть, вы уже предрешили сдать Ленинград? Куда девались танки КВ, где вы их расставили, и почему нет никакого улучшения на фронте, несмотря на такое обилие танков КВ у вас? Ведь ни один фронт не имеет и половинной доли того количества КВ, какое имеется у вас на фронте. Чем занята ваша авиация, почему она не поддерживает действия наших войск на поле? Подошла к вам помощь дивизии Кулика, как вы используете эту помощь? Можно ли надеяться на какое-либо улучшение на фронте, или помощь Кулика тоже будет сведена к нулю, как сведена к нулю колоссальная помощь танками КВ? Мы требуем от вас, чтобы вы в день два-три раза информировали нас о положении на фронте и о принимаемых вами мерах.

СТАЛИН, МОЛОТОВ, МАЛЕНКОВ, БЕРИЯ

Противник продолжал продвигаться в сторону города, остановить его было нечем и некому. Ворошилов явно не был способен на это. Сталин понимал, что принятые им меры ни к чему не привели. Поэтому и пульсировали в его сознании эти неприятные, но точные слова: «Положение безнадежное». Жуков оставался последней надеждой, и Сталин почти не скрывал этого.

— Разберусь на месте, посмотрю, может быть, оно еще окажется и не таким безнадежным,— ответил Жуков.

— Когда можете ехать? — считая вопрос решенным, спросил Сталин.

— Предпочитаю отправиться туда немедленно.

— Немедленно нельзя. Надо сначала организовать вам сопровождение истребителей, не забывайте, Ленинград теперь окружен со всех сторон фронтами.

Это тоже для Сталина было необычным в отношении к Жукову — теперь он проявлял о нем заботу.

Сталин подошел к телефону и приказал сообщить прогноз погоды. Ему быстро ответили. Повесив трубку, Сталин сказал Жукову:

— Дают плохую погоду, но для вас это самое лучшее, легче будет перелететь через линию фронта.

Сталин подошел к столу, взял лист бумаги и написал записку:

«Ворошилову.

ГКО назначает командующим Ленинградским фронтом генерала армии Жукова. Сдайте ему фронт и возвращайтесь тем же самолетом.

Сталин».

Сталин протянул эту записку Жукову, он прочитал ее, сложил вдвое, положил в карман и спросил:

— Разрешите отбыть?

— Не торопитесь. Как вы расцениваете дальнейшие планы и возможности противника?

И Жуков снова решил сказать о том, что его все время волновало:

— Я думаю, кроме Ленинграда, в настоящий момент самым опасным участком для нас является Юго-Западный фронт. Считаю, что в ближайшие дни там может сложиться тяжелая обстановка. Группа армий «Центр», вышедшая в район Чернигов — Новгород-Северский, может смять 21-ю армию и прорваться в тыл Юго-Западного фронта. Уверен, что группа армий «Юг», захватившая плацдарм в районе Кременчуга, будет осуществлять оперативное взаимодействие с армией Гудериана. Над Юго-Западным фронтом нависает серьезная угроза. Я вновь рекомендую немедля отвести всю Киевскую группировку на восточный берег Днепра и за ее счет создать резервы где-то в районе Конотопа.

Наступила напряженная тишина, опять создалась обстановка, похожая на ту, которая была перед конфликтом со Сталиным, когда Жуков предлагал оставить Киев. Георгий Константинович ждал, что на этот раз скажет Сталин, надеясь все же, что, отправляя его на такое тяжелое дело, как спасение Ленинграда, Сталин едва ли теперь вспылит, а скорее всего, сдержит гнев, может быть, промолчит. Так и произошло. После паузы Сталин спросил:

— А как же Киев?

Зная непредсказуемость вспышек гнева Сталина, Жуков все же твердо ответил:

— Как ни тяжело, а Киев придется оставить. Иного выхода у нас нет.

Сталин ничего не ответил, подошел к телефону и позвонил Шапошникову.

— Что будем делать с киевской группировкой?

Жуков не слышал ответа Бориса Михайловича, а Сталин сказал слушающему его Шапошникову:

— Завтра прибудет Тимошенко. Продумайте с ним этот вопрос, а вечером переговорим с Военным советом фронта.

Здесь я хочу напомнить читателям то, что рассказано было в одной из предыдущих глав. Свое предложение Жуков высказал 9 сентября, а 11 сентября последовал контрприказ Сталина: «Киев не оставлять» и все, что за этим последовало...

10 сентября 1941 года, как пишет в своих воспоминаниях Жуков, он вместе с генерал-лейтенантом М. С. Хозиным и генерал-майором И. И. Федюнинским вылетел в блокадный Ленинград.

А вот как вспоминает об этом Федюнинский: «Утром 13 сентября самолет ЛИ-2 поднялся с Внуковского аэродрома и под охраной звена истребителей взял курс

на Ленинград. В самолете находились генерал армии Г К. Жуков, назначенный командующим Ленинградским фронтом, генералы М. С. Хозин, П. И. Кокарев и я».

Начальник же охраны Жукова, Н. Х. Бедов, рассказал мне вот что:

— Случилось так, что ни в этот день, 9 сентября, ни в следующий Георгий Константинович Жуков вылететь в Ленинград не смог... Утром 10-го числа мы прибыли на Центральный аэродром. Самолет был готов к полету, но его не выпустили. И только утром 11 сентября удалось вылететь из Москвы.

Вот видите, какие случаются шероховатости в воспоминаниях; все летели в одном самолете, и каждый называет иную дату: Жуков — 10 сентября, Бедов — 11, а Федюнинский — 13. И даже аэродромы вылета разные: Федюнинский утверждает, что вылетели с Внуковского, а Бедов — с Центрального. Я привожу этот мелкий факт, чтобы показать, как иногда непросто разобраться даже в воспоминаниях непосредственных участников.

Бедов еще рассказал мне, что на Центральном аэродроме (все же это происходило именно здесь) 11 сентября, перед тем как садиться в самолет, Жуков сказал генералам, которых он отобрал для работы на Ленинградском фронте:

— Полетим в Ленинград через линию фронта. Немецкие войска вышли к Ладожскому озеру и полностью окружили город. На подступах к городу идут очень тяжелые бои. Сталин сказал мне: либо отстоите город, либо погибнете там вместе с армией, третьего пути у вас нет.

Жуков помолчал, посмотрел поочередно в лицо каждому из собеседников и закончил:

— Кто согласен, проходите в самолет.

Все присутствующие генералы были опытные военачальники, некоторые не раз смотрели смерти в глаза, хотя бы тот же Федюнинский, который был с Жуковым в боях на Халхин-Голе. Они не стали говорить громких фраз о своем согласии, а просто пошли к трапу самолета.

На пути ЛИ-2 сделал посадку в Тихвине, где дозаправился, здесь же подключились для сопровождения истребители. Вся группа пошла на низкой высоте. На подступах к Ленинграду появилось несколько «мессершмиттов», но прикрывающие истребители вступили с ними в бой и отогнали от самолета, в котором летел Жуков.

Рассказывая об этом полете, Бедов признался, что лететь было очень неприятно: самолет болтало на низкой высоте, снизу — линия фронта, там видны взрывы, идет артиллерийская стрельба, а сверху — немецкие истребители, тоже видны трассы пролетающих пулеметных очередей.

В Ленинграде прибывших генералов никто не встретил, хотя о том, что туда вылетел Жуков, не знать не могли. Взяли первую попавшуюся под руку машину и поехали на ней в Смольный. Во двор Смольного машину не пропустили. Жуков сказал, кто он, но дежурный коротко ответил: «Пропуска нет, а я без него вас пропустить не могу». Жуков потребовал вызвать начальника караула. Время шло. Наконец прибыл начальник караула, старший лейтенант. К нему подошел Бедов, предъявил ему документы и сказал, с кем он имеет дело. Но старший лейтенант стал звонить кому-то из своих начальников и, только получив от того разрешение, повел Жукова и прибывших с ним генералов к зданию Смольного. В приемной тоже не проявили к Жукову даже элементарного внимания.

Я слышал или где-то читал о том, что Жуков якобы вошел в кабинет командующего фронтом, пнув дверь ногой. Даже если это и было, то все, что предшествовало этому, мне кажется, объясняет такое нервное состояние Георгия Константиновича.

Не снимая шинели и фуражки, Жуков вошел в кабинет маршала Ворошилова. В это время в кабинете заседал Военный совет фронта, на котором присутствовали Ворошилов, Жданов, Кузнецов и другие члены Военного совета. Они рассматривали вопрос, как уничтожать важнейшие объекты города, потому что удерживать его уже считалось почти невозможным, когда и как подготовить к взрыву боевые корабли, чтобы их не захватил противник.

Жуков сел на свободный стул и некоторое время слушал происходивший разговор. Тема разговора еще больше его взвинтила. Он приехал в Ленинград для того, чтобы отстаивать его, а тут говорят о сдаче. Он подал записку Сталина о своем назначении Ворошилову. Маршал прочитал эту записку, как-то сник и ничего не сказал присутствующим. Пришлось Жукову самому сообщить, что он назначен командующим фронтом. Он коротко предложил закрыть совещание Военного совета и вообще не вести никаких обсуждений о сдаче города, а принять все необходимые меры для того, чтобы отстоять его, и закончил такими словами:

— Будем защищать Ленинград до последнего человека!

В одной из бесед с Симоновым об этом совещании Военного совета Жуков рассказал:

«Моряки обсуждали вопрос, в каком порядке им рвать суда, чтобы они не достались немцам. Я сказал командующему флотом Трибуцу: "Как командующий фронтом запрещаю вам это. Во-первых, извольте разминировать корабли, чтобы они сами не взорвались, а во-вторых, подведите их ближе к городу, чтобы они могли стрелять всей своей артиллерией" Они, видите ли, обсуждали вопрос о минировании кораблей, а на них, на этих кораблях, было по сорок боекомплектов. Я сказал им: "Как вообще можно минировать корабли? Да, возможно, они погибнут. Но если так, они должны погибнуть только в бою, стреляя" И когда потом немцы пошли в наступление на Приморском участке фронта, моряки так дали по ним со своих кораблей, что они просто-напросто бежали. Еще бы! Шестнадцатидюймовые орудия! Представляете себе, какая это силища?»

Жуков приказал Хозину вступить в должность начальника штаба фронта, а генералу Федюнинскому немедленно направиться в 42-ю армию на самый напряженный участок фронта — на Пулковских высотах

и под Урицком — и разобраться там с обстановкой на месте.

Всю ночь Жуков с помощью Жданова, Кузнецова и адмирала флота Исакова, начальника штаба, начальников родов войск и служб разбирался в обстановке, и все его действия с первых же минут командования фронтом были направлены на мобилизацию сил для обороны Ленинграда, никаких разговоров о сдаче города с момента его прибытия больше не было.

Ленинград беспощадно бомбила гитлеровская авиация, пожары полыхали во всех районах, вела обстрел тяжелая артиллерия противника, снаряды рвались на улицах, разрушали жилые дома, уничтожали гражданское население. Немцы стремились не только наступлением на фронтах, кольцом окружавших город, но и беспощадным истреблением жителей сломить волю обороняющихся и вынудить их к сдаче.

Работая в штабе фронта, Жуков во время бомбежек и обстрела города крупнокалиберной артиллерией не уходил в бомбоубежище, он оставался в своем кабинете. Под зданием Смольного было хорошее бомбоубежище с подведенными туда средствами связи, но за все время пребывания в Ленинграде Жуков спустился туда только один раз, и то для осмотра. У него не было времени на беготню вниз и обратно, дорога была каждая минута, а бомбежки и обстрелы шли почти непрерывно.

Не имея никакой надежды получить помощь извне, Жуков стал собирать те силы, которые еще находились здесь, в окружении, и маневрировать ими. Для отражения танков и предотвращения прорыва он приказал на самых опасных направлениях, особенно на Пулковских высотах, поставить часть зенитных орудий из противовоздушной обороны города. На самый опасный участок — Урицк — Пулковские высоты — приказал сосредоточить огонь корабельной артиллерии. На наиболее уязвимых направлениях немедленно организовал инженерные работы, которым придавал огромное значение, мобилизовал население, инженерные части и войска для создания глубоко эшелонированной обороны. Работы шли в сверхскоростном темпе, в предельном напряжении сил и, добавлю, нервов. Представление о том, в каком взвинченном состоянии был в это время Жуков, дает рассказ начальника инженерного управления Ленинградского фронта Бориса Владимировича Бычевского. Это был немолодой интеллигентный человек, и тот разговор, который произошел у него при первом знакомстве с Жуковым, его обескуражил. Но я привожу его рассказ для того, чтобы мы с вами увидели Жукова еще и глазами человека, которого, по сути дела, незаслуженно обижают.

«Первое мое знакомство с новым командующим носило несколько странный характер. Выслушав мое обычное в таких случаях представление, он несколько секунд рассматривал меня недоверчивыми, холодными глазами. Потом вдруг резко спросил:

— Кто ты такой?

Вопроса я не понял и еще раз доложил:

Начальник инженерного управления фронта подполковник Бычевский.

— Я спрашиваю, кто ты такой? Откуда взялся?

В голосе его чувствовалось раздражение. Тяжеловесный подбородок Жукова выдвинулся вперед. Невысокая, но плотная, кряжистая фигура поднялась над столом.

«Биографию, что ли, спрашивает? Кому это нужно сейчас?» — подумал я, не сообразив, что командующий ожидал увидеть в этой должности кого-то другого. Неуверенно стал докладывать, что начальником инженерного управления округа, а затем фронта работаю почти полтора года, во время советско-финляндской войны был начинжем 13-й армии на Карельском перешейке.

— Хренова, что ли, сменил здесь? Так бы и говорил! А где генерал Назаров? Я его вызывал.

— Генерал Назаров работал в штабе главкома Северо-Западного направления и координировал инженерные мероприятия двух фронтов,— уточнил я.— Он улетел сегодня ночью вместе с маршалом.

— Координировал... улетел...— пробурчал Жуков.— Ну и черт с ним! Что там у тебя, докладывай.

Я положил карты и показал, что было сделано до начала прорыва под Красным Селом, Красногвардейском и Колпино, что имеется сейчас на пулковской позиции, что делается в городе, на Неве, на Карельском перешейке, где работают минеры и понтонеры.

Жуков слушал, не задавая вопросов... Потом — случайно или намеренно — его рука резко двинула карты, так, что листы упали со стола и разлетелись по полу, и, ни слова не говоря, стал рассматривать большую схему обороны города, прикрепленную к стене.

— Что за танки оказались в районе Петрославянки? — неожиданно спросил он, опять обернувшись ко мне и глядя, как я складываю в папку сброшенные на пол карты.— Чего прячешь, дай-ка сюда! Чушь там какая-то...

— Это макеты танков, товарищ командующий,— показал я на карте условный знак ложной танковой группировки, которая бросилась ему в глаза.— Пятьдесят штук сделано в мастерской Мариинского театра. Немцы дважды их бомбили...

— Дважды! — насмешливо перебил Жуков.— И долго там держишь эти игрушки?

— Два дня.

— Дураков ищешь? Ждешь, когда немцы сбросят тоже деревяшку? Сегодня же ночью убрать оттуда! Сделать еще сто штук и завтра с утра поставить в двух местах за Средней Рогаткой. Здесь и здесь,— показал он карандашом.

— Мастерские театра не успеют за ночь сделать сто макетов,— неосторожно сказал я.

Жуков поднял голову и осмотрел меня сверху вниз и обратно.

— Не успеют — под суд пойдешь... Завтра сам проверю.

Отрывистые угрожающие фразы Жукова походили на удары хлыстом. Казалось, он нарочно испытывал мое терпение.

— Завтра на Пулковскую высоту поеду, посмотрю, что вы там наковыряли... Почему так поздно начали ее укреплять? — И тут же, не ожидая ответа, отрезал: — Можешь идти...

Во всем, рассказанном Бычевским, явно сквозит

обида. Сделаем на нее скидку. Но при всем при том в прямой речи и, я бы сказал, в жестах командующего присутствует «жуковский колорит».

Следует при этом учесть и то, что речь шла о последних перед городом рубежах.

О том, как Жуков оценивал обстановку сразу после прибытия в Ленинград, дает представление телеграфный разговор между ним и начальником Генштаба Шапошниковым, который они вели 14 сентября.

Жуков сказал тогда Борису Михайловичу, что обстановка в южном секторе фронта значительно сложнее, чем казалось Генеральному штабу. К исходу этого дня противник, развивая прорыв тремя-четырьмя пехотными дивизиями и введя в бой до двух танковых дивизий, вышел на фронт, что был южнее Пулково всего на два километра, и развивает наступление в северном направлении. Красногвардейск и дороги, идущие от Красногвардейска в Пулково, также занимаются им. Положение усугубляется тем, что у командования в районе Ленинграда нет никаких резервов. Сдерживать наступление и развитие прорыва приходится с помощью случайных отрядов, отдельных полков и вновь формируемых рабочих дивизий. Затем Георгий Константинович доложил о тех мерах, которые он предпринял,— об организации системы артиллерийского огня, включая морскую, зенитную и прочую артиллерию, о том, что на заводах экстренно собираются минометы и до сотни танков, о действиях авиации фронта и Балтийского флота. Как обстояло дело с авиацией, видно из таких его слов: «Мною принято на Ленинградском фронте всего 268 самолетов, из них исправных только 163. Очень плохо с бомбардировщиками и штурмовиками. Имеется шесть самолетов Пе-2, два самолета Ил-2, два самолета АР-2, 11 самолетов СБ. Такое количество не обеспечит выполнения задачи. Очень прошу Ставку дать хотя бы один полк Пе-2 и полк Ил-2».

А вот как обстановку под Ленинградом оценивал противник.

В день приезда Жукова в Ленинград Гальдер записал в своем дневнике: «На фронте группы армий «Север» отмечены значительные успехи в наступлении на Ленинград. Противник начинает ослабевать...

Запись Гальдера 13 сентября: «У Ленинграда значительные успехи. Выход наших войск к внутреннему обводу укреплений может считаться законченным».

Прибыв в Ленинград, Жуков как бы вступал в единоборство с главнокомандующим группой армий «Север» — фельдмаршалом фон Леебом. Этот противник был опытным и знающим военачальником. В 1895 году, еще за год до рождения Жукова, он уже служил в армии. В 1909—1911 годах занимал офицерские должности в генеральном штабе Пруссии. В первую мировую войну участвовал в боях и приобрел немалый опыт. Любопытная деталь из биографии Лееба: он участвовал в подавлении мюнхенского гитлеровского путча в 1923 году. Как помнит читатель, этот «пивной путч» был разогнан войсками в течение короткого времени, тогда Гитлер, испугавшись обстрела, убежал с улицы, сказавшись раненым. Вот в этой стрельбе по нацистам участвовал Лееб. После прихода к власти Гитлер, знавший об этой подробности в биографии Лееба, все же не придал ей значения, так как не желал ссориться с генералами, и старый военный аристократ был назначен командиром соединения, которое позже, после Мюнхенского соглашения, входило в Судеты. В боях против Франции Лееб командовал группой «Ц». Он провел молниеносный удар энергично, в полном соответствии с указаниями Гитлера и планами генерального штаба. После победы над Францией, в июле 1940 года, Гитлер наградил Лееба Рыцарским крестом и присвоил ему звание фельдмаршала. При нападении на Советский Союз фон Лееб вел группу армий «Север», овладел Прибалтикой и подступил к Ленинграду.

Вопрос о падении Ленинграда и Лееб и Гитлер считали решенным. Гитлер даже прислал специального офицера в штаб Лееба, который был обязан немедленно доложить о вступлении войск в Ленинград.

Как видим, в свое единоборство Лееб и Жуков вступали в весьма неравных условиях и с неравными силами. Лееб имея в распоряжении огромное количество войск, воодушевленных предшествующими победами, будучи поддерживаем с тыла хорошо организованным снабжением. А у Жукова — истекающие кровью остатки соединений, которые с момента нападения гитлеровцев вели непрерывные бои, не имели в своем распоряжении достаточного количества боеприпасов и всего необходимого для обороны, и за спиной у них был не снабжающий, а трагический тыл — горящий город, гибнущие в нем женщины и дети.

В нашу историю как легенда вошло мужественное сопротивление войск и жителей города, оборона Ленинграда справедливо названа героической. Но надо сказать, что около 900 тысяч ленинградцев, похороненных на Пискаревском и других кладбищах города, сегодня заставляет нас подумать и о том, что все эти сотни тысяч женщин, детей, стариков могли быть эвакуированы до того, как Ленинград был окружен. И если бы наше командование да и правительство были более дальновидными, то, эвакуировав этих людей и избежав, таким образом, ненужных жертв, можно было облегчить и действия обороняющихся, так как в этом случае на долю оставшихся пришлось бы больше продовольствия, да и всего необходимого для стойкой защиты города.

Жуков постоянно требовал не только удерживать до последней возможности занимаемые рубежи, но и контратаковать. Для многих такая его тактика казалась труднообъяснимой — сил не хватает для того, чтобы обороняться, а он бросает и бросает в бой части, которые, казалось, теряют последние силы в этих, вроде бы напрасных, контратаках. Поступают сообщения о том, что противник занял поселок Володарского, и Жуков тут же приказывает 8-й армии вернуть этот поселок и на-

нести удар в направлении Красного Села. Немцы овладели Слуцком и Пушкинским парком, и опять Жуков категорически требует от 55-й армии вернуть немедленно эти захваченные немцами пункты.

Главные усилия противника были сосредоточены в направлении Урицка и Пулковских высот. Жуков понимает это и всем, чем возможно, усиливает 42-ю армию, которую принял генерал Федюнинский.

Фон Лееб все наращивал и наращивал силы именно на направлении Пулковских высот. В критический момент, когда стало ясно, что оборона может быть вот-вот прорвана, хотя Федюнинский и не говорил об этом, Жуков сам выехал на участок 42-й армии. Наблюдательный пункт Федюнинского находился на седьмом этаже большого дома. Жуков поднялся туда и стал вглядываться в расположение немцев, которое было всего на расстоянии 700—800 метров от дома. В это время немецкие наблюдатели, видимо, заметили движение на этажах дома (как предполагает Бедов, возможно, увидели и красные лампасы на одежде генералов). На дом был сделан сильный артиллерийский налет, было несколько точных попаданий, разбило лестницу, по которой поднимались Федюнинский и Жуков на наблюдательный пункт. Пришлось немедленно уходить под сильным обстрелом, снаряды рвались внутри помещений. Кое-как выбрались и укрылись за противоположной стороной дома. В этот день Жуков едва не погиб.

Полковник Панченко, командир 21-й дивизии, контратакой отбил Урицк и тут же получил приказание генерала Федюнинского продолжать продвижение вперед. Это было вполне естественное решение — использовать успех и развивать его. Но поскольку дивизия не закрепила того, чем она овладела, когда двинулась вперед, противник неожиданно ударил во фланг силами более 50 танков с пехотой и отрезал почти всю дивизию, ушедшую из Урицка дальше. С большим трудом дивизия вырвалась из окружения, но Урицк был сдан. Можно понять гнев Жукова, который потребовал от командующего 42-й армией во что бы то ни стало вернуть Урицк.

54-я армия, которой командовал маршал Г. И. Кулик, находилась за пределами ленинградского окружения. Ставка поставила Кулику задачу: пробить кольцо блокады в районе станции Мга. Шапошников, сообщив об этом Жукову, просил его организовать встречный удар.

Для того чтобы увязать взаимодействие и договориться о времени совместных боевых действий, в ночь на 15 сентября Жуков связался с Куликом. У них состоялся разговор, который я привожу (с небольшими сокращениями) с тем, чтобы читатели могли сравнить уровень мышления двух военачальников.

«**Жуков.** Приветствую тебя, Григорий Иванович! Тебе известно о моем прибытии на смену Ворошилову? Я бы хотел, чтобы у нас с тобой побыстрее закипела работа по очистке территории, на которой мы могли бы пожать друг другу руки и организовать тыл Ленинградского фронта. Прошу коротко доложить об обстановке. В свою очередь, хочу проинформировать, что делается под Ленинградом».

Далее Жуков коротко изложил обстановку, известную читателям.

«**Кулик.** Здравия желаю, Георгий Константинович! Очень рад с тобой вместе выполнять почетную задачу по освобождению Ленинграда. Также жду с нетерпением момента встречи. Обстановка у меня следующая: в течение последних двух-трех дней я веду бой на своем левом фланге в районе Вороново, то есть на левом фланге группировки, которая идет на соединение с тобой. Противник сосредоточил против основной моей группировки за последние два-три дня следующие дивизии...»

Здесь Кулик перечислил до пяти дивизий противника и районы их действий и продолжил:

«Противник сосредоточивает на моем правом фланге довольно сильную группировку... Жду с завтрашнего дня перехода его в наступление. Меры для отражения наступления мною приняты, думаю отбить его атаки и немедленно перейти в контрнаступление... Но противник все время, в особенности сегодня, начал проявлять большую активность...»

Из рассуждений Кулика Жуков понял, что в течение ближайшего времени его армия наступать не собирается.

«Григорий Иванович... У меня к тебе настойчивая просьба — не ожидать наступления противника, а немедленно организовать артподготовку и перейти в наступление в общем направлении на Мгу.

— Понятно. Я думаю, 16—17-го.

— 16—17-го поздно! Противник мобильный, надо его упредить... Если не сможешь все же завтра наступать, прошу всю твою авиацию бросить на разгром противника в районе Поддолово — Корделево — Черная Речка — Аннолово. Все эти пункты находятся на реке Ижора, в 4—5 километрах юго-восточнее Слуцка. Сюда необходимо направлять удары в течение всего дня, хотя бы малыми партиями, чтобы не дать противнику поднять головы. Но это как крайняя мера. Очень прошу атаковать противника и скорее двигать конницу в тыл противника.

— Завтра перейти в наступление не могу, так как не подтянута артиллерия, не проработано на месте взаимодействие и не все части вышли на исходное положение. Мне только что сообщили, что противник в 23 часа перешел в наступление в районе Шлиссельбург — Липка — Синявино — Гонтовая Липка. Наступление отбито. Если противник завтра не перейдет в общее наступление, то просьбу твою о действиях авиации по пунктам, указанным тобою, выполню...

Маршал Кулик явно не представлял себе или не хотел понять крайнего напряжения обстановки под Ленинградом. Не скрывая раздражения, Жуков сказал:

«Противник не в наступление переходил, а вел ночную силовую разведку! Каждую разведку или мелкие действия врага некоторые, к сожалению, принимают за наступление... Ясно, что вы прежде всего заботитесь о благополучии 54-й армии и, видимо, вас недостаточно беспокоит создавшаяся обстановка под Ленинградом.

Вы должны понять, что мне приходится прямо с заводов бросать людей навстречу атакующему противнику, не ожидая отработки взаимодействия на местности. Понял, что рассчитывать на активный маневр с вашей стороны не могу. Буду решать задачу сам. Должен заметить, что меня поражает отсутствие взаимодействия между вашей группировкой и фронтом. По-моему, на вашем месте Суворов поступил бы иначе. Извините за прямоту, но мне не до дипломатии».

Кулик не смог организовать удар 54-й армии и пробить хотя бы узкую отдушину к окруженным войскам Жукова. Сталин несколько раз требовал от Кулика энергичных действий. Кулик конечно же боялся Сталина и пытался организовать необходимые боевые действия, но так ничего и не смог сделать.

Жуков в кольце окружения, не имея ни своих резервов, ни подкреплений извне, все же находил возможности путем внутренних перегруппировок наносить контрудары, а Кулик в более благоприятных условиях, с обеспеченным тылом и снабжением, не сумел помочь ленинградцам.

17 сентября, в тот самый день, о котором Жуков предупреждал Кулика, когда просил его предпринять наступательные действия, чего тот не сделал,— бои под Ленинградом, как пишет Жуков, «достигли наивысшего напряжения», ситуация создалась «исключительно опасная». Фон Лееб, пытаясь спасти свою репутацию и избежать гнева Гитлера, собрал более шести дивизий в кулак и нанес мощный удар — старым проверенным способом, на узком участке фронта, предварительно обработав этот участок фронта массированными бомбежками авиации.

Надо представить себе истекающие кровью остатки частей, оборонявших Пулковские высоты, и вот по ним, выбивающимся из последних сил, был нанесен этот удар. Отразить его, казалось, было выше человеческих возможностей. Жуков понимал, что долго они не продержатся.

Наступил тот самый момент, о котором Жуков сказал генералам перед вылетом из Москвы то самое «или — или». И вот это «или» склонялось в сторону безвыходности. Как спасти — нет, не себя — Ленинград? Над городом висело и непрерывно бомбило его до 300 самолетов врага, артиллерия вела интенсивный обстрел жилых кварталов.

Но Жуков — это Жуков! В те дни его приказы были крайне строги, своей твердостью он стремился укрепить защитников атакованного рубежа, повторяя, что эти рубежи «ни при каких обстоятельствах не могут быть оставлены». Но не только удержанием каждого метра укреплял Жуков оборону. Его принцип активного противодействия и здесь сыграл решающую роль. Он нашел выход в ослаблении удара врага путем нанесения ему удара в другом месте. Этим он добился того, что Лееб оказался перед необходимостью снять силы с пулковского направления и отбиваться там, где ударил Жуков. В короткое время — за сутки — Жуков создал ударную группировку. Легко сказать, создал — из чего? где взял силы? На участке 8-й армии ведь были всё те же оборонявшиеся там дивизии. Он только уплотнил их боевые порядки, отдал на их усиление все, что мог отдать, и 19 сентября ударил во фланг наступающему клину Лееба.

Это было совершенно неожиданно для противника. Представьте себе состояние фон Лееба, уже торжествовавшего в душе и видевшего, наверное, перед собой улицы взятого Ленинграда. И вдруг этот удар по флангу, удар буквально под дых! Лееб ведь собрал все, чем располагал, бросаясь в последнее и решительное наступление на пулковском направлении. Отражать удар Жукова на фланге этой группировки было нечем, надо снимать силу оттуда, где наметились удача и победа. Ждать помощи из глубины нельзя, Лееб понимал — пока подойдут резервы, части Жукова вырвутся на тылы и перемелют все так, что вообще придется отходить от Ленинграда.

И Лееб дает приказ снять механизированный корпус, уже нацеленный для удара там, где виделся наибольший успех, и бросает этот корпус для спасения фланга.

Но именно в этом и состояла цель Жукова. Напор на пулковском рубеже ослаб. 8-я армия хоть и не вонзилась глубоко в расположение противника, но задачу свою выполнила.

Обе стороны в полном изнеможении остановились на достигнутых рубежах. Какой же это был удобный момент для удара 54-й армии! Сталин 20 сентября послал Кулику телеграмму, я бы сказал, не только приказывающую, но скорее взывающую к здравому рассудку маршала:

«В эти два дня, 21 и 22-го, надо пробить брешь во фронте противника и соединиться с ленинградцами, а потом уже будет поздно. Вы очень запоздали. Надо наверстать потерянное время. В противном случае, если вы еще будете запаздывать, немцы успеют превратить каждую деревню в крепость, и вам никогда уже не придется соединиться с ленинградцами».

К сожалению, и это увещевательно-приказное распоряжение Верховного не подействовало. Кулик был освобожден от командования 54-й армией, она была подчинена Жукову, который назначил командующим генерала М. С. Хозина по совместительству с исполнением им должности начальника штаба фронта. Как видим, не было под рукой генералов, кто бы мог вступить в командование армией. И снова тут с горечью вспомним, сколько прекрасных военачальников уничтожил Сталин перед войной!

Гальдер 23 сентября записал в своем дневнике: «В районе Ладожского озера наши войска продвинулись незначительно и, по-видимому, понесли большие потери. Для обороны сил тут вполне достаточно, но для решительного разгрома противника их, вероятно, не хватит». А 25 сентября он сделал такую запись: «День 24.9 был для ОКВ в высшей степени критическим днем. Тому причиной неудача наступления 16-й армии у Ладожского озера, где наши войска встретили серьезное контрнаступление противника, в ходе которого 8-я танковая дивизия была отброшена и сужен занимаемый участок на восточном берегу Невы».

Критическим этот день для ОКВ был не только из-за контрудара, организованного Жуковым, но и из-за той истерики, которую Гитлер закатил в верховном коман-

довании сухопутных войск. Он негодовал по поводу того, что вместо ожидаемого скорого взятия Ленинграда гитлеровские войска там даже отброшены. А он уже включил их в расчет для наступления на Москву. Отпор Жукова ломал планы фюрера, ставил под угрозу срыва готовящуюся операцию «Тайфун». Гитлер не мог этого допустить и, наверное скрежеща зубами, все же приказал осуществить намеченную перегруппировку.

Вскоре начальник разведотдела Ленинградского фронта доложил Жукову о том, что он получил сведения о перемещениях в расположении противника. Но на этот раз противник перебрасывал части не в пределах фронта, а передвигал мотопехоту от Ленинграда на Псков. Кроме этого, были сведения и о том, что противник грузит танки на платформы и тоже перебрасывает их куда-то.

Фельдмаршал фон Лееб понимал, что катастрофа постигла не только его войска, но и его лично, что Гитлер, возлагавший так много надежд на захват Ленинграда, не простит ему эту неудачу. Лееб написал Гитлеру доклад о якобы предпринимающихся дальнейших действиях по овладению Ленинградом, на самом же деле это была попытка объяснить свои неудачи и как-то смягчить удар. В докладе были указаны и большая растяжка коммуникаций, и отставание тылов, что влияло на снабжение войск, и потери в людях и технике, понесенные в предыдущих успешных боях, и плохие погодные условия, которые мешали действиям танков и подвозу всего необходимого, и то, что Ленинград очень сильно укреплен и представляет собой уже не город, а настоящую крепость, и не просто сухопутную крепость, а сухопутно-морскую, которую своей артиллерией поддерживает мощный флот. Далее Лееб просил несколько дивизий и обещал все же взять Ленинград. Старый, опытный Лееб, конечно, понимал при этом, что в той обстановке, которая создалась на московском направлении и на юге, Гитлер не сможет найти для него подкреплений. В этой связи он высказал такое предложение: если не будут даны подкрепления, то надо перейти в глухую оборону и сохранить войска для наступательных действий в более благоприятных условиях, которые несомненно — он верит в это — в будущем появятся.

После неудачи под Ленинградом Гитлер сильно гневался на Лееба. На одном из совещаний он с возмущением говорил:

— Лееб не выполнил поставленную перед ним задачу, топчется вокруг Ленинграда, а теперь просит дать ему несколько дивизий для штурма города. Но это значит ослабить другие фронты, сорвать наступление на Москву. И будет ли взят Ленинград штурмом, уверенности нет. Если не штурм, то Лееб предлагает перейти к глухой обороне. Ни то, ни другое не годится, он не способен понять и осуществить мой замысел скорейшего захвата Ленинграда. Этот город надо уморить голодом, активными действиями перерезать все пути подвоза, чтобы мышь не могла туда проскочить, нещадно бомбить с воздуха, и тогда город рухнет, как переспелый плод... Что же касается Лееба, то он явно устарел и не может выполнить эту задачу.

Таким образом, первая встреча или — назовем ее так — схватка Жукова и фон Лееба закончилась победой Жукова, несмотря на то что у Лееба было гораздо больше сил и возможностей. Начинал наступление на Ленинград Лееб, пожалуй, в самый пик своего полководческого взлета, после удач в первые дни войны он думал, что просто по инерции, на крыльях этих удач, влетит в Ленинград. К тому же, перед началом наступления и перед прибытием Жукова в Ленинград, 5 сентября Лееб отпраздновал свое 64-летие. Гитлер поздравил фельдмаршала и отметил его день рождения щедрым подарком — 250 тысяч марок. Хотя это была не круглая дата, Гитлер явно рассчитывал этим подарком подбодрить и дать аванс командующему группой армий «Север» в счет будущего его успеха в Ленинграде. С этим известием и прибыл к Леебу специальный офицер от Гитлера, тот самый, который должен был первым сообщить фюреру о взятии Ленинграда. И вот, как видим, все радужные планы, касающиеся Ленинграда, рухнули. Жуков измотал наступающие части Лееба своими активными непрерывными контратаками на разных направлениях. Самого же фон Лееба под предлогом болезни освободили от командования группой армий «Север» и отправили в отставку.

В своих воспоминаниях о тех днях главный маршал авиации А. А. Новиков приходит к такому заключению: «И ничего, казалось бы, особенного при Жукове не случилось, просто изменился характер нашей обороны — она стала более активной. Возможно, то же самое сделали бы и без него. Обстановка все равно заставила бы. Но если бы произошло это позже, менее твердо и централизованно, без такой, как у Жукова, жесткости и смелости, должный результат сказался бы не столь быстро, как тогда требовалось. Контрудары наших войск все время держали гитлеровское командование в напряжении... Все это сказывалось на темпах вражеского наступления. Фашисты теряли время, а время, как показала история, играло на нас. Но все это ясно теперь. А в сентябре 1941 года такой ясности в оценке общей обстановки на фронте и уверенности в провале гитлеровского плана захвата Ленинграда не было...

Я не знаю, как и что именно думал тогда Георгий Константинович, предвидел или нет он ход событий, но и сами эти события подтвердили правильность и своевременность его действий как командующего войсками Ленинградского фронта. Он сумел, причем в самый критический момент, мобилизовать на отпор врагу те дополнительные силы, которые еще имелись в войсках и в городе... Все это нынче бесспорно, а для меня как участника событий тех дней и подавно. Но, к сожалению, роль Жукова в обороне Ленинграда до сих пор не оценена должным образом в нашей военно-исторической литературе. Сам же Георгий Константинович в своих мемуарах из скромности об этом умолчал, отведя в них рассказу о своей деятельности на посту командующего войсками Ленинградского фронта неоправданно мало места».

Положение, которого достиг за короткое время

Жуков под Ленинградом, лучше всего, на мой взгляд, характеризуется записями в дневнике Гальдера. Вспомните, как он восторженно восклицал в день приезда Жукова о больших успехах войск в наступлении на Ленинград. А теперь, 5 октября, Гальдер фиксирует: «ОКХ[1] отодвинуло срок начала наступления на Ладожском участке фронта. (Оно было намечено командованием группы армий на 6.10.) И отдало приказ об отводе с фронта подвижных соединений, которые могут только зря понести потери в этом районе, поскольку условия местности здесь крайне неблагоприятны для действий подвижных соединений. Наступление будет начато, как только удастся сосредоточить достаточное количество пехоты за счет перебрасываемых сюда пехотных частей из тыла. Тем временем подвижные соединения отдохнут и пополнят личный состав и материальную часть».

Из этой записи с несомненностью вытекает, что Жуков за короткое время полностью лишил войска, руководимые Леебом, наступательных возможностей. Теперь уже ни о каком последнем штурме или ближайшем наступлении на Ленинград не идет и речи: надо пополнять механизированные, танковые части, надо сосредоточивать новые пехотные части из тыла и только после этого можно будет думать о новом наступлении на Ленинград.

Таким образом, за короткий срок Жуков, который объединил всех своей могучей волей, воодушевил своей решимостью удерживать каждый метр ленинградской земли теми силами, которые были в окружении и которые собирались медленно отходить и уничтожать объекты в городе, чтобы они не достались врагу,— теми же силами, сделав соответствующую перегруппировку, он достиг решительных, коренных перемен на Ленинградском фронте, показав свое высокое мастерство не только в наступлении, но и в обороне.

НА ТОЙ СТОРОНЕ, АВГУСТ — СЕНТЯБРЬ 1941 ГОДА

Серьезные неудачи, постигшие наши войска на южном крыле советско-германского фронта, дали возможность гитлеровскому командованию, с одной стороны, усилить нажим и вплотную прорваться к Ленинграду (о чем рассказано в предыдущей главе), а с другой — начать подготовку решающей операции на главном направлении.

На одном из совещаний в «Волчьем логове» Гитлер сказал:

— Наши успехи, достигнутые смежными флангами групп армий «Юг» и «Центр», дают возможность и создают предпосылки для проведения решающей операции против группы армий Тимощенко[2], которая безуспешно ведет наступательные действия перед фронтом группы армий «Центр»... В полосе группы армий «Центр» надо подготовить операцию таким образом, чтобы по возможности быстрее, не позднее конца сентября, перейти в наступление и уничтожить противника, находящегося в районе восточнее Смоленска, посредством двойного окружения, в общем направлении на Вязьму, при наличии мощных танковых сил, сосредоточенных на флангах...

Большая работа по подготовке наступления, конечной целью которого назначался захват Москвы, была проделана и в генеральном штабе сухопутных войск, проведено несколько совещаний, предприняты меры для доукомплектования частей и соединений группы армий «Центр». 6 сентября Гитлер подписал директиву № 35 на проведение этой операции, которая получила кодовое наименование «Тайфун».

Операция должна была быть осуществлена в самое короткое время, до начала осенней распутицы и зимы, и обязательно завершиться победой. Эта мысль отразилась и в ее названии, которое придумал сам Гитлер,— наступающие войска должны, как тайфун, смести все на своем пути к Москве.

Гитлеру так не терпелось осуществить свой замысел, что вначале он потребовал сразу же начать наступление, через 8—10 дней после того, как ему пришла в голову эта мысль. Однако Гальдер точными расчетами и логическими аргументами убедил его, что сразу начать и провести такое широкомасштабное наступление невозможно, потому что 2-я армия и 2-я танковая группа еще повернуты на юг, а группа армий «Центр» после продолжительных боев восточнее Смоленска требует пополнения и людьми и материальными средствами. С большим нежеланием, как говорится, скрепя сердце Гитлер в конце концов согласился на солидную, планомерную подготовку этого наступления.

Группе армий «Центр» пришло значительное пополнение в 151 тысячу человек, но это не довело ее до первоначального состава, так как в предыдущих боях она потеряла 219 тысяч человек. Были отданы ей последние три дивизии из резерва ОКХ, и в распоряжении верховного командования вообще больше не осталось резерва. В танковых группах, которые тоже понесли большие потери в предыдущих боях, несмотря на поступление новых танков и ремонт тех, которые можно было привести в боевое состояние, набралось всего до 60 % машин, пригодных для боя. Были большие потери в автомобильной технике во время боев, бомбардировок, да и просто многие тягачи и автомобили износились и пришли в негодность. Но все же и того, чем располагала группа армий «Центр», было достаточно для очень мощного удара.

Всего для наступления в группе армий «Центр» к началу октября изготовилось около двух миллионов солдат и офицеров, распределенных в три армии и три танковые группы, насчитывавших в общей сложности 76 дивизий. Авиационное обеспечение осуществлял 2-й воздушный флот под командованием генерал-фельдмаршала Альберта Кессельринга. По замыслу гитлеровского командования, эти силы могли и должны были осуществить одну из самых решительных операций Восточной кампании.

---

[1] Верховное командование сухопутных сил.

[2] Так немцы называли наш Юго-Западный фронт.

Главное командование вермахта и генеральный штаб большое значение при подготовке этой операции придавали ее скрытности, внезапности, что, по их мнению, во многом обеспечило бы успех. Были изданы специальные указания о секретности подготовки, все перемещения частей предписывалось проводить только в ночное время, предусматривалось немало мероприятий по дезинформации советского командования. И — как это ни странно,— но и после того, как мы уже испытали огромные беды в результате оказавшегося для нас внезапным нападения 22 июня, противнику и при наступлении на Москву в какой-то мере удалось достичь внезапности. Маршал Василевский так пишет об этом в своих воспоминаниях: «Генеральный штаб, к сожалению, точно не предугадал замысла действий противника на московском направлении».

А действия противника здесь можно было не только предугадать, но и просто выявить соответствующими разведывательными мероприятиями. Тем более что сюда, в группу армий «Центр», подтягивались огромные резервы: была передана 4-я танковая группа и два армейских корпуса из группы армий «Север», переместились с юга 2-я армия и 2-я танковая группа. Прибывало очень много пополнений — дивизии были доведены до 15-тысячного состава каждая, подвозились боеприпасы, техника, горючее и много другого необходимого обеспечения.

24 сентября в Смоленске в штабе группы армий «Центр» состоялось заключительное совещание по вопросу о проведении наступления. На совещании присутствовали главнокомандующий сухопутными войсками Браухич и начальник генерального штаба Гальдер. Было решено, что вся группа армий «Центр» начнет наступление 2 октября, а 2-я армия и 2-я танковая группа Гудериана, которая будет действовать на правом фланге, перейдут в наступление раньше — 30 сентября. Генерал Гудериан вспоминает: «Эта разница во времени начала наступления была установлена по моей просьбе, ибо 2-я танковая группа не имела в районе своего предстоящего наступления ни одной дороги с твердым покрытием. Мне хотелось воспользоваться оставшимся коротким периодом хорошей погоды для того, чтобы до наступления дождливого времени по крайней мере достигнуть хорошей дороги у Орла и закрепить за собой дорогу Орел — Брянск, обеспечив тем самым себе надежный путь для снабжения. Кроме того, я полагал, что только в том случае, если я начну наступление на два дня раньше остальных армий, входящих в состав группы армий «Центр», мне будет обеспечена сильная авиационная поддержка».

Итак, «Тайфун» разразился 30 сентября ударом танковой группы Гудериана и 2-й немецкой армии по войскам Брянского фронта. Не встречая серьезного сопротивления, Гудериан рвался к Орлу, оказались под угрозой окружения 3-я и 13-я армии Брянского фронта. Нанеся мощный удар на правом фланге, гитлеровцы приковали все внимание нашего командования к этому направлению, а 2 октября нанесли еще более мощные удары по войскам Западного и Резервного фронтов. Все три наших фронта вступили в тяжелейшие бои.

Так началась великая Московская битва.

Противнику удалось прорвать оборону наших войск, и в результате охватывающих действий с севера и с юга в направлении Вязьмы наши 19, 20, 24, 32-я и почти вся 16-я армии оказались в окружении, в районе западнее этого города.

БИТВА ЗА МОСКВУ

К началу октября Жуков и руководимые им войска Ленинградского фронта выполнили возложенную на них задачу — непосредственная опасность захвата Ленинграда была ликвидирована.

5 октября 1941 года Жукова вызвал к аппарату Бодо Сталин и спросил:

— Товарищ Жуков, не можете ли вы незамедлительно вылететь в Москву? Ввиду осложнения обстановки на левом крыле Резервного фронта, в районе Юхнова, Ставка хотела бы с вами посоветоваться.

Жуков ответил:

— Прошу разрешения вылететь утром 6 октября.

— Хорошо,— согласился Сталин.— Завтра днем ждем вас в Москве.

Однако ввиду некоторых важных обстоятельств, возникших на участке 54-й армии, 6 октября Жуков вылететь не смог, о чем доложил Верховному.

Вечером вновь позвонил Сталин.

— Как обстоят у вас дела? Что нового в действиях противника?

— Немцы ослабили натиск. По данным пленных, их войска в сентябрьских боях понесли тяжелые потери и переходят под Ленинградом к обороне. Сейчас противник ведет артиллерийский огонь по городу и бомбит его с воздуха.

Доложив обстановку, Жуков спросил Верховного, остается ли в силе его распоряжение о вылете в Москву.

— Да! — ответил Сталин.— Оставьте за себя генерала Хозина или Федюнинского, а сами завтра немедленно вылетайте в Ставку.

Почему Сталин так настаивал на возможно быстром приезде Жукова, читателям будет ясно из следующего эпизода.

5 октября в 17 часов 30 минут члену Военного совета Московского военного округа генералу К. Ф. Телегину поступило сообщение из Подольска: комендант Малоярославецкого укрепрайона комбриг Елисеев сообщал, что танки противника и мотопехота заняли Юхнов, прорвались через Малоярославец, идут на Подольск. От Малоярославца до Москвы около ста километров, и притом — прекрасное шоссе, по которому это расстояние танки могут пройти за два с половиной часа. Телегин понимал опасность такого прорыва, доложил в оперативное управление Генерального штаба о случившемся и стал перепроверять эти сведения через командующего ВВС округа полковника Сбытова, который несколько раз высылал к Юхнову опытных летчиков. Из Генерального штаба, видимо, доложили об этом и

Верховному, потому что вскоре у Телегина зазвонил телефон и он услышал голос Берии, который резко и сухо задал вопрос:

— Откуда вы получили сведения, что немцы в Юхнове, кто вам сообщил?

Телегин доложил, откуда им получены такие сведения.

— Слушайте, что вы там принимаете на веру всякую чепуху? Вы, видимо, пользуетесь информацией паникеров и провокаторов...

Телегин стал убеждать Берию, что сведения точные, их доставили летчики, которым можно верить.

— Кто вам непосредственно докладывал эти сведения?

Командующий ВВС округа полковник Сбытов.

— Хорошо...

Прошло немного времени, и позвонил сам Сталин. Звонок лично Сталина — это было событие экстраординарное. Телегин пишет в своих воспоминаниях, что у него было такое чувство, «будто его ошпарили кипятком».

— Телегин? Это вы сообщили Шапошникову, что танки противника прорвались через Малоярославец?

— Да, я, товарищ Сталин.

— Откуда у вас эти сведения?

— Мне доложил из Подольска комбриг Елисеев. А я приказал ВВС немедленно послать самолеты и перепроверить, и еще также проверку осуществляю постами ВНОС...

— Это провокация. Прикажите немедленно разыскать этого коменданта, арестовать и передать в ЧК, а вам на этом ответственном посту надо быть более серьезным и не доверять всяким сведениям, которые приносит сорока на хвосте.

— Я, товарищ Сталин, полностью этому сообщению не доверял, немедленно принял меры для проверки и просил генерала Шарохина до получения новых данных Ставке не докладывать.

— Хорошо. Но впредь такие сведения надо проверять, а потом докладывать.

В это же время, когда происходили эти телефонные разговоры, командующего ВВС Московского военного округа полковника Н. А. Сбытова вызвал к себе начальник Особого отдела Красной Армии Абакумов. Он потребовал прибыть к нему немедленно. Когда Сбытов вошел к нему в кабинет, Абакумов резко и грозно спросил:

— Откуда вы взяли, что к Юхнову идут немецкие танки?

— Это установлено авиационной разведкой и дважды перепроверено.

— Предъявите фотоснимки.

— Летали истребители, на которых нет фотоаппаратов, но на самолетах есть пробоины, полученные от вражеских зениток. Разведка велась с малой высоты, летчики отчетливо видели кресты на танках.

— Ваши летчики — трусы и паникеры, такие же, видимо, как и их командующий. Мы такими сведениями не располагаем, хотя получаем их, как и Генштаб. Предлагаю вам признать, что вы введены в заблуждение, что никаких танков противника в Юхнове нет, что летчики допустили преступную безответственность и вы немедленно с этим разберетесь и сурово их накажете.

— Этого сделать я не могу. Ошибки никакой нет, летчики боевые, проверенные, и за доставленные ими сведения я ручаюсь.

— А чем вы можете подтвердить такую уверенность, какие у вас есть документы?

— Прошу вызвать командира 6-го истребительного авиакорпуса ПВО полковника Климова. Он, вероятно, подтвердит.

Абакумов стал вызывать Климова, а до его прибытия Сбытова задержали. Когда прибыл Климов, Сбытова снова вызвали в кабинет Абакумова.

— Чем вы можете подтвердить, что летчики не ошиблись, сообщив о занятии Юхнова танками противника? — обратился Абакумов к Климову.

— Я такими данными не располагаю, летали летчики округа.

Тогда Сбытов попросил вызвать начальника штаба корпуса полковника Комарова с журналом боевых действий, рассчитывая, что в журнале есть соответствующие записи. Комаров прибыл, но так же, как и Климов, заявил, что работу летчиков корпус не учитывает и в журнал боевых действий не заносит. После тяжелого и мрачного молчания Абакумов повернулся к Сбытову, сказал:

— Идите и доложите Военному совету округа, что вас следует освободить от должности как не соответствующего ей и судить по законам военного времени. Это наше мнение.

Сбытова спасло только то, что танки противника действительно оказались в Юхнове. Эти части от Юхнова не пошли на Москву, а повернули на Вязьму, в тыл армиям Резервного и Западного фронтов, отрезая им путь отхода к Можайскому оборонительному рубежу, а для развития наступления в сторону Москвы с этого рубежа вводились резервы противника, подход которых также был замечен нашей воздушной разведкой.

После разговора со Сталиным Жуков в своем ленинградском кабинете всю ночь отдавал необходимые распоряжения заместителям, начальнику штаба. Временное командование Ленинградским фронтом было передано им генералу И. И. Федюнинскому.

По прибытии в Москву Жукова встретил начальник охраны Сталина генерал Власик. Он сообщил, что Верховный болен и работает на квартире, куда просил немедленно приехать.

Когда Жуков вошел в комнату, там был Берия. Сталин, заканчивая с ним разговор, произнес:

— Ты поищи через свою агентуру подходы и прозондируй — на критический случай — возможности и условия заключения мира...

Берия ушел. Георгий Константинович сначала не придал значения концу фразы, которую он услышал. Лишь много позднее понял, как он сам говорил, что речь шла о возможности заключения мира с гитлеровцами[1]. Поражения, понесенные в первые месяцы

[1] См: Литературная газета. 1989. 22 марта.

войны, падение Киева, окружение пяти наших армий под Вязьмой, выход немцев на подступы к Москве явно сломили стального Сталина, он был в полной растерянности и был готов заключить мир, о кабальных условиях которого можно без труда догадаться...

...Жукова Сталин встретил сухо, в ответ на приветствие только кивнул головой. В нервном, гневном настроении он подошел к карте и, указав на район Вязьмы, сказал следующее — далее я цитирую воспоминания Жукова, восстанавливая в скобках текст, выброшенный при редактировании из его рукописи:

— Вот смотрите. (Плоды командования Западного фронта.— В этих словах слышалась горечь переживаний, и я слышал нотку упрека за свою рекомендацию о назначении Конева командующим фронтом.) Здесь сложилась очень тяжелая обстановка. Я не могу добиться от Западного и Резервного фронтов исчерпывающего доклада об истинном положении дел. А не зная, где и в какой группировке наступает противник и в каком состоянии находятся наши войска, мы не можем принять никаких решений. Поезжайте сейчас же в штаб Западного фронта, тщательно разберитесь в положении дел и позвоните мне оттуда в любое время. Я буду ждать.

Перед уходом Сталин спросил Жукова:

— Как вы считаете, могут ли немцы в ближайшее время повторить наступление на Ленинград?

Думаю, что нет. Противник понес большие потери и перебросил танковые и моторизованные войска из-под Ленинграда куда-то на центральное направление. Он не в состоянии оставшимися силами провести новую наступательную операцию.

— А где, по вашему мнению, будут применены танковые и моторизованные части, которые перебросил Гитлер из-под Ленинграда?

— Очевидно, на московском направлении. Но, разумеется, после пополнения и проведения ремонта материальной части.

Посмотрев на карту Западного фронта, Сталин сказал:

— Кажется, они уже действуют на этом направлении.

Простившись с Верховным, Жуков отправился к начальнику Генерального штаба Шапошникову, подробно изложил ему обстановку, сложившуюся на 6 октября в районе Ленинграда.

— Только что звонил Верховный,— сказал Шапошников,— приказал подготовить для вас карту Западного направления. Карта сейчас будет. Командование Западного фронта находится там же, где был штаб Резервного фронта в августе, во время Ельнинской операции.

Борис Михайлович познакомил Жукова в деталях с обстановкой на московском направлении и вручил ему распоряжение Ставки:

«Командующему Резервным фронтом.

Командующему Западным фронтом.

Распоряжением Ставки Верховного Главнокомандования в район действий Резервного фронта командирован генерал армии тов. Жуков в качестве представителя Ставки.

Ставка предлагает ознакомить тов. Жукова с обстановкой. Все решения тов. Жукова в дальнейшем, связанные с использованием войск фронтов и по вопросам управления, обязательны для выполнения.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования начальник Генерального штаба Шапошников. 6 октября 1941 г. 19 ч. 30 м.».

От Шапошникова Жуков немедленно поехал в штаб Западного фронта. Он так спешил, что не заехал домой. Ехали на двух машинах, в одной — охрана, в другой — Жуков на переднем сиденье, а на заднем — полковник Кузнецов и начальник охраны Бедов. По рассказу последнего я и воспроизвожу некоторые события этой ночи.

Направились в Можайск. На выезде из Москвы, в районе Поклонной горы, патруль приказал выключить фары. Дорогой Жуков изучал обстановку, посвечивая фонариком на карту, полученную у Шапошникова.

Около полуночи приехали в Можайск, здесь Жуков заслушал полковника С. И. Богданова — коменданта укрепрайона и отдал ему распоряжения по подготовке обороны под Можайском.

Около 3 часов ночи выехали в штаб Западного фронта. Где он находился, точно не знали. При переезде Нары вброд машина застряла, пришлось ее вытаскивать тягачом. И вообще, дороги были очень плохие, «бьюик» часто застревал в колдобинах. Жуков нервничал, уходил вперед, пока вытаскивали машину.

Нашли штаб Западного фронта поздно ночью. Несмотря на поздний час, командование фронта заседало. В комнате, куда провели Жукова, были: командующий фронтом генерал-полковник И. С. Конев, начальник штаба фронта генерал В. Д. Соколовский, член Военного совета Н. А. Булганин и начальник оперативного отдела генерал-лейтенант Г. К. Маландин. Вид у них был не только усталый, но, как сказано в рукописи Жукова, какой-то «потрясенный».

Булганин сказал Жукову:

— Я только что говорил со Сталиным, но ничего не мог доложить, так как мы сами еще не знаем, что происходит с войсками фронта, окруженными западнее и северо-западнее Вязьмы.

Жукову стала понятна их «потрясенность» она происходила не только от катастрофического положения войск, но и от разноса Сталина. И дальше Жуков пишет: «В эту минуту никого из них не хотелось расспрашивать о том, что произошло на фронте».

Добавим от себя: Жуков понимал, что в таком состоянии они едва ли способны толково обрисовать обстановку. Он попросил доложить о положении войск начальника оперативного отдела генерал-лейтенанта Маландина и начальника разведотдела полковника Корнеева.

Обстановка была катастрофическая.

Огромное количество войск, которые могли бы наносить мощные удары по врагу, оказалось в окружении под Вязьмой. Это, несомненно, стало результа-

том ошибок, допущенных и Ставкой, и командованием фронтов, прикрывавших столицу.

Немецкой группе армий «Центр» противостояли на подступах к Москве три фронта: Западный (командующий генерал И. С. Конев), Резервный (командующий маршал С. М. Буденный) и Брянский (командующий генерал А. И. Еременко).

Жуков в своей книге (и в рукописи) подробно анализирует и эти ошибки, и действия войск (я в дальнейшем буду приводить краткие выдержки из этих двух источников).

«Войска всех этих трех фронтов около полутора месяцев стояли в обороне и имели достаточно времени на подготовку и развитие обороны в инженерном отношении, на отработку всей системы огня и увязку тактического и оперативного взаимодействия».

Скучная вещь цифры, в литературе принято избегать их, но в то же время цифры — убедительный и бесстрастный аргумент, они без эмоций, спокойно показывают, когда и сколько было сил у воюющих сторон. При сопоставлении этих цифр наглядно видно, каких сил было больше.

У кого хватит терпения, вникните в цифры, показывающие, как выглядели две огромные противостоявшие армии перед началом битвы за Москву. Кому это неинтересно, перелистните страницу.

Итак, у гитлеровцев три полевые армии, три танковые группы, 16 армейских корпусов, 8 моторизованных корпусов. Всего в этих объединениях было 76 дивизий, из них 50 пехотных, 14 танковых, 8 моторизованных, 3 охранные, 1 кавалерийская. И еще три отдельные бригады — две моторизованные и одна кавалерийская. Все дивизии полнокровные: пехотные — 15 200 человек, танковые — 14 400 человек, моторизованные — 12 600 человек. Всего в группе армий «Центр» было около 2 миллионов человек, что превосходило наполеоновскую армию, вступившую в Россию (600 тысяч человек), в три с лишним раза. И это только на одном направлении, а фронт был от Северного до Черного моря.

Наши три фронта под Москвой имели 15 армий: Западный — 6, Резервный — 6, Брянский — 3. Всего дивизий — 83, из них танковых — 1, мотострелковых 2, кавалерийских — 9, танковых бригад — 13. Наши дивизии имели среднюю численность между 10 000 и 6500 человек. Очень мало артиллерии и танков.

Таким образом, по количеству соединений наша сторона вроде бы имела преимущество над противником. Но когда раскрывается истинное содержание этих цифр, их наполненность реальными силами, то получается, что преимущество явно у гитлеровцев.

Надо еще учесть, что дело не всегда решают силы, большое значение имеет умение их применить, то самое военное искусство, которым владеют или не владеют военачальники, возглавляющие войска.

На первом этапе, при подготовке битвы за Москву, надо признать, военное мастерство было на стороне гитлеровцев. Они не только сумели за короткий срок восстановить боеспособность ослабевших в предыдущих боях дивизий, но еще мастерски провели перегруппировку (которую мы не заметили!) и создали на главных направлениях такие мощные ударные кулаки, что удержать их наши малочисленные на этих участках подразделения не могли. Именно подразделения — батальоны, роты, а не дивизии.

Почему так получилось? Да очень просто. Немцы стремились к концентрированному сосредоточению сил и достигли этого, а наши командиры выстраивали фронт с почти равномерным распределением количества километров на дивизию. Например, в 30-й армии на дивизию приходилось 17,5 километра фронта, в 19-й армии — 8 километров на дивизию. И вот в стык между этими армиями гитлеровцы бросили 12 дивизий! Только в стык! Значит, превосходство сил противника здесь было подавляющее. Если в 30-й армии дивизия удерживала 17 км, то на полк приходилось 8—9 км (два полка в первом эшелоне), а на батальон — до 4 км (два батальона полка в первом эшелоне). А у немцев на эти 4 километра были 1—2 дивизии! Несколько полков на роту! Кто же удержит такую силищу? Солдаты голыми руками? Винтовками и пулеметами? На них прут сотни танков, а у нас на Западном фронте тактическая плотность на 1 километр: танков — 1,5 шт., противотанковых орудий — 1,5 шт., орудий 76-мм калибра — 4,5 шт. Вот и все. Вот и попробуй удержать такую армаду врага. Не на главном направлении, там, где у немцев сил было поменьше, наши 16, 19, 20, 24 и 32-я армии сдержали напор, но гитлеровцы на это и рассчитывали: пробив на флангах (на главных направлениях) наш фронт, ударные группировки обошли и окружили эти пять армий, создав Вяземский котел!

Напомню уже приводившееся ранее высказывание Жукова:

— Для нас оказалась неожиданной ударная мощь немецкой армии. Неожиданностью было и шести — восьмикратное превосходство в силах на решающих направлениях. Это и есть то главное, что предопределило наши потери первого периода войны.

Добавлю от себя: даже отступив до Москвы, наши полководцы еще не понимали этой тактики врага, а если и понимали, то не умели ей противостоять. Начало операции «Тайфун», окружение сразу пяти армий, убедительно подтверждает это.

Соотношение сил сторон все же создавало нашим обороняющимся войскам возможность вести успешную борьбу с наступающим врагом и, уж во всяком случае, возможность не дать себя разгромить и окружить свои основные группировки. Но для этого нужны были правильная оценка сложившейся обстановки, правильное определение, в каком направлении подготовляется удар врага, и своевременное сосредоточение своих главных сил и средств на тех участках и направлениях, где ожидается главный удар противника. Этого не сделали, и линейная оборона наших войск не выдержала удара. В результате, как уже говорилось, пять наших армий Западного фронта и оперативная группа Болдина оказались в окружении. На Брянском фронте немцы окружили еще две армии: 3-ю и 13-ю. Часть сил фронтов, избежав окружения и понеся большие потери, отходили туда, куда им позволяла обстановка.

Сплошного фронта обороны на западном направле-

нии фактически уже не было, образовалась большая брешь, которую нечем было закрыть, так как никаких резервов в руках командования Брянского, Западного и Резервного фронтов не было. Нечем было закрыть даже основное направление на Москву. Все пути к ней по существу, были открыты. Никогда с самого начала войны гитлеровцы не были так реально близки к захвату Москвы.

В штабе Западного фронта Жуков спросил у командующего И. С. Конева, что он намерен предпринять в этой тяжелой обстановке.

— Я приказал командующему 16-й армией Рокоссовскому отвести армию через Вязьму, сосредоточившись в лесах восточнее Вязьмы, но части армии были отрезаны противником и остались в окружении. Сам Рокоссовский со штабом армии успели проскочить и сейчас находятся в лесу восточнее Вязьмы. Связи с Лукиным — командармом 19-й, Ершаковым — командармом 20-й — у нас нет. Я не знаю, в каком они положении. С группой Болдина связь также потеряна. Нет у нас связи и с соседними фронтами. В 22, 29 и 30-ю армии правого крыла фронта, которые меньше пострадали, послан приказ отходить на линию Ржев — Сычевка. Закрыть центральное направление на Москву фронт сил не имеет.

Было 2 часа 30 минут ночи 8 октября, Жуков позвонил Сталину. Доложив обстановку на Западном фронте, сказав об окружении армий, Жуков произнес:

— Главная опасность сейчас заключается в слабом прикрытии на Можайской линии обороны. Бронетанковые войска противника могут поэтому внезапно появиться под Москвой. Надо быстрее стягивать войска откуда только можно на Можайскую линию.

Сталин спросил:

— Что вы намерены делать?

— Выезжаю сейчас же к Буденному.

— А вы знаете, где штаб Резервного фронта?

— Буду искать где-то в районе Малоярославца.

— Хорошо, поезжайте к Буденному и оттуда сразу же позвоните мне.

Моросил мелкий дождь, густой туман стлался по земле, видимость была плохая. Утром 8 октября, подъезжая к полустанку Оболенское, увидели двух связистов, тянувших кабель в Малоярославец со стороны моста через реку Протву.

Жуков спросил:

— Куда тянете, товарищи, связь?

— Куда приказано, туда и тянем,— не обращая на спросившего внимания, ответил рослый солдат.

Жуков назвал себя и сказал, что ищет штаб Резервного фронта.

Подтянувшись, тот же солдат ответил:

— Извините, товарищ генерал армии, мы вас в лицо не знаем, потому так и ответили. Штаб фронта вы уже проехали. Он был переведен сюда два часа назад и размещен в домиках в лесу, вон там, на горе. Там охрана вам покажет, куда ехать.

Машины повернули обратно. Вскоре Жуков был в комнате представителя Ставки армейского комиссара 1 ранга Л. З. Мехлиса, где находился также начальник штаба фронта генерал-майор А. Ф. Анисов. Мехлис говорил по телефону и кого-то здорово распекал. На вопрос, где командующий, начальник штаба ответил:

— Неизвестно. Днем он был в 43-й армии. Боюсь, как бы чего-нибудь не случилось с Семеном Михайловичем.

— А вы приняли меры к его розыску?

— Да, послали офицеров связи, они еще не вернулись.

Закончив разговор по телефону, Мехлис, обращаясь к Жукову, спросил:

— А вы с какими задачами прибыли к нам?

Здесь я прерву пересказ из книги Жукова и сообщу читателям весьма любопытный комментарий Бедова, который присутствовал при этом разговоре:

— Мехлис, как это было в его характере, задал свой вопрос бесцеремонно и грубо. Жуков и раньше его недолюбливал. Больших усилий стоило Георгию Константиновичу, человеку вспыльчивому, сдержать себя и не ответить Мехлису в том же тоне. Жуков поступил мудро, нельзя было в такой сложной обстановке обострять еще и личные отношения. Поэтому Георгий Константинович не стал разговаривать с Мехлисом, подчеркнув тем самым свое к нему отношение, он просто достал предписание Ставки и молча протянул его. Мехлис прочитал и в прежнем вызывающем тоне огрызнулся:

— Так бы и сказали!..

Из разговоров с Мехлисом и Анисовым Жуков узнал очень мало конкретного о положении войск Резервного фронта и о противнике. Сел в машину и поехал в сторону Юхнова, надеясь на месте, в войсках, скорее выяснить обстановку.

И далее Жуков вспоминает: «Всю местность в этом районе я знал прекрасно, так как в юные годы исходил ее вдоль и поперек. В десяти километрах от Обнинского, где остановился штаб Резервного фронта,— моя родная деревня Стрелковка. Сейчас там остались мать, сестра и ее четверо детей. Как они? Что если заехать? Нет, невозможно, время не позволяет! Но что будет с ними, если туда придут фашисты? Как они поступят с моими близкими, если узнают, что они родные генерала Красной Армии? Наверняка расстреляют! При первой же возможности надо вывезти их в Москву.

Через две недели деревня Стрелковка, как и весь Угодско-Заводский район, была занята немецкими войсками. К счастью, я успел вывезти мать и сестру с детьми в Москву».

Но тогда времени для личных дел не было, и Жуков не заехал в родную деревню.

Проехав до центра Малоярославца, он не встретил ни одной живой души. Город казался покинутым. Около здания райисполкома увидел две легковые машины. Как выяснилось, это были машины Буденного.

Войдя в исполком, Жуков увидел маршала, тот удивился:

— Ты откуда?

— От Конева.

Далее цитирую по рукописи Жукова, так как в ней были важные, на мой взгляд, детали, которые в книге не остались.

«— Ну как у него дела? Я более двух суток не имею

с ним никакой связи. Вот и сам сижу здесь и не знаю, где мой штаб.

Я поспешил порадовать Семена Михайловича:

— Не волнуйся, твой штаб на сто пятом километре от Москвы, в лесу налево, за железнодорожным мостом через реку Протва. Там тебя ждут. Я только что разговаривал с Мехлисом и Богдановым. У Конева дела очень плохи. У него большая часть Западного фронта попала в окружение, и хуже всего то, что пути на Москву стали для противника почти ничем не прикрыты.

— У нас не лучше,— сказал Буденный,— 24-я и 32-я армии разбиты, и фронта обороны не существует. Вчера я сам чуть не угодил в лапы противника между Юхновом и Вязьмой. В сторону Вязьмы вчера шли большие танковые и моторизованные колонны, видимо с целью обхода с востока.

— В чьих руках Юхнов? — спросил я Семена Михайловича.

— Сейчас не знаю,— ответил С. М. Буденный.— Вчера там было до двух пехотных полков народных ополченцев 33-й армии, но без артиллерии. Думаю, что Юхнов в руках противника.

— Кто же прикрывает дорогу от Юхнова на Малоярославец?

— Когда я ехал сюда,— сказал Семен Михайлович,— кроме трех милиционеров, в Медыни никого не встретил. Местные власти из Медыни ушли.

— Поезжай в штаб фронта,— сказал я Семену Михайловичу.— Разберись с обстановкой и доложи в Ставку о положении дел на фронте, а я поеду в район Юхнова. Доложи Сталину о нашей встрече и скажи, что я поехал в район Юхнова, а затем в Калугу. Надо выяснить, что там происходит».

Жуков не доехал до Юхнова километров 10—12, здесь его остановили наши воины, они сообщили, что в Юхнове гитлеровцы и что в районе Калуги идут бои.

Георгий Константинович направился в сторону Калуги. Тут ему сообщили, что Верховный приказал ему к исходу 10 октября быть в штабе Западного фронта. А было на исходе 8 октября. Вспомните, сколько уже успел объехать и сделать Жуков за двое бессонных суток!

Скажем прямо, разве это дело — представителю Ставки мотаться по бездорожью, подвергаясь опасности, ради того чтобы выяснить положение своих войск? Все это могли бы проделать офицеры Генштаба, а еще лучше и быстрее — офицеры штабов фронтов. Но тут, видимо, сказались не только плохая организация командования по сбору информации, но и характер, и стиль работы самого Жукова. Он всегда хотел все увидеть своими глазами, самому соприкоснуться и с противником, и со своими войсками.

Жуков еще раз заехал в штаб Резервного фронта. Здесь ему сказали, что поступил приказ о назначении его командующим Резервным фронтом. Однако он уже имел приказ Верховного о прибытии к исходу 10 октября в штаб Западного фронта. Жуков позвонил Шапошникову и спросил: какой же приказ выполнять?

Шапошников пояснил:

— Ваша кандидатура рассматривается на должность командующего Западным фронтом. До 10 октября разберитесь с обстановкой на Резервном фронте и сделайте все возможное, чтобы противник не прорвался через Можайско-Малоярославецкий рубеж, а также в районе Алексина на серпуховском направлении.

Вот такой авторитет, такая вера в организаторские способности Жукова у Сталина и Ставки были уже тогда: за два неполных дня ему поручалось организовать крупнейшие мероприятия фронтового масштаба!

Утром 10 октября Жуков прибыл в штаб Западного фронта, который теперь располагался в Красновидове — в нескольких километрах северо-западнее Можайска.

Дальше я опять привожу текст из рукописи. Здесь рассказывается об очень важных, на мой взгляд, событиях, показывающих, в каких условиях работали командующие, как сковывала их инициативу постоянно нависавшая над ними опасность расправы, сохранившаяся и в годы войны.

«В штабе работала комиссия Государственного Комитета Обороны в составе Молотова, Ворошилова, Василевского, разбираясь в причинах катастрофы войск Западного фронта. Я не знаю, что докладывала комиссия Государственному Комитету Обороны, но из разговоров с ее членами и по своему личному анализу, основными причинами катастрофы основных группировок Западного и Резервного фронтов были... (далее Жуков излагает эти причины, я их приводил выше, поэтому не повторяю.— **В. К.**)

Во время работы комиссии вошел Булганин и сказал, обращаясь ко мне:

— Только что звонил Сталин и приказал, как только прибудешь в штаб, чтобы немедля ему позвонил.

Я позвонил. К телефону подошел Сталин.

Сталин: Мы решили освободить Конева с поста командующего фронтом. Это по его вине произошли такие события на Западном фронте. Командующим фронтом решили назначить вас. Вы не будете возражать?

— Нет, товарищ Сталин, какие же могут быть возражения, когда Москва в такой смертельной опасности.

Сталин: А что будем делать с Коневым?

— Оставьте его на Западном фронте моим заместителем. Я поручу ему руководство группой войск на калининском направлении. Это направление слишком удалено, и необходимо иметь там вспомогательное управление,— доложил я Верховному.

Сталин подозрительно спросил:

— Почему защищаете Конева? Он ваш дружок?

— Мы с ним никогда не были друзьями, знаю его по службе в Белорусском округе.

Сталин: Хорошо. В ваше распоряжение поступают оставшиеся части Резервного фронта, части, находящиеся на Можайской оборонительной линии и резервы Ставки, которые находятся в движении к Можайской линии. Берите быстрее все в свои руки и действуйте.

— Принимаюсь за выполнение указаний, но прошу срочно подтягивать более крупные резервы, так как надо ожидать в ближайшее время наращивания удара гитлеровцев на Москву.

Войдя в комнату, где работала комиссия, я передал ей свой разговор со Сталиным.

Разговор, который был до моего прихода, возобновился. Конев обвинял Рокоссовского в том, что он не отвел 16-ю армию, как было приказано, в лес восточнее Вязьмы, а отвел только штаб армии.

Рокоссовский сказал:

— Товарищ командующий, от вас такого приказания не было. Было приказание отвести штаб армии в лес восточнее Вязьмы, что и выполнено.

Лобачев: Я целиком подтверждаю разговор командующего фронтом с Рокоссовским. Я сидел в это время около него.

С историей этого вопроса, сказал я, можно будет разобраться позже, а сейчас, если комиссия не возражает, прошу прекратить работу, так как нам нужно проводить срочные меры. Первое: отвести штаб фронта в Алабино. Второе: товарищу Коневу взять с собой необходимые средства управления и выехать для координации действий группы войск на калининское направление. Третье: Военный совет фронта через час выезжает в Можайск к командующему Можайской обороной Богданову, чтобы на месте разобраться с обстановкой на можайском направлении.

Комиссия согласилась с моей просьбой и уехала в Москву».

Против этой цитаты на полях рукописи написано редакторское замечание: «Надо ли это все ворошить?» Мне же кажется, что о таком поведении Жукова нам знать необходимо. Не нужно быть очень проницательным человеком, чтобы понять: описанное выше очень похоже на случившееся не так давно на Западном направлении, когда в результате разбирательства менее представительной комиссии во главе с Мехлисом были расстреляны командующий фронтом генерал армии Павлов, начальник штаба фронта генерал-лейтенант Климовских и другие генералы и офицеры. Здесь Жуков, по сути дела, спас Конева и других. Сталин по отношению к Коневу за катастрофу на Западном фронте был настроен однозначно отрицательно. Не сносить бы ему головы! Жуков это понял и, используя напряженность обстановки, умело и тонко вывел Конева из-под удара, попросив его к себе в заместители. (Знал бы Георгий Константинович, что много лет спустя Конев отплатит ему за это спасение, как говорится, черной неблагодарностью! Но об этом рассказ впереди.)

В одной из бесед с Константином Симоновым Жуков, вспоминая этот эпизод: сказал:

— Думаю, что это решение, принятое Сталиным до выводов комиссии, сыграло большую роль в судьбе Конева, потому что комиссия, которая выехала к нему на фронт во главе с Молотовым, наверняка предложила бы другое решение. Я, хорошо зная Молотова, не сомневался в этом...

Через два дня после того, как я начал командовать фронтом. Молотов позвонил мне. В разговоре с ним шла речь об одном из направлений, на котором немцы продолжали продвигаться, а наши части продолжали отступать. Молотов говорил со мной в повышенном тоне. Видимо, он имел прямые сведения о продвижении немецких танков на этом участке, а я к тому времени не был до конца в курсе дела. Словом, он сказал нечто вроде того, что или я остановлю это угрожающее Москве наступление, или буду расстрелян. Я ответил ему на это:

— Не пугайте меня, я не боюсь ваших угроз. Еще нет двух суток, как я вступил в командование фронтом, я еще не полностью разобрался в обстановке, не до конца знаю, где что делается. Разбираюсь в этом, принимаю войска.

В ответ он снова повысил голос и стал говорить в том духе, что, мол, как же это так, не суметь разобраться за двое суток. Я ответил, что, если он способен быстрее меня разобраться в положении, пусть приезжает и вступает в командование фронтом. Он бросил трубку, а я стал заниматься своими делами.

Читая воспоминания Жукова о его приезде на Западный фронт, о том, как он искал штабы фронтов, не создается ли у вас впечатление о каком-то вакууме, о какой-то пустоте? Жуков ездит, преодолевая большие пространства, и не встречает наших войск. Почему же немцы не продвигаются к Москве и не овладевают ею? Очевидно, такое впечатление возникает из-за того, что Жуков ездил по тылам, в районе штабов фронтов, где войск, собственно, и не должно быть, за исключением резервов, которых к тому времени в распоряжении командования ни Западного, ни Резервного фронтов уже не было.

Ну а на передовой, там, где непосредственно соприкасались наступающие и отступающие части, там бои продолжались. И если мы мало знаем об этих боях и о тех мужественных людях, которые сдерживали там врага, то это из-за того, что было потеряно управление войсками — от дивизионных штабов до Верховного Главнокомандующего. Напомню слова Сталина, сказанные Жукову: он не может выяснить, что происходит на линии фронта, кто остался в окружении, кто оказывает сопротивление. Штабы фронтов тоже, как видим, не знали обстановки и положения частей. Вот в такие трудные минуты как раз и совершают свои подвиги герои, которые чаще всего остаются неизвестными.

Там, на передовой и в окружении, из последних сил выбивались роты и батальоны, остатки полков и дивизий, делая все, чтобы сдержать наступление врага. О них не писали в эти дни в газетах, не оформляли наградные документы на отличившихся, потому что всем было не до того. Надо было остановить могучий вал войск противника, который, превосходя во много раз силы обороняющихся, продвигался вперед. Потом политработники и журналисты найдут героев этих боев, но, увы, только тех, кто остался в живых, кто может рассказать о том, что делал сам или видел, как мужественно сражались другие. Ну а те, кто погиб в бою и совершил, может быть, самые главные подвиги? О них так никто и не узнает. Да и не принято в дни неудач, после

отступлений, после того как оставлены города, села, говорить о геройских делах. Какое геройство, если драпали на десятки и сотни километров? Какие наградные реляции, когда столько погибло людей и потеряно техники?

Но все же в те часы и дни, когда Георгий Константинович искал в тылу командование фронтов, воины в передовых частях сражались и сдерживали противника. И это были герои! Жуков в своей книге пишет: «Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии. Пролитая кровь и жертвы, понесенные войсками окруженной группировки, оказались не напрасными. Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в общее дело защиты Москвы, еще ждет должной оценки».

Собственно, такую оценку дает сам Жуков вышеприведенными словами, но все же некоторые эпизоды из боевых действий в районе окружения мне хочется привести из тех политдонесений трудных и славных месяцев героической обороны Москвы, которые я просмотрел в архивах. Вот некоторые выписки из них.

Из донесения от 5 октября 1941 года зам. нач. политуправления Западного фронта бригадного комиссара Ганенко, которое он направил в три адреса: армейскому комиссару 1 ранга Мехлису, командующему войсками Западного фронта генерал-полковнику Коневу, члену Военного совета Западного фронта Булганину:

«Под натиском превосходящих сил противника, поддержанного танками и большим количеством самолетов, части 19-й армии отошли. Отход на новый рубеж 244-я и 91-я СД [стрелковые дивизии] провели организованно. На всех участках этих дивизий фашисты шли в наступление пьяными. Наступление противника сдерживалось нашими частями. Части 89-й СД и 127-й ТБР [танковой бригады] ведут наступление. Перед фронтом этих дивизий противник несет большие потери.

Личный состав частей 19-й армии дерется мужественно, некоторые части были отрезаны, попали в окружение, но не было паники и замешательства... Храбро сражались пулеметчики 561-го и 913-го СП (244-й СД). Они прикрывали отход стрелковых подразделений и сдерживали наступление противника, пока все части дивизии не заняли новый рубеж...

Вместе с этим из-за неорганизованности и невыполнения приказа в частях армии имелись напрасные жертвы; это дало возможность противнику прорваться на стыке 19-й и 30-й армий.

Производя отход, части 91-й и 89-й СД не предупредили об этом командование артиллерийских подразделений и частей, которые, оставшись без прикрытия пехоты, понесли большие потери. Командир 45-й КД [кавалерийской дивизии] генерал-майор Дреер не выполнил приказания командующего 19-й армией, оставил занимаемые позиции, оголил стык между частями 19-й и 30-й армий, и на этом участке просочилась мотопехота и танки противника, которые вышли в район 15 км сев. Бадино. Поставлен вопрос о снятии Дреера с должности и предании его суду военного трибунала...»

Я не знаю судьбы генерала Дреера, но абсолютно убежден в его невиновности, потому что в стык между 19-й и 30-й армиями, как уже говорилось, наносили удар двенадцать (!) дивизий противника, и 45-я дивизия просто не могла сдержать эти силы.

На другом участке происходило следующее:

«Главный удар был нанесен частям 162-й и 243-й СД. Только на участке 162-й СД действовало около двухсот танков и сто самолетов противника. 162-я дивизия оказывала упорное сопротивление, личный состав дрался геройски. Командир дивизии полковник Хользинев погиб. Противник, по численности и технике превосходящий силы 162-й СД, сумел прорвать фронт. Личный состав дивизии попал в очень тяжелое положение и был рассеян. Прорвав фронт 162-й СД, противник обрушился на 1-й батальон 897-го СП [стрелкового полка] 242-й СД, на участке которого наступало еще свыше 70 танков и полк пехоты. 1-й батальон дрался героически, он в полном составе погиб, но занимаемые рубежи не оставил. Героически погибло боевое охранение 897-го СП, которое дралось до последнего бойца. В последнюю минуту начальник радиостанции этого боевого охранения младший командир тов. Морозов донес: «Взрываю радиостанцию».

Но было в эти трудные дни и такое:

«Командир 244-й СД генерал-майор Щербачев в течение последних двух дней все время пьянствовал, боевыми действиями не руководит, мешает в работе начальнику штаба и комиссару дивизии. В результате дивизия попала в тяжелое положение, два полка попали в окружение. Никто выходом частей из окружения не руководит. Щербачев по вызову командующего 19-й армией прибыл пьяным. Военным советом 19-й армии Щербачев отстранен от должности и направлен в распоряжение командующего фронтом...»

В донесении отмечается, что даже недавнее пополнение, еще не обстрелянное, держалось в бою мужественно:

«В частях 107-й МСД [мотострелковой дивизии] и 250-й СД не было паники и бегства с поля боя, несмотря на то что в большинстве своем дивизии состояли из пополнения, прибывшего 30 сентября. 4 октября под давлением большого количества танков и пехоты противника части указанных дивизий с большими потерями отошли (в полках осталось по 100—160 человек)».

Но для того чтобы читатели представляли, как нелегко и непросто было руководить Жукову организацией отпора врагу и какие были реальные обстоятельства, приведу из тех же донесений несколько примеров другого рода. Вот хотя бы о поведении пополнения, которое в одном случае вело себя мужественно, но в другом...

Передо мной результаты расследования факта сдачи в плен почти целого красноармейского батальона 811-го полка 229-й дивизии. В донесении говорится: этот маршевый батальон прибыл в составе 990 человек, в нем было уроженцев Могилевской области 821 человек, Полесской области — 80 человек, западных областей Белоруссии, Украины и Прибалтики — 12 человек, остальные — из внутренних областей СССР Батальон был

весь влит в 229-ю СД, где разделен на две равные части, для 811-го и для 804-го полков. В течение трех дней с пополнением работали командиры и политработники, была организована боевая подготовка, принятие присяги, проведены беседы, в том числе и о законе, карающем за измену Родине. Затем батальон был выведен на передовую, занялся дооборудованием окопов и под вечер был накормлен горячим обедом. Дальше цитирую из донесения: «Примерно в 23.00 немцы интенсивным огнем обстреляли батальон из минометов и пулеметов. За это время командиры и политработники разбежались, и что произошло с людьми, никто из них не видел и не знает. Но все бежавшие командиры и политработники говорят всякие небылицы о каких-то командах, белых флагах, хотя сами, убежав с позиций, конечно, видеть ничего не могли... Всего перешло к немцам 261 человек. Командир дивизии наказан, комиссар дивизии снят, как не справившийся с задачей конкретного политического руководства».

В донесении рассказывается о славных делах, которые вершили в те дни наши летчики: «Частями ВВС фронта с 2 по 8 октября в воздушных боях сбито 96 самолетов противника и штурмовыми налетами уничтожено: 205 танков, 605 автомашин, 14 батарей, 54 зенитных орудия и 101 огневая точка. Кроме того, расстреляно большое количество вражеской пехоты». К сожалению, в этом же донесении говорится и о несовершенстве работ на Можайской линии обороны, той самой, на которую так много надежд возлагал Жуков и куда сосредоточивал имеющиеся у него силы. «Нашим работником установлено, что 22-й ВПС МВО [Московского военного округа] намеченное строительство УР Волоколамск — Можайск не обеспечил. Окончание строительства было намечено на 12 октября, но к этому времени оно не закончено...» Далее перечисляются участки, на которых должны были быть отрыты противотанковые рвы, но они только начаты или отрыты очень небольшой протяженностью. Не хватает рабочих: «Население, прилегающее к линии обороны, в большинстве эвакуировано вместе с имеющимся транспортом. Большинство рабочих строительных батальонов не подготовлены к работе в условиях заморозков. Они в большинстве своем не имеют теплой одежды и обуви. По пяти вышеуказанным секторам недостает 800 пар обуви и совершенно нет теплой одежды. Среди рабочих батальонов, направленных московскими организациями (Бауманский РК ВКП(б)), наблюдается огромная текучесть: стремление скорей уехать в Москву. Направленные в распоряжение УР рабочие строительные батальоны НКВД до сего времени не прибыли, и когда прибудут — неизвестно. Командование и инженерно-технический персонал этих строительных батальонов в количестве 200 человек прибыли в УР на машинах, бросив свои батальоны и четыре дня сидят без дела».

Бои не затихали ни на секунду, они велись днем и ночью, но это если рассматривать ситуацию в тактическом отношении. Что же касается оперативного масштаба, то здесь случилась пауза. Дело в том, что, окружив столько наших армий, гитлеровцы должны были их удержать в этом кольце и уничтожить. На это им требовалось больше 28 дивизий. А это значит, что из ударных группировок, из тех могучих таранов, которые были направлены севернее и южнее Москвы для ее охвата, эти двадцать восемь дивизий были вынуты и остались в тылу.

Как же немецкое командование пыталось выйти из тех трудностей, с которыми оно встретилось, несмотря на победное начало наступления? Давайте опять заглянем в дневник Гальдера. Вот что он пишет 5 октября, в день, когда Сталин, почувствовав, что катастрофа произошла, звонил Жукову в Ленинград и просил его немедленно приехать:

«Сражения на фронте группы армий «Центр» принимают все более классический характер (Канны всегда были образцом для всех немецких генералов, и вот в этой операции они, как это было уже не раз в приграничных сражениях, вновь стремились к достижению этого классического образца.— **В. К.**). Танковая группа Гудериана вышла на шоссе Орел — Брянск. Части противника, контратаковавшие левый фланг танковой группы Гудериана, отброшены и будут в дальнейшем окружены. 2-я армия быстро продвигается своим северным флангом, почти не встречая сопротивления противника. Танковая группа Гёпнера, обходя с востока и запада большой болотистый район, наступает в направлении Вязьмы. Перед войсками правого фланга танковой группы Гёпнера, за которым следует 57-й моторизованный корпус из резерва, до сих пор не участвовавший в боях, противника больше нет».

Запись 6 октября: «В целом можно сказать, что операция, которую ведет группа армий «Центр», приближается к своему апогею — полному завершению окружения противника».

Запись 7 октября, в тот день, когда Жуков уже ездил по тылам Западного фронта: «Сегодня танковая группа Гёпнера соединилась с танковой группой Гота в районе Вязьмы. Это крупный успех, достигнутый в ходе 5-дневных боев. Теперь необходимо как можно скорее высвободить танковую группу Гёпнера для нанесения удара по юго-восточному участку московского оборонительного фронта, быстро перебросив к Вязьме пехотные соединения 4-й армии».

Вот в этой записи и видна причина паузы, возникшей в наступлении противника: танковые соединения только-только сомкнулись, но полевые армии еще не подошли, поэтому действительно наступление должно было приостановиться.

Запись 8 октября: «Окружение группировки противника в районе Вязьмы завершено и обеспечено от возможных ударов противника извне с целью деблокирования окруженных соединений».

9 октября Гальдер, несмотря на сухость и точность его военного языка, все же с явным восторгом записывает: «Бои против окруженной группировки противника в районе Вязьмы носят прямо-таки классический характер. Вне котла 4-я армия наступает правым флангом на Калугу, а 9-я сосредоточивает силы на северном фланге для удара по району Ржева».

Это, как видим, уже вытягиваются щупальца, а точ-

нее, клинья в сторону Москвы для охвата ее с севера и с юга.

Такова была обстановка, в которой Жуков 10 октября 1941 года в 17 часов получил тот самый приказ Ставки, согласно которому Западный и Резервный фронты объединялись в Западный фронт, командовать которым поручалось ему.

Из этого приказа, из того, что Жукову отдаются все силы фронтов, которые еще остались под Москвой, и выполняется его пожелание насчет назначения Конева его заместителем, отчетливо видно, что Сталин как бы говорит: делай все, что хочешь, но только не допусти гитлеровцев в Москву.

Но что можно было сделать в такой тяжелейшей обстановке? Большинство сил оказалось в окружении. Тех частей, которые отходят перед наступающим противником, безусловно, недостаточно для того, чтобы остановить его продвижение. Резервов нет — Ставка не располагает готовыми частями, а с Дальнего Востока и из других районов прибытие войск задерживается. Если Сталин, отправляя Жукова в Ленинград, назвал сложившуюся там ситуацию безнадежной, то, наверное, к тому, что сейчас происходило под Москвой, это слово можно было применить с еще большим основанием.

И вот здесь, под Москвой, мы еще раз убедимся, что для талантливого полководца, каким был Жуков, действительно не существует безвыходных положений. Быстро и реально оценив создавшуюся обстановку и прекрасно зная тактику врага, Жуков приходит к выводу, что противник не может сейчас наступать на ширине всего фронта. У него не хватит для этого сил, много соединений он вынужден использовать для уничтожения наших окруженных армий. Следовательно, и нам нет необходимости создавать сплошной фронт обороны перед Москвой. Зная повадки врага: наступать вдоль дорог и наносить удары танковыми и механизированными клиньями, Жуков принимает решение — в первую очередь организовать прочную оборону на направлениях вдоль дорог, где противник будет пытаться наступать, охватывая Москву, а именно — на Волоколамском, Можайском, Калужском шоссе. Здесь надо сосредоточить все, что окажется сейчас под руками, главным образом артиллерию и противотанковые средства. Сюда нацелить силы имеющейся авиации.

Самым опасным было можайское направление. Там, на подступах к Бородино, к тому самому Бородинскому полю, где в 1812 году наши предки дали генеральное сражение Наполеону, уже находились части противника. На Можайскую линию обороны, как мы знаем, сосредоточивало силы и командование Резервного фронта. Именно сюда, на наиболее угрожающее направление, и выезжает Жуков с членом Военного совета Н. А. Булганиным.

На этом рубеже особенно стойко сражалась стрелковая дивизия под командованием полковника В. И. Полосухина. Жуков убедился, что на Полосухина можно положиться, что он удержит занимаемые позиции, но тем не менее, не теряя времени, искал другие части, чтобы укрепить здесь оборону. На этом направлении войсками 5-й армии и всем, что можно было сюда собрать, командовал генерал-майор Д. Д. Лелюшенко, а после его ранения генерал-майор Л. А. Говоров.

Волоколамское направление он приказал оборонять генерал-лейтенанту К. К. Рокоссовскому, в распоряжении которого было только командование его 16-й армии, войска же этой армии, как помним, остались в окружении. Жуков подчинил Рокоссовскому все, что можно, из отходящих частей, он знал Рокоссовского как умелого и волевого генерала и надеялся, что он удержит волоколамское направление.

33-я армия во главе с генерал-лейтенантом М. Г Ефремовым сосредоточилась на наро-фоминском направлении. На малоярославецком направлении получила задачу обороняться 43-я армия генерал-майора К. Г Голубева. Калужское направление перекрыла 49-я армия генерал-лейтенанта И. Г Захаркина. На калининское направление, наиболее удаленное от штаба фронта, где действия противника и обороняющихся носили более самостоятельный характер, Жуков направил своего вновь назначенного заместителя генерала И. С. Конева с оперативной группой.

Поставил боевые задачи Жуков и войскам, находившимся в окружении. Он объединил командование всеми окруженными частями в руках командующего 19-й армией генерала М. Ф. Лукина и поручил ему руководить боями и выводом частей из кольца. По давно установившемуся правилу, известному не только из теории, но и из практики, окруженную группировку противника надо дробить и уничтожать по частям. Гитлеровцы и пытались это сделать в районе Вязьмы. Но, понимая их замысел, генерал Лукин старался не допустить дробления войск и организовал упорное сопротивление внутри кольца. В течение недели окруженные войска активными действиями приковывали к себе значительные силы противника. Затем они предприняли попытку прорыва. Немногие соединились со своими частями, но все-таки часть сил прорвалась.

Для того чтобы реально представить себе, как сражались выходящие из окружения войска, я приведу (сокращенно) подлинный документ итоговое донесение начальника политуправления Западного фронта дивизионного комиссара Лестева, которое он направил 17 ноября армейскому комиссару 1 ранга Мехлису:

«О политико-моральном состоянии войск и характеристика ком. нач. состава, вышедшего из окружения.

По данным отдела укомплектования фронта, вышло из окружения нач. состава 6 308 человек, младшего нач. состава 9994 человека, рядового состава 68 419 человек. Данные далеко не полные, ибо много бойцов, командиров и политработников, вышедших из окружения, сразу же были влиты в свои части, а также часть задержанных бойцов и командиров с оружием заградотрядами формировалось в подразделения и направлялось на передовые позиции на пополнение частей...

В донесении подробно излагаются некоторые примеры боев и организованного выхода из окружения.

«Морально-политический облик бойцов, командиров и политработников, выходящих из окружения организованными боевыми подразделениями и частями, продолжающими жить уставными положениями Красной Армии, оставался высоким. Эти группы, подразделения и

части не избегали встреч с противником, а, наоборот, разыскивали его, смело вступали в бой и громили его.

Волевые командиры и политработники в сложных условиях окружения сумели сохранить целостность своих частей или сформировать новые боевые подразделения из бегущих бойцов и командиров, наладить в них надлежащий воинский порядок, дисциплину и с боями вести эти части и подразделения на соединение с главными силами, нанося противнику огромный урон.

Командир 203-го СП капитан Нагорный и комиссар этого полка тов. Азаренок до конца выхода из окружения сумели сохранить свой полк как боевую единицу, несмотря на то что полк в течение двух недель проходил с боями.

Группа командиров и политработников: Герой Советского Союза батальонный комиссар тов. Осипов, полковник Смирнов, батальонный комиссар Швейнов и другие по заданию Военного совета 30-й армии возглавили группу войск. Из отдельных частей и одиночных бойцов они сколотили боевые воинские подразделения, наладили в них партийно-политическую работу, установили железную воинскую дисциплину, ведя борьбу с малейшими проявлениями трусости и паникерства. Группа полковника Смирнова в течение двух недель дралась с противником, установила связь со штабом 29-й армии и действовала, выполняя его боевые приказы. Группа полковника Смирнова не скрывалась от врага, наоборот, нащупывала наиболее слабые места у противника, делала смелые налеты, разбивала узлы сопротивления, часто обращая противника в бегство. Группа вышла из окружения в составе 1870 человек... Все бойцы и командиры были вооружены и, кроме того, имели 14 станковых пулеметов, 33 ручных пулемета, 6 122-мм минометов, 3 76-мм пушки, 2328 гранат и 160 тысяч винтовочных патронов, 19 автомашин и 36 повозок.

Генерал-майор Орлов координировал действия групп, созданных из отходящих частей 20-й, 24-й и других армий, и с боями вывел из окружения более 5 тысяч вооруженных бойцов и командиров...

Особо следует отметить героизм танкистов 126, 127 и 128-й танковых бригад. Личный состав этих бригад вел бой до последнего снаряда, до последнего патрона, до последнего танка. Они смело вступили в бой с превосходящими силами противника, сгорали вместе с танками, но поля боя не покидали...»

Отнюдь не желая принижать подвига героически сражавшихся людей, но помня о своем обещании приоткрывать там, где это возможно, покров над «неизвестной войной», я приведу из того же донесения и некоторые факты, не украшающие наших бойцов и командиров.

«В ряде случаев командиры и политработники, в том числе штабы армий, дивизий и полков, оказавшись в окружении, растерялись и очень быстро потеряли связь со своими частями, перестали совершенно руководить ими. При прорыве противником левого фланга 20-й армии части 24-й армии стали в беспорядке отходить, открыв тем самым фланг 20-й армии и деморализовав ее части.

Получив приказ об отходе на новый рубеж, штаб 20-й армии и многие штабы частей и соединений потеряли управление своими частями и подразделениями...

То же самое произошло и со штабом 24-й армии, который шел отдельно от своих частей, не пытаясь восстановить связь со своими дивизиями и полками, восстановить порядок и боеспособность частей, не заботясь о судьбе своих людей, боевой техники и материальных ценностей... В результате командирской неорганизованности целые дивизии и полки рассыпались на мелкие разрозненные группы и перестали быть боевыми единицами. Эти разрозненные группы, действуя самостоятельно, не могли прорваться из окружения... Политрук Комиссаров доложил: «В одной из деревень в районе Вязьмы группа безоружных красноармейцев осталась ночевать, зная о том, что противник находится в 3—4 километрах. Некоторые красноармейцы заявляли: «Нам некуда больше идти, нам все равно». Эта группа людей в количестве 800 человек была захвачена в плен без единого выстрела... Много красноармейцев, и в первую очередь уроженцев областей, занятых противником, разбежались по домам и остались на территории, занятой противником».

Причину такого поведения дивизионный комиссар видит не в тех трагических бедах сталинского периода нашей истории, о которых мы сегодня говорим и пишем открыто, а совсем в ином. Нельзя, конечно, с позиций сегодняшнего дня упрекать комиссара, но все же то, в чем он видел тогда причины низкого морального духа, было весьма характерно для некоторой категории наших руководителей: «Это свидетельствует о том, что требование приказа Ставки Верховного Главнокомандования № 270... (О репрессиях по отношению к попавшим в плен.— **В. К.**) многими не понято и не выполняется».

Однако рядом порой приводятся и другие причины, дающие более всестороннее представление о происходящем:

«Особенно следует отметить, что раненые бойцы и командиры, как правило, оставались без всякой медицинской помощи... Тяжелораненые или раненные в ноги, которые не могли идти и даже ползти, в лучшем случае оставались в деревнях или просто бросались на поле боя, в лесах и погибали медленной смертью от голода и потери крови.

Все это происходило на глазах у людей и являлось одной из причин того, что многие красноармейцы и командиры стремились уклониться от боя и скрытыми путями пробраться к своим частям, ибо в ранении видели неизбежность гибели».

10 октября, когда Жуков вступил в командование фронтом, на полосах газеты «Фёлькишер беобахтер» пестрели такие заголовки: «Великий час пробил: исход восточной кампании решен», «Военный конец большевизма...», «Последние боеспособные советские дивизии принесены в жертву». Гитлер, выступая в Спортпаласе на торжестве по случаю одержанной победы, произнес: «Я говорю об этом только сегодня потому, что сегодня

могу совершенно определенно заявить: противник разгромлен и больше никогда не поднимется!»

Командующего группой армий «Центр» фон Бока даже испугала такая парадная шумиха в Берлине. Он сказал Браухичу:

— Разве вы не знаете, каково действительное положение дел? Ни Брянский, ни Вяземский котлы еще не ликвидированы. Конечно, они будут ликвидированы. Однако будьте любезны воздержаться от победных реляций!

В ответ главнокомандующий Браухич напомнил фельдмаршалу:

— Не забывайте о намерении Гитлера 7 ноября вступить в Москву и провести там парад. Я советую вам форсировать наступление.

В тот же день, 10 октября, Гальдер во время прогулки верхом упал с лошади и вывихнул ключицу. Его отправили в госпиталь, поэтому в его дневнике отсутствуют записи с 10 октября по 3 ноября. Свою первую запись после излечения Гальдер сделал 3 ноября 1941 года и дал в ней обобщенные сведения за те 23 дня, которые он отсутствовал. Не буду приводить его записи по другим фронтам, познакомимся только с положением группы армий «Центр», которая наступала на Москву против Западного фронта Жукова. Все эти дни продолжалось осуществление плана операции «Тайфун». Гальдер делает свои записи о ходе этого сражения. Вот что он пишет: «Группа армий «Центр» подтягивает 2-ю армию (усиленную подвижными соединениями) на Курск, чтобы в дальнейшем развивать наступление на Воронеж. Однако это лишь в теории. На самом деле войска завязли в грязи и должны быть довольны тем, что им удается с помощью тягачей кое-как обеспечить подвоз продовольствия. Танковая группа Гудериана, медленно и с трудом продвигаясь, подошла к Туле (от Орла). 4-я армия во взаимодействии с танковой группой Гёпнера прорвала оборонительную позицию противника (прикрывающую Москву) на участке от Оки (в районе Калуги) до Можайска. Однако намеченный севернее этого участка прорыв танковой группы Рейнгардта (который принял 3-ю танковую группу от Гота) на Клин из-за тяжелых дорожных условий осуществить не удалось. 9-й армии после тяжелых боев удалось стабилизировать положение в районе Клина и создать достаточно сильную оборону на своем северном франге».

Как видим, в этих записях уже нет восторженных восклицаний о классическом развитии операции или о блестящем продвижении вперед с охватом Москвы. Темп наступления явно сбился, за 20 дней части противника продвинулись еле-еле, и уже нужно искать оправдание этой замедленности. В данном случае это грязь и плохие дороги (потом будут снег и морозы). Разумеется, нельзя отрицать, что распутица и бездорожье затрудняли продвижение танков, артиллерии и автотранспорта гитлеровцев. Но все же главной причиной потери темпа был наш отпор на всех главных направлениях армиям, наступающих. Вот чего достиг Жуков небольшими силами, используя их именно на тех направлениях, где было острие наступления противника. Его предположения оправдались, немногие силы, которыми он располагал, оказались там, где нужно, и продвижение противника, как видим становилось все медленнее и медленнее.

После войны Лев Безыменский, известный журналист и знаток немецких военных документов (он и мне давал полезные советы), во время одной из поездок в Западную Германию Безыменский исследовал сохранившийся в архиве дневник фельдмаршала фон Бока. Этот документ интересен тем, что писался не для печати и поэтому достаточно достоверен. По нему можно довольно точно воспроизвести ход решений фон Бока и все детали действий противника, против которого вел бои Жуков под Москвой.

Главным беспокойством фон Бока в начальные дни октября было то, чтобы танковые части его группы армий не ввязались в уничтожение окруженных советских армий, а двигались дальше, дабы не позволить нам создать новый фронт обороны на подступах к Москве.

7 октября Бок приказывает 2-й танковой группе Гудериана взять Тулу и двигаться дальше на Коломну и Серпухов, 4-й танковой группе идти на Москву по шоссе Вязьма — Москва, 4-й и 9-й армиям вместе с 3-й танковой группой двигаться на Калугу и Гжатск и дальше на Москву. На Малоярославец двигалась дивизия СС «Рейх», а за нею шли 57-й и 10-й танковые корпуса.

На пути этой мощной танковой механизированной группы встали курсанты Подольских училищ, пехотного и артиллерийского, батарея 222-го зенитного артиллерийского полка, которая стала вести огонь по танкам, и подразделения 17-й танковой бригады. Шесть суток эти замечательные воины удерживали и отбивали натиск мощнейшей танково-механизированной армады. Шесть суток! Только представьте себе, как молодые курсанты, не имеющие достаточного количества средств для борьбы с танками, несмотря ни на что, сдерживают и не пропускают противника к Москве! Как трудно было Жукову, с какими истерзанными частями он отбивал противника!

В эти дни к Боку прибыл главнокомандующий сухопутными войсками Браухич. Ознакомившись с обстановкой, он настоятельно потребовал послать в обход Москвы с севера, со стороны железной дороги Ленинград — Москва, 3-ю танковую группу. Опытный Бок возражал, предупреждая, что танковые группы Рейнгардта и Гудериана в этом случае разойдутся слишком далеко, но Браухич добился того, что Бок получил на это соответствующий приказ еще и сверху.

Наступающие части 13 октября овладели Калугой. 15 октября Гёпнер со своей танковой группой делает новый рывок вперед и прорывается через Московскую линию обороны. В штабе Гёпнера делают такую запись: «Падение Москвы кажется близким».

В один из этих напряженных дней Сталин позвонил Жукову и спросил:

— Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас об этом с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

Жуков некоторое время думал, наверное, эти секун-

ды были для Сталина очень тягостны. Жуков же отчетливо понимал, какую ответственность он берет на себя любым — положительным или отрицательным — ответом. Проще было уклониться от однозначного суждения, но это было не в его характере. А главное — он был уверен, что предпринял все возможное и невозможное, чтобы отстоять столицу, поэтому твердо сказал:

— Москву, безусловно, удержим. Но нужно еще не менее двух армий и хотя бы двести танков.

— Это неплохо, что у вас такая уверенность. Позвоните в Генштаб и договоритесь, куда сосредоточить две резервные армии, которые вы просите. Они будут готовы в конце ноября. Танков пока дать не сможем.

Этот разговор, очень нехарактерный для Сталина, встревожил и Жукова. Георгий Константинович вызвал к себе начальника охраны Бедова и сказал ему:

— Что-то очень тревожно в Москве. Поезжайте немедля в город, посмотрите, что там делается. Узнайте, где работают Верховный, начальник Генштаба.— Жуков помолчал и добавил доверительно: — Делать это надо очень осторожно. Понимаете?

Бедов попросил:

— Разрешите мне взять вашу машину, на ней пропуск на въезд в Кремль и ваши номера, которые все знают, иначе мне в Кремль не попасть, да и вообще по городу проехать свободнее.

Бедов выполнил поручение Жукова, он побывал в Кремле, узнал, что Сталин работает там. На своем месте в Генеральном штабе был и Шапошников.

Бедов подробно рассказал мне об этой поездке. Чтобы читатели лучше представили себе, что тогда происходило в городе, я добавлю для полноты картины сведения из других источников.

В Москве в эти дни было неспокойно. О новом наступлении немецких войск узнали, конечно, не только в военных учреждениях, но и почти все жители Москвы. Артиллерийская канонада и бомбежки слышны были всем. Вот что сказано в воспоминаниях начальника тыла Красной Армии генерала А. В. Хрулева, человека, которому можно верить и который хорошо знал обстановку:

«Утром 16 октября мне позвонил начальник Генштаба маршал Б. М. Шапошников и передал приказ Сталина всем органам тыла немедленно эвакуироваться в Куйбышев. Ставка должна была согласно тому же приказу переехать в Арзамас. Для вывоза Ставки мне было приказано срочно подготовить специальный поезд. Позднее в тот же день у меня состоялся разговор со Сталиным, который подтвердил это распоряжение...

Решение об эвакуации государственных учреждений, Генерального штаба и Ставки подтверждается и постановлением Государственного Комитета Обороны об эвакуации Москвы, где говорилось о необходимости немедленно начать эвакуацию правительства, Верховного Совета, наркоматов, дипломатического корпуса и других учреждений, о вывозе ценностей и исторических реликвий из Оружейной палаты Кремля. В одну из ночей, соблюдая строжайшую тайну, извлекли из Мавзолея тело В. И. Ленина и отправили под особой охраной в специальном вагоне в Куйбышев.

Был в этом постановлении и такой пункт, о существовании которого Сталину очень не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал, особенно когда стало ясно, что Москва выстояла. В нем было сказано, что товарищ Сталин должен эвакуироваться сразу же после издания этого постановления.

Как же можно допустить, чтобы народ узнал о колебаниях великого полководца, о его попытке, прямо скажем, удрать из Москвы, когда войска из последних сил обороняли столицу? Поэтому долгие годы текст этого постановления не публиковался, во всяком случае до 1988 года.

Как только в Москве приступили к широкой эвакуации населения и учреждений, началось то, что назвали позже «московской паникой»,— беспорядки, о которых ходило и до сих пор ходит много слухов. Многие очевидцы подтверждают, что действительно в городе растаскивали товары из магазинов, складов, да, собственно, даже и не растаскивали, а было такое полуофициальное разрешение все разбирать.

О том, что происходило в эти дни в Москве, несколько раз публиковал обширные статьи журналист Лев Колодный. Ниже я пересказываю несколько эпизодов из них. Вот выдержки из двух писем, которые ему прислали читатели. В. Л. Таубен сообщил: «В тот день на Большой Полянке я видел своими глазами: склады магазинов были открыты, продукты выдавались бесплатно всем, кто хотел их взять. Естественно, многие, я в том числе, восприняли это как знак предстоящей сдачи Москвы». Москвичка Э. Борисова пишет: «Утром того дня вдруг заговорило радио (черная тарелка), без всякого представления кто-то сообщил, что Москва находится в угрожающем положении и поэтому предлагается уезжать или уходить из города кто как может. Единственная дорога свободная — шоссе Энтузиастов, железная дорога — Ярославская. Предлагалось получить двухнедельное пособие на службе. И все. Кто говорил, от чьего имени, так и осталось неизвестным».

На вокзалах грузились эшелоны заводов и учреждений. Множество людей уходило пешком по шоссе — на восток страны.

Лихорадочно, торопливо работало в эти ночи (а по случаю спешки — даже днем) ведомство Берии. Срочно уничтожались арестованные и отбирались те, кого предстояло вывезти. Говорят, именно в эти дни были случаи, когда в тюрьмах Москвы расстреливали сотни человек в сутки. Наиболее «ценных» арестованных, которых готовили в качестве участников грандиозного процесса, похожего на «военный заговор» 1937—1938 годов, отправили под усиленным конвоем в Куйбышев. В этой группе были дважды Герой Советского Союза, помощник начальника Генерального штаба Я. Смушкевич, бывший заместитель наркома обороны и командующий советской авиацией генерал-лейтенант авиации Герой Советского Союза П. Рычагов и его жена, тоже летчица, генерал-полковник, начальник управления ПВО страны Герой Советского Союза Г. Штерн...

Только прибыли вагоны с узниками на место, как вслед им, 18 октября, пришло предписание наркома НКВД генерального комиссара государственной безопасности Берии — немедленно расстрелять 25 заклю-

ченных, среди которых находились и вышеназванные военачальники. Приказ был выполнен немедленно, все были расстреляны без суда и следствия.

В Москве начались грабежи и беспорядки, которые чинили дезертиры и всякая другая нечисть. 19 октября Государственный Комитет Обороны принял постановление о введении в Москве осадного положения. В первых строках говорилось о Жукове: «Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100—120 километров западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом генералу армии т. Жукову». Дальше говорилось о введении комендантского часа и о строжайшем наведении порядка в Москве органами охраны и войсками НКВД и милиции и предписывалось: «Нарушителей порядка немедля привлекать к ответственности с передачей суду Военного Трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте».

1 ноября Жукова вызвали в Москву.

Сталин сказал:

— Мы хотим провести в Москве кроме торжественного заседания по случаю годовщины Октября и парад войск. Как вы думаете, обстановка на фронте позволит нам провести эти торжества?

Жуков ответил:

В ближайшие дни враг не начнет большого наступления. Он понес в предыдущих сражениях серьезные потери и вынужден пополнять и перегруппировывать войска. Против авиации, которая наверняка будет действовать, необходимо усилить ПВО и подтянуть к Москве истребительную авиацию с соседних фронтов.

Утром 6 ноября позвонил Сталин:

— Завтра будем проводить парад. А сегодня вечером будет торжественное заседание Моссовета. Для безопасности проведем его на станции метро «Маяковская». Позволит ли вам обстановка приехать на заседание?

Жуков присутствовал на этом торжественном заседании. Но на трибуне Мавзолея во время парада он не был, находился на командном пункте, готовый немедленно принять все необходимые меры, если гитлеровцы попытаются кинуться на Москву.

Для всей страны парад стал неожиданным, потрясающе радостным событием. Поэтому мне хочется коротко рассказать о том, что происходило тогда на Красной площади. Рассказать не от себя,— я в этот день был еще заключенным в одном из лагерей Сибири и писал письма Калинину с просьбой отправить меня на фронт.

Это был парад хотя и традиционный, но необыкновенный. Парад не только военный, но и политический, парад-вызов, парад презрения к врагу, парад-пощечина: вот вам! Вы кричите о взятии Москвы, а мы проводим свой обычный праздничный парад!

В дни, когда враг находился в нескольких десятках километров от города, проведение парада было очень рискованным. Ведь если бы немцы узнали о нем, они могли обеспечить десятикратное превосходство наземных и воздушных сил, пронзить, как ударом кинжала, нашу оборону на узком участке и ворваться прямо на Красную площадь. Разумеется, это предположение гипотетическое, однако же и не слишком. Немцы ведь не раз прошибали нашу оборону своими клиньями за короткое время и на бо́льшую глубину.

Но на этот раз они удара не подготовили. Их разведка не узнала о готовящемся сюрпризе. Когда начался парад, только в эту минуту была включена радиостанция и пошла трансляция на весь мир. Его, конечно, услышали и в Берлине, и в «Во́лчьем логове», но все это было так неожиданно, так невероятно, что не знали, что же предпринять. Все боялись доложить Гитлеру о происходящем. Он сам совершенно случайно, включив радиоприемник, услышал музыку и твердую поступь солдатских сапог. Фюрер сначала принял это за трансляцию о каком-то немецком торжестве, но, услышав русскую речь, команды на русском языке, понял, что происходит. Фюрер кинулся к телефону. Он понимал — ругать разведчиков и генштабистов не время, они ничего не успеют предпринять, поэтому позвонил сразу в штаб группы армий «Центр».

Услыхав голос телефониста, стараясь быть спокойным, чтоб не напугать отозвавшегося, сдержанно сказал:

— У телефона Гитлер, соедините меня с командиром ближайшей бомбардировочной эскадры.

Некоторое время Гитлер слышал в трубке только обрывки фраз, щелчки переключения на коммутаторах. В эти секунды в нем, будто переключаясь со скорости на скорость, разгорался гнев.

Взволнованный голос закричал в трубке:

— Где, где фюрер, я его не слышу!

— Я здесь,— сказал Гитлер.— Кто это?

— Командир двенадцатой бомбардировочной эскадры генерал...

— Вы осел, а не генерал. У вас под носом русские устроили парад, а вы спите, как свинья!

— Но погода, мой фюрер... она нелетная... снег...— Голос генерала прерывался.

— Хорошие летчики летают в любую погоду, и я докажу вам это. Дайте мне немедленно лучшего летчика вашей дивизии!

Лучшие летчики были где-то далеко, на полковых аэродромах, генерал, глядя на трубку, как на змею, поманил к себе офицера, случайно оказавшегося в кабинете. Офицер слышал, с кем говорил командир дивизии, лихо представился:

— Обер-лейтенант Шранке у телефона!

Гитлер подавил гнев и заговорил очень ласково, он вообще разносил только высших военных начальников, а с боевыми офицерами среднего и младшего звена всегда был добр.

— Мой дорогой Шранке, вы уже не обер-лейтенант, вы капитан, и даже не капитан, а майор. У меня в руках Рыцарский крест — это ваша награда. Немедленно поднимайтесь в воздух и сбросьте бомбы на Красную площадь. Этой услуги я никогда не забуду!

— Немедленно вылетаю, мой фюрер! — воскликнул Шранке и побежал к выходу.

Услыхав потрескивание в трубке, командир дивизии поднес ее к уху — там звучал голос Гитлера:

— Генерал, генерал, куда вы пропали?

— Я здесь, мой фюрер,— сказал упавшим голосом генерал и тоскливо подумал: «Сейчас он меня разжалует». Но Гитлер понимал: сейчас главное — успеть разбомбить парад: времени для разжалования и нового назначения нет.

— Генерал, даю вам час для искупления вины. Немедленно вслед за рыцарем, которого я послал, вылетайте всем вашим соединением. Ведите его сами. Лично! Жду вашего рапорта после возвращения. Все.

Вновь испеченный майор Шранке через несколько минут был уже в воздухе. Он видел, как вслед за ним взлетали тройки других бомбардировщиков. Облачность была плотная, идти надо было по компасу и по расчету дальности. Он приказал штурману тщательно проделать все эти расчеты для точного выхода на цель.

...Шранке не долетел до Москвы, его самолет и еще двадцать пять бомбардировщиков были сбиты на дальних подступах, остальные повернули назад.

Стремясь к максимальной подлинности при описании событий, я дальше воспользуюсь рассказом очевидца, который не только присутствовал на том параде, но и описал его в газете тогда же, в ноябре 1941 года. Писатель Евгений Захарович Воробьев — мой старый добрый друг, я еще расспросил его с пристрастием о том параде, выясняя побольше деталей, и дополнил ими его ранее опубликованную газетную статью.

— Я был корреспондентом газеты Западного фронта «Красноармейская правда»,— начал Евгений Захарович.— Корреспонденты других газет на этот раз собрались у левого крыла Мавзолея. На довоенных парадах здесь обычно стояли дипломаты, военные атташе. Теперь дипломатического корпуса на параде не было — посольства эвакуировались в Куйбышев. Мы стояли так близко, что я слышал, как Сталин, выйдя на балкон Мавзолея, где, видимо, ветер был сильнее, чем у нас внизу, сказал:

— А здорово поддувает...

И потом немного позже, радуясь непогоде, которая затрудняла нападение вражеской авиации, Сталин усмехнулся, когда снег пошел еще гуще, и сказал тем, кто стоял с ним рядом:

— Везет большевикам, бог им помогает...

Парад принимал С. М. Буденный, командовал парадом генерал-лейтенант П. А. Артемьев. Вопреки традиции сегодня произнес речь не тот, кто принимал парад, а Сталин. Именно в этот день он сказал запомнившиеся всем слова:

«Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!..

На парад вышли курсанты военных училищ, полки дивизии особого назначения имени Дзержинского, Московский флотский экипаж.

А отдельные армейские батальоны были незаметно для противника введены в Москву только для участия в параде.

Вслед за частями и подразделениями, прибывшими с фронта, прошагал полк народного ополчения — разношерстное и пестрое войско. Полушубки, бушлаты, стеганые ватники, бекеши и шинели, иные шинели еще помнили Каховку и Царицын, Касторную и Перекоп... Сапоги, валенки, ботинки с обмотками... Шапки-ушанки, буденовки, треухи, картузы, кубанки, папахи... Винтовки вперемешку с карабинами, мало автоматов и совсем нет противотанковых ружей.

Надо признать, вид у бойцов народного ополчения был недостаточно молодцеватый, непарадный. Долговязый парень, из тех, кого называют «дядя, достань воробушка», затесался на левый фланг и шагал в соседстве с низенькими, приземистыми. Но кто бы поставил в упрек бойцам народного ополчения плохую выправку? Их ли вина, что не осталось времени на строевые занятия? Люди непризывного возраста и не весьма отменного здоровья учились маршировать под аккомпанемент близкой канонады.

В то праздничное утро, совсем как в годы гражданской войны, парад стал одновременно проводами на фронт. В отличие от мирных парадов сегодня винтовки, пулеметы, орудия, танки были снабжены боеприпасами. И одна из верных примет того, что путь с Красной площади вел не в казармы, а на позиции,— у многих участников парада заплечные вещевые мешки.

Позже по площади с железным громыханием провезли пушки. Иные из них казались прибывшими из другой эпохи «времен Очакова и покоренья Крыма». Наверно, то были очень заслуженные пушки, но за выслугой лет им давно пора на музейный покой. И если они дефилировали, то лишь потому, что все боеспособные пушки нужны, до зарезу нужны были на фронте и не могли покинуть своих огневых позиций.

Затем, к нашей радости, прошли танки, их было много, около двухсот, в том числе немало тяжелых. Танкисты оказались в Москве мимоездом. Накануне самого праздника две танковые бригады выгрузились на задворках вокзалов, на станциях Окружной дороги. С Красной площади танки держали путь прямехонько на исходные позиции. Может, для того, чтобы сократить дорогу, танки сегодня не спускались, как обычно, мимо Василия Блаженного к набережной, а возле Лобного места поворачивали налево и через Ильинку и площадь Дзержинского спешили на Ленинградское, Волоколамское и Можайское шоссе.

Долго по мостовым города громыхали танки, тягачи, броневики, пушки, слышались цоканье копыт, маршевый шаг пехоты, скрип обозов, тянувшихся из города на его окраины, в пригороды, предместья... На фронт!

Евгений Захарович посмотрел на меня, седой, белоголовый. Мне на миг показалось, что это он запорошен снегом, еще тем, что шел над Красной площадью в ноябре сорок первого...

Доклад и выступление Сталина использовались политработниками для поднятия духа сражающихся воинов. Вот о чем говорят документы. Из донесения 11 ноября 1941 года:

«Во всех частях фронта широко развернута работа по изучению доклада товарища Сталина на торжественном заседании Моссовета 6 XI 41 года... Работники политотделов выехали в части. Основной формой работы является индивидуальная и коллективная читка доклада и беседы. Доклад товарища Сталина вызвал большой политический подъем личного состава».

Далее приводятся примеры: «Красноармеец 765-го СП Т. Машков заявил: «Выступление товарища Сталина на Красной площади — самый сильный удар по гитлеровской банде убийц. Мудрого товарища Сталина не запугаешь, он знает цену Гитлера и его банды и знает, как их победить. Выступление товарища Сталина вселяет полную уверенность в победу, зовет на подвиги во имя Родины».

«В октябре месяце подано 386 заявлений о приеме в члены ВКП(б), 1135 заявлений о приеме в кандидаты ВКП(б), 2274 о приеме в члены ВЛКСМ. Особенно выросла тяга в партию и комсомол после опубликования в газетах доклада товарища Сталина. Многие бойцы и командиры подавали заявления сразу же после коллективной читки доклада товарища Сталина...

Бойцы и командиры частей фронта на призыв вождя народов товарища Сталина — никакой пощады немецким оккупантам — отвечают конкретными боевыми делами. Личный состав частей 16-й армии в течение 12—14 ноября уничтожил и захватил 80 танков, три тяжелых орудия, 20 орудий ПТО, 40 пулеметов и много других трофеев. В боях за Скирмантово и Козлово частями 1-й гвардейской и 28-й танковой бригад захвачено: 30 танков, 3 тяжелых орудия, 12 орудий ПТО, 10 станковых пулеметов, 10 ручных пулеметов, 12 минометов, 30 винтовок, автомашины, мотоциклы, уничтожено до полка пехоты и взято в плен 40 немецких солдат».

Но в эти же дни происходит и такое:

«8 ноября шесть красноармейцев и младший командир 6-й стрелковой роты 774-го СП 222-й СД младший сержант Тонких Ю. Г рождения 1921 года, уроженец Воронежской области, перешли на сторону противника. Все указанные красноармейцы и младший командир находились в боевом охранении. Изменник Тонких считался лучшим командиром и 7 ноября был награжден ценным подарком».

«Комиссар 67-го железнодорожного батальона 1-й жел. дор. бригады старший политрук Ларин К. И., рождения 1905 года, член ВКП(б), рабочий, русский, 6 октября, в период отхода наших частей, дезертировал, захватив с собой красноармейца Полторацкого... 31 октября Ларин явился в батальон и среди нач. состава вел антисоветские, пораженческие разговоры. Ларин исключен из партии и предан суду ВТ...

Приведу еще некоторые факты из донесений, свидетельствующие о том, в каких труднейших условиях приходилось Жукову организовывать защиту Москвы.

«Части ощущают большие затруднения в обеспечении личного состава теплым обмундированием. В частях фронта недостает: шапок-ушанок нач. состава 12 877, шапок-ушанок для рядового состава 50 223, телогреек ватных 136 784, шаровар ватных 168 754, гимнастерок суконных нач. состава 6466, шаровар суконных 8221, свитеров 25 107, перчаток теплых 89 360, рубах теплых 105 952, кальсон теплых 89 907, подштанников полушерстяных 112 534...

Большой недостаток обуви в 126-й СД (16-я армия), где 1080 человек совершенно не имеют обуви. В частях 49-й армии недостает 4700 пар ботинок... Причины недостачи вещевого имущества: 1. Соединения, прибывшие из внутренних округов, не имеют теплого обмундирования (78-я СД, 58-я ТД). 2. Выходящие из окружения бойцы и командиры теплого обмундирования не имеют. 3. Медленно продвигаются транспорты с обмундированием к месту назначения. Интендантское управление фронта обещало 5-й армии до 13 ноября полностью удовлетворить все заявки на вещевое имущество, за исключением валенок, полушубков и шинелей. Но эти неоднократные обещания не выполнены».

«В результате проводимой работы... бытовое обслуживание бойцов и командиров улучшилось. В большинстве частей бойцы и командиры получают горячую пищу два раза в день. Улучшилось снабжение личного состава водкой и махоркой... Но нет кипятильников, кипятить чай не в чем. Во многих частях недостает большого количества кухонь и котлов. Пища готовится в русских печах в крестьянских избах. В 222-й СД положено иметь 84 кухни, имеется 19...

Создалось очень сложное положение у обеих сторон — и у наступающих, и у обороняющихся. Казалось бы, в самой сложной ситуации полководец волен выбирать любую форму маневра для того, чтобы выполнить задачу, которая перед ним стоит, то есть успешно наступать или успешно обороняться. Но это только теоретически, потому что каждый раз полководец зависит от многих условий, от обстановки, сложившейся в данном конкретном случае. Это особенно наглядно видно в той ситуации, о которой идет речь.

Фельдмаршал фон Бок не мог продолжать наступление в той группировке, которая была создана по прежнему его замыслу. Операция «Тайфун», по сути дела, захлебнулась после ее успешного начала. Фон Бок намеревается теперь уже не завершать операцию «Тайфун», а осуществить новую, он назвал ее «Московские Канны». Как видим, опять «классический образец». Несмотря на сложность обстановки, мечты не покидают немецкого полководца. На сей раз фон Бок решает осуществить двойное окружение только Москвы. Первый внутренний охват войск Западного фронта должны осуществить 4-я танковая группа Гёпнера и 4-я полевая армия фельдмаршала Клюге. Танковая группа должна наступать на истринском направлении с рубежа Волоколамск, а 4-я полевая армия на подольском направлении из района Наро-Фоминск — Серпухов. Кольцо внутреннего охвата они должны замкнуть непосредственно в Москве.

Второй, внешний, охват должны произвести: 3-я танковая группа Рейнгардта ударом севернее Москвы на восток, на Клин и Дмитров и двигающаяся ей навстречу с юга 2-я танковая группа Гудериана ударом из района Тулы на Коломну. Эти две танковые клешни должны были замкнуть кольцо внешнего охвата в районе Ногинска.

Принимая это решение и ставя такие задачи, фельдмаршал фон Бок учел недостаток своего предыдущего решения, когда его части, ввязавшись в бой с окруженными советскими армиями под Вязьмой, вынуждены были отражать активные действия тех, кто пытался вырваться из кольца, и одновременно получали в спину удары контратакующих советских войск, находившихся вне кольца. Теперь, создавая двойное окружение, фон Бок хотел надежно обеспечить соединения, непосредственно окружающие и врывающиеся в Москву. Они могли, по его представлению, спокойно осуществить поставленную задачу, так как их тылы будут обеспечены вторым внешним кольцом окружения.

Подготовку и проведение этой операции надо было вести ускоренными темпами, чтобы не дать советским частям опомниться и организовать оборону. Надо было бить, пока брешь, созданная из-за окружения наших армий под Вязьмой, ничем еще, по сути дела, не была заполнена.

Отдадим должное организованности и опыту гитлеровских штабов и войск: они сумели в короткое время подготовить эту новую сложную операцию, успели подтянуть резервы и доукомплектовать части людьми и танками и, главное, создать большое превосходство сил на узких участках, там, где наносились главные удары.

В общей сложности, фон Бок сосредоточил на московском направлении пятьдесят одну дивизию, в том числе тридцать одну пехотную, тринадцать танковых и семь механизированных. Кроме этих наземных войск группу армий «Центр» поддерживал 2-й воздушный флот, в котором было более 650 боевых самолетов. Силы немалые! Опасность удара такой огромной армады была очень велика. Фон Бок и главнокомандующий сухопутными войсками Браухич с полным основанием считали, что разработанная ими операция «Московские Канны» должна пройти успешно, сил вполне достаточно, чтобы нанести четыре стремительных удара, окружить и захватить Москву, тем более что, по их представлению, советская сторона не имела реальных возможностей противостоять этому новому мощному наступлению.

К 15 ноября гитлеровские армии готовы были ринуться вперед.

Командующий Западный фронтом Жуков тоже не терял времени. Все, что можно было найти из частей, не попавших в окружение, а также несколько дивизий народного ополчения, сформированных в Москве, специальные части, военные училища — все он сосредоточивал и ставил на тех направлениях, где ожидал удара противника.

Случаются в жизни полководца неприятности, которые приносит ему не противник, а свой более высокий по рангу начальник. Георгий Константинович уже пережил не одну такую неприятность, вплоть до снятия с должности начальника Генерального штаба. Не одну неприятную ситуацию пришлось пережить ему и в битве за Москву.

Когда дело касалось личных затруднений, незаслуженной обиды, это скрепя сердце он мог перенести, но когда от непонимания его планов могло рухнуть то, что уже сделано, а от этого зависела судьба не только его, Жукова, но и Москвы, тут переживания были особенно тягостны.

Когда Жуков с таким трудом, почти из ничего, слепил оборону на главных направлениях, ему позвонил Сталин. Он звонил нередко и прежде, поэтому Жуков и этот разговор начал в обычном деловом тоне, но когда он понял, что затевает Верховный, то разволновался и тон разговора стал напряженным.

— Как ведет себя противник? — спросил Сталин.

— Заканчивает сосредоточение своих ударных группировок и, видимо, в скором времени перейдет в наступление.

— Где вы ожидаете главный удар?

— Из района Волоколамска. Танковая группа Гудериана, видимо, ударит в обход Тулы на Каширу.

— Мы с Шапошниковым считаем, что нужно сорвать готовящиеся удары противника своими упреждающими контрударами. Один контрудар надо нанести в районе Волоколамска, другой — из района Серпухова во фланг 4-й армии немцев. Видимо, там собираются крупные силы, чтобы ударить на Москву.

— Какими же силами, товарищ Верховный Главнокомандующий, мы будем наносить эти контрудары? Западный фронт свободных сил не имеет. У нас есть силы только для обороны.

— В районе Волоколамска используйте правофланговые соединения армии Рокоссовского, танковую дивизию и кавкорпус Доватора. В районе Серпухова используйте кавкорпус Белова, танковую дивизию Гетмана и часть сил 49-й армии.

— Считаю, что этого делать сейчас нельзя. Мы не можем бросать на контрудары, успех которых сомнителен, последние резервы фронта. Нам нечем будет тогда подкрепить оборону войск армий, когда противник перейдет в наступление своими ударными группировками.

— Ваш фронт имеет шесть армий. Разве этого мало?

— Но ведь линия обороны войск Западного фронта сильно растянулась, с изгибами она достигла в настоящее время более 600 километров. У нас очень мало резервов в глубине, особенно в центре фронта.

— Вопрос о контрударах считайте решенным. План сообщите сегодня вечером,— недовольно отрезал Сталин.

Минут через пятнадцать к Жукову зашел Булганин и сказал:

— Ну и была мне сейчас головомойка!

— За что?

— Сталин сказал: «Вы там с Жуковым зазнались. Но мы и на вас управу найдем!» Он потребовал от

меня, чтобы я сейчас же шел к тебе и мы немедленно организовали контрудары.

Жуков был мастером по контрударам, он это показал особенно ярко в обороне Ленинграда. Может быть, помня об этих успешных действиях, Сталин и Шапошников решили под Москвой применить такую же тактику? Но давно известно: любые тактические приемы приносят успех только при соответствующих условиях. При малых силах и при полном отсутствии резервов, как это было в те дни под Москвой, решиться на контрудары было не только неправильно, но и весьма рискованно.

Жуков выполнил приказ Сталина: удары состоялись. Вот каково мнение Рокоссовского, командовавшего 16-й армией, по поводу контрудара:

«Неожиданно был получен приказ командующего Западный фронтом — нанести удар из района севернее Волоколамска по волоколамской группировке противника. Срок подготовки определялся одной ночью. Признаться, мне было непонятно, чем руководствовался командующий, отдавая такой приказ. Сил мы могли выделить немного, времени на подготовку не отводилось, враг сам готов двинуться на нас. Моя просьба хотя бы продлить срок подготовки не была принята во внимание. Как и следовало ожидать, частный контрудар, начатый 16 ноября по приказу фронта, принес мало пользы. На первых порах, пользуясь неожиданностью, нам удалось даже вклиниться километра на три в расположение немецких войск. Но в это время они начали наступление на всем фронте армии. Нашим выдвинувшимся вперед частям пришлось поспешно возвращаться...

Как вы думаете, что лучше: отражать наступление противника, находясь на позициях, подготовленных к обороне, или выйти ему навстречу в «чисто поле»? В обороне перед траншеями — мины, в боевых порядках пехоты окопались противотанковые пушки, а в тылу артиллерия, пристрелявшая все подступы к обороне. В траншеях подготовлены гранаты, патроны, бутылки с горючей смесью. Здесь все обжито, здесь, как говорится, и стены помогают. А войска, вышедшие из оборудованных позиций, все эти преимущества потеряли, оставили за спиной и при своей малочисленности, конечно, были обречены на неуспех.

«Поспешно возвращались»,— пишет Рокоссовский. А сколько не вернулось, легло в землю, ослабив тем самым и без того малые силы обороняющихся?! В общем, ой как тяжело слово Верховного! Многих он уложил в братские могилы понапрасну и в этом вот случае. А Рокоссовский, увы, всю ответственность возлагает в своих воспоминаниях на Жукова: «...мне было непонятно, чем руководствовался командующий, отдавая такой приказ».

Итак, 16 ноября войска Западного фронта, выполняя приказ Сталина, нанесли контрудары. Выбиваясь из последних сил, вступили они в схватку с противником. И в это же утро перешли в наступление гитлеровцы! Вот что пишет Жуков о создавшемся критическом положении: «С утра 16 ноября вражеские войска начали стремительно развивать наступление из района Волоколамска на Клин. Резервов в этом районе у нас не оказалось, так как они по приказу Ставки (читай: Сталина.— **В. К.)** были брошены в район Волоколамска для нанесения контрудара, где и были скованы противником».

Несмотря на упорное сопротивление дивизий генерала И. В. Панфилова, полковника А. П. Белобородова, генерала П. Н. Чернышева, курсантского полка С. И. Младенцева, танковой бригады генерал-майора М. Е. Катукова, противник, имея большие силы на узком участке, продолжал продвигаться вперед.

Именно в этот день совершили свой подвиг 28 панфиловцев, отражая удар врага. А через два дня здесь же, на этом направлении, 18 ноября погиб и сам генерал Панфилов.

Противник, несмотря на превосходство в силах, все же почувствовал, что ему не удастся пробиться на волоколамском направлении. Поэтому, продолжая наступать здесь, он перенес направление своего главного удара южнее Волжского водохранилища.

Генерал Рокоссовский, на 16-ю армию которого ринулась мощная 4-я танковая группа Гёпнера, заметил некоторое ослабление действий противника вдоль Волоколамского шоссе и не сомневался, что противник ищет и обязательно ударит где-то в новом месте. Оценивая местность и группировку наступающих, он предвидел, что, вероятнее всего, они нанесут удар южнее водохранилища, а там положение наших войск может быть очень устойчивым. Как пишет в своих воспоминаниях Рокоссовский: «Само водохранилище, река Истра и прилегающая местность представляли прекрасный рубеж, заняв который заблаговременно, можно было, по моему мнению, организовать прочную оборону, притом небольшими силами... Всесторонне все продумав и тщательно обсудив со своими помощниками, я доложил наш замысел командующему фронтом (то есть Жукову.— **В. К.)** и просил его разрешить отвести войска на истринский рубеж, не ожидая, пока противник силою отбросит туда обороняющихся и на их плечах форсирует реку и водохранилище».

Жуков не посчитался с мнением Рокоссовского и приказал не отходить ни на шаг и удерживать занимаемый рубеж. Как видим, и у Жукова бывали моменты, когда он мог закусить удила и вопреки здравому смыслу, не считаясь с предложением такого опытного командующего, каким был Рокоссовский, настаивать на своем.

Понимая, что если части 16-й армии на этом участке не устоят, то путь на Москву будет открыт, и это возлагает на него как командующего армией огромную ответственность, Рокоссовский решил послать телеграмму начальнику Генерального штаба Шапошникову, мотивировав в ней свое предложение. Вскоре он получил ответ, что Генеральный штаб разрешает ему осуществить принятое решение. Однако не успели Рокоссовский и его штаб отдать соответствующие распоряжения частям, как пришел грозный письменный приказ Жукова:

«Войсками фронта командую я! Приказ об отводе

войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать. Генерал армии Жуков».

В этих коротких строках наглядно проявился жуковский характер: его темперамент и его крутость. Но в данном случае он оказался не прав. Войска не удержали подступы к водохранилищу, противник отбросил их и, как предвидел Рокоссовский, на плечах отступающих переправился на восточный берег реки Истры и захватил там плацдармы.

Вы, наверное, не раз встречали в военной литературе это образное и не совсем военное выражение «на плечах». Что же это означает в действительности? А это значит, что войска отходят или даже бегут, противник их давит танками, расстреливает из пулеметов, артиллерией, врывается прямо в боевые порядки, в гущу вот этих бегущих людей, когда они находятся вне траншей, не имеют на огневых позициях пулеметов и артиллерии. Практически в этом случае наступающая сторона чаще всего даже опережает отступающую и выходит на следующий рубеж раньше, чем его успеет занять отходящий.

Такое положение сложилось и в районе водохранилища. А если бы Жуков согласился с Рокоссовским, то потерь было бы меньше: войска, переправившись на восточный берег канала, успели бы там закрепиться и оттуда, из-за водной преграды, скорее всего остановили бы врага.

Рокоссовский по этому поводу пишет: «Не только мы, но и весь Западный фронт переживал крайне трудные дни. И мне была понятна некоторая нервозность и горячность наших непосредственных руководителей. Но необходимым достоинством всякого начальника является его выдержка, спокойствие и уважение к подчиненным. На войне же — в особенности. Поверьте старому солдату: человеку в бою нет ничего дороже сознания, что ему доверяют, в его силы верят, на него надеются... К сожалению, командующий нашим Западным фронтом не всегда учитывал это».

В этих словах звучит явный упрек Георгию Константиновичу за те потери, которые понесли войска, и боль за дело, которому повредила вспыльчивость Жукова.

Но можно понять и Жукова. Имея ограниченное количество войск и организовав оборону лишь на отдельных направлениях, он понимал: если противник разгадает его замысел, то может в любой момент отказаться от наступления на удобных танкодоступных направлениях и пойти правее и левее, там, где, по сути дела, войск у Жукова нет совсем. И тогда судьба Москвы была бы решена, тогда он, Жуков, не отстоял бы Москву. Этим объясняются его нервозность и его нетерпимость к каким бы то ни было отклонениям от его решения. А решение это звучало коротко: стоять насмерть на занимаемых позициях, там, где подготовлена оборона!

29 ноября гитлеровские войска прорвались через канал Москва — Волга в районе Яхромы. Это была очень серьезная опасность, так как противнику удалось преодолеть водный рубеж, на который опиралась оборона 16-й армии Рокоссовского. Надо было немедленно бросать все силы для того, чтобы отразить этот прорыв.

И вот в этот момент произошел очередной, так сказать, каприз Сталина. Кто-то ему доложил о том, что гитлеровцы овладели городом Дедовском. А Дедовск — это уже в непосредственной близости от Москвы. Сталин немедленно позвонил Жукову:

— Вам известно, что занят Дедовск?

— Нет, товарищ Сталин, неизвестно.

Сталин сказал раздраженно:

Командующий должен знать, что у него делается на фронте. Немедленно выезжайте на место, лично организуйте контратаку и верните Дедовск.

Жуков понимал: очень не ко времени будет его отлучка из шатаб, когда на других участках идут такие напряженные бои.

— Покидать штаб фронта в такой напряженной обстановке вряд ли осмотрительно,— произнес он.

Но Сталин еще более раздраженно бросил:

— Ничего, мы как-нибудь тут справимся, а за себя оставьте на это время Соколовского.

Не понимая причин раздражения Верховного, почему его так взвинтило известие об оставлении Дедовска, Жуков позвонил Рокоссовскому. Выяснилось, что город Дедовск находится в наших руках, а Сталину, видимо, доложили о деревне Дедово, которая находится гораздо западнее и ничего общего с Дедовском не имеет. Жуков тут же позвонил Верховному и пытался объяснить, что его неправильно информировали. Но раздражение у Сталина, как это часто бывало и раньше, лишило его благоразумия, он уже ничего не хотел слышать и, рассвирепев еще больше, потребовал от Жукова немедленно выехать к Рокоссовскому, да еще прихватить с собой командующего артиллерией 5-й армии Говорова и предпринять все для того, чтобы отбить Дедовск.

Жуков понял, что разговоры напрасны, и, переживая, что в такое горячее время приходится оставлять командный пункт фронта, выехал к Рокоссовскому. Оттуда они вместе прибыли к А. П. Белобородову, командиру 9-й гвардейской стрелковой дивизии, которая вела бои в районе Дедовска.

Как рассказывает генерал Белобородов, он сначала не мог понять, что произошло, когда вдруг в полночь к нему на командный пункт прибыли Жуков, Рокоссовский и другие высокие начальники. Он доложил обстановку на своем участке: ничего экстраординарного на фронте его дивизии в тот момент вроде бы не происходило. Далее он сказал, что утром намерен атаковать Селиваниху силами 40-й стрелковой бригады. Злополучное Дедово находилось дальше за Селиванихой, поэтому Жуков сказал:

Поставьте 40-й бригаде более глубокую задачу, чтобы она овладела еще и деревней Дедово.

Белобородов ответил:

— Есть поставить более глубокую задачу!

Но по лицу его было видно, что он не уверен в том, что бригада способна выполнить этот приказ: сил-то маловато.

Поняв его, Жуков усмехнулся и сказал:

— Я не как ревизор к вам приехал. В ваше подчинение передаю 17-ю и 145-ю танковые бригады, батальон 49-й стрелковой бригады. Хватит сил для Селиванихи?

— Вполне! — продолжая недоумевать по поводу происходящего, ответил Белобородов.

— И для Дедово хватит?

— И Дедово возьмем, конечно, с такими силами.

— О взятии этой деревушки лично доложите мне в штаб фронта.

Дедово вскоре было взято, но, как и ожидал Жуков, его отсутствие на командном пункте не обошлось без последствий. Раздался звонок в блиндаже Белобородова, трубку снял Рокоссовский. Как только он услышал то, что сказал начальник штаба его армии генерал Малинин, то, несмотря на всю свою выдержку, побледнел.

Жуков заметил это и спросил:

— В чем дело?

— Каменку сдали. Фашисты прорвались в Крюково...

Жуков вскочил, решительно застегнул шинель и сказал:

— Немедленно едем отбивать Крюково.

Крюково сегодня хорошо известно всем москвичам да и многим экскурсантам, приезжающим в столицу. Там, у мемориала защитникам этого направления, стоят большие противотанковые ежи. Крюково в нынешние дни — это уже почти окраина Москвы. Очевидно, Крюково — самый ближний к Москве населенный пункт, к которому продвинулись немецкие войска в годы войны.

Здесь следует сказать о том, что Ставка, поручив отстаивать Москву Западному фронту и отдав ему все, что было в ее распоряжении в тот момент, когда прибыл Жуков, наряду с этим формировала и стратегические резервы в глубоком тылу, а именно три новые армии: 1-ю ударную, 20-ю и 30-ю.

Командующим 1-й ударной армией был назначен генерал-лейтенант В. И. Кузнецов. Армия формировалась в Уральском военном округе и была укомплектована призывниками из Сибири, Урала, Горьковской области и Москвы. В ее составе были также стрелковые бригады из моряков Тихоокеанского флота и курсантские бригады. Всего к началу декабря в составе 1-й ударной армии было восемь стрелковых бригад, двенадцать лыжных батальонов, пушечно-артиллерийский полк, один танковый батальон. Этой армии были также подчинены ранее сформированные 126-я, 133-я стрелковые и 17-я кавалерийская дивизии. В частях было очень мало артиллерии и танков, но боевой дух и боевая способность армии были достаточно высокие.

Как было запланировано, эти три армии сосредоточили под Москву, но держали там до последнего, до самых критических минут.

Такие критические минуты на участке, где находилась 1-я ударная армия, возникли тогда, когда противник переправился через канал Волга — Москва. Командарму Кузнецову Сталин приказал:

— Прорыв обороны в районе Яхромы и захват противником плацдарма на восточном берегу канала представляют серьезную опасность Москве. Примите все меры к нанесению контрудара по прорвавшейся группировке противника. Остановите продвижение, разгромите и отбросьте противника за канал. На вас возлагаю личное руководство контрударом.

Располагая свежими силами, Кузнецов выполнил это приказание Ставки, и к 8 часам утра 29 ноября враг был разгромлен и отброшен за канал.

Еще одна новая, 20-я, армия была сформирована в конце ноября. Ее командующим был назначен генерал-лейтенант Власов. (Да, да, тот самый Власов!) Начальником штаба этой армии был генерал Л. М. Сандалов. В состав армии были включены две свежие дивизии, прибывшие из восточных округов, морская стрелковая бригада, две стрелковые бригады из Московской зоны обороны и еще две танковые бригады с Западного фронта, артиллерийский полк, два гвардейских минометных дивизиона и бронепоезд. Как видим, и в этой армии почти не было артиллерии. Штаб армии располагался в Химках.

Еще в момент сосредоточения частей 20-й и 1-й ударной армий противник, предпринимая последние усилия в попытках прорваться к Москве, нанес удар, который пришелся в стык между 1-й ударной и 20-й армиями, занял Красную Поляну и вышел к Савеловской железной дороге у станции Лобня и севернее. Конечно, для выдвигающихся частей 20-й армии появление противника было неожиданно. Но и для наступающего противника встреча здесь со свежими частями тоже оказалась весьма неожиданной.

2 декабря всем частям 20-й армии, которые успели сосредоточиться, было приказано нанести контрудар в направлении Красной Поляны, что и было сделано. Здесь, в районе Красной Поляны, немногочисленные еще части 20-й армии захватили несколько крупнокалиберных орудий противника, которые были доставлены сюда для обстрела Москвы.

Еще одна резервная — 10-я — армия, которой было поручено командовать генералу Ф. И. Голикову, создавалась из резервных частей Московского военного округа. В ней было девять вновь сформированных дивизий, а когда она прибыла в район сосредоточения под Тулу, в нее были включены вышедшие из окружения 239-я стрелковая и 41-я кавалерийская дивизии. Таким образом, всего в ней было одиннадцать дивизий, и она подкрепляла южный фланг обороны Москвы в районе Рязани и Тулы. Почти весь личный состав был призван из запаса и был не очень хорошо обучен. Армия была сформирована в течение трех недель, из них 14—15 суток личный состав обучался по 12 часов ежедневно. Эта 10-я армия была нацелена против войск 2-й танковой армии Гудериана.

Фельдмаршал фон Бок, рассуждая вполне логично, построил свой боевой порядок следующим образом: главный удар он наносил на Москву с севера, там,

где войска ближе всего подошли к нашей столице. Здесь наступала 9-я армия генерал-полковника Штрауса и две танковые группы — Гёпнера и Рейнгардта, собранные в единый мощный танковый кулак. С юга на Москву били 2-я армия генерал-полковника Вейхса и 2-я танковая группа Гудериана. В центре прямо на Москву шла 4-я армия генерал-фельдмаршала Клюге; ей отводилась тоже активная наступательная роль, но все же главные усилия возлагались на обходящие фланговые группы.

Как мы видели, на севере таранная группа с многочисленными танками имела успех и уже переправилась через канал Москва — Волга. Таким образом, новое наступление, начатое фон Боком, развивалось хоть и медленно, но успешно: войска продвигались и на клинско-солнечногорском, и на наро-фоминском, и на тульском направлениях.

Фельдмаршал Бок лучше, чем кто-либо другой, знал, какой ценой достаются его войскам их успехи. Но он знал, что бесконечно так продолжаться не может и силы войск скоро иссякнут. Для того чтобы ускорить их продвижение там, где оно больше всего обозначилось, а именно на северном участке, фон Бок выезжает туда, чтобы своим присутствием подбодрить войска и показать, как уже близка победа.

А в «Волчьем логове» между тем, при очередном разговоре с Гальдером, Гитлер, воодушевленный продвижением войск в новом наступлении, сказал начальнику генштаба, чтобы он напомнил Боку о ранее поставленных целях: не только о взятии Москвы, но и выходе к Ярославлю, к Рыбинску, а может быть, и к Вологде. Гальдер тут же сообщил фон Боку это пожелание фюрера, но Бок, не скрывая злости, ответил: «А где же я возьму войска?»

И все же Гальдер, высоко оценивая личное мужество фон Бока, 22 ноября записал в своем дневнике: «Фельдмаршал фон Бок лично руководит ходом сражения под Москвой с передового командного пункта. Его неслыханная энергия гонит войска вперед. Правда, на южном фланге и в центре 4-й армии продвижения больше не получится, войска здесь совершенно измотаны и неспособны к наступлению. Однако на северном фланге 4-й армии и у 3-й танковой группы имеется еще возможность успеха, и она используется самым решительным образом. Фон Бок сравнивает сложившуюся обстановку с обстановкой в сражении на Марне, указывая, что создалось такое положение, когда последний брошенный в бой батальон может решить исход сражения».

А Бок тем временем прибыл на самый передовой наблюдательный пункт и, как он уверял, видел Москву в бинокль. В Красную Поляну были подвезены орудия большой мощности для обстрела Москвы. Фон Бок ждал, что советская оборона рухнет не то чтобы со дня на день, а просто с часа на час. Его очень обрадовало известие о том, что в районе Яхромы Рейнгардт захватил плацдарм, переправившись через канал.

Но эта радость была недолгой. Вскоре пришла весть о том, что части Рейнгардта выбиты с того берега. Фон Бок понимал, что наступление захлебывается. Он был опытный вояка и почувствовал, что уже имеет дело не только с ранее оборонявшимися частями, что появились и какие-то новые силы. Он понял: нависает катастрофа. Фон Бок был близок к отчаянию. И в этот момент ему позвонил начальник оперативного отдела генштаба Хойзингер:

— Фюрер хочет знать, когда можно будет объявить об окружении Москвы?

Бок не стал с ним говорить и потребовал к телефону главнокомандующего Браухича.

Интересный разговор состоялся между фон Боком и Браухичем.

Бок: Положение критическое. Я бросаю в бой все, что у меня есть, но у меня нет войск, чтобы окружить Москву... Я заявляю, что силы группы армий «Центр» подошли к концу.

Браухич: Фюрер уверен, что русские находятся на грани краха. Он ожидает от вас точного доклада: когда же этот крах станет реальностью?

Бок: Командование сухопутных войск неправильно оценивает обстановку...

Браухич: Но за исход операции отвечаете вы!..

Бок: Верховное командование просчиталось. Прошу доложить фюреру, что группа не может достичь намеченных рубежей. У нас нет сил. Вы меня слышите?

Браухич: Фюрер хочет знать, когда же падет Москва?

Понимая, что Браухич или умышленно не слышит его, или боится услышать, чтобы потом не сообщать неприятные вести Гитлеру, фон Бок после разговора по телефону послал ему еще телеграмму такого же содержания.

В общем, как видим, фон Бок понял, что катастрофа произошла. Словно добивая, 3 декабря, в день его рождения, ему со всех сторон стали докладывать: наступление прекратилось. Гёпнер известил, что его танковая группа выдохлась окончательно, 2-я армия докладывала о том же, Гудериан прямо сказал о провале наступления.

5 декабря Гудериан получает разрешение на отход. Рейнгардту фон Бок дает согласие на переход к обороне, Клюге разрешается отойти. Это был крах, бесславный конец операции «Тайфун».

Мне хочется в заключение привести один эпизод, который логически завершает наступление гитлеровцев на Москву. Я имею в виду ближе всего прорвавшихся к нашей столице разведчиков противника. Это были последние шаги грандиозно задуманного блицкрига, последняя затухающая искра «молниеносной войны». По-разному выглядит в устных рассказах этот эпизод, да и в печать он попал тоже в разных вариантах. Не буду приводить эти варианты, но вот недавно, в октябре 1988 года, журналист Лев Колодный на страницах «Московской правды» коснулся и этого случая. Он разыскал тех, кто участвовал в стычке с прорвавшимися к Москве, подразделениями немцев. То, видимо, были передовые разведывательные части, которые прорвались, когда был нанесен удар танковыми группами и полевой армией на Москву с севера. Подполковник

в оставке А. Мишин рассказал, что он служил тогда в дивизии НКВД им. Дзержинского, задачей которой была борьба с фашистскими авиадесантами. Она была своеобразным маневренным резервом в районе Минского, Волоколамского и Ленинградского шоссе. И вот 16 октября поступила радиограмма о необходимости выдвинуться в район Крюкова и уничтожить противника. 1-я рота во главе с лейтенантом И. И. Стрепко, выполняя этот приказ, встретила в районе моста в Химках мотоциклистов. Они сначала подумали, что это наши мотоциклисты, но те вдруг открыли по ним огонь, и тогда стало ясно, что это гитлеровцы.

Наши танкисты тоже открыли пулеметный огонь и уничтожили два экипажа мотоциклистов, а три по пешеходной дорожке моста, прикрываясь от огня фермами, прорвались к водной станции «Динамо» и были здесь уничтожены. Как они прорвались — по дороге или по бездорожью, — было непонятно, но факт остается фактом. Эти мотоциклисты, прорвавшиеся к водной станции «Динамо», и были самыми первыми и последними из гитлеровцев, кто добрался до самой Москвы.

НА ТОЙ СТОРОНЕ, ДЕКАБРЬ 1941 ГОДА

В «Волчьем логове» стратегическое положение на восточном фронте все еще не считалось катастрофическим. Вот любопытная немецкая разведывательная сводка тех дней, которая суммированно оценивала состояние и возможности Красной Армии: «...боевая численность советских соединений сейчас слаба, оснащение тяжелым оружием и орудиями — недостаточно. В последнее время вновь сформированные соединения появляются реже; чаще отмечается переброска отдельных воинских частей со спокойных участков фронта на близлежащие кризисные участки. Судя по этому, сколько-нибудь значительные сформированные соединения в настоящее время отсутствуют в резерве. Ввиду того что с Дальнего Востока на Западный фронт уже были переброшены двадцать три стрелковых, одно кавалерийское и десять танковых соединений, ожидать прибытия частей с Дальнего Востока в ближайшее время не приходится, правда, могут быть переброшены части с Кавказа. Однако и там новые соединения, кроме уже известных, до сих пор зарегистрированы не были».

Вот так немецкая разведка, как говорится, проморгала три новые мощные армии, которые были сформированы Ставкой.

В «Вольчем логове» и в генеральном штабе, основываясь на успокоительных данных своей разведки, надеялись спокойно перенести катастрофу, произошедшую под Москвой, и подготовить свои войска к дальнейшим операциям в той паузе, которая, как они считали, наступила. Верховное главнокомандование разработало специальную директиву № 39, которую Гитлер подписал 8 декабря 1941 года. Как говорится, сохраняя хорошую мину при плохой игре, игнорируя провал наступления на Москву и ни слова не говоря о начавшемся нашем контрнаступлении, фюрер спокойно заявлял: «Преждевременное наступление холодной зимы на восточном фронте и возникшие в связи с этим затруднения в подвозе снабжения вынуждают немедленно прекратить все крупные наступательные операции и перейти к обороне...»

Что это? Незнание обстановки? Желание поддержать боевой дух своей армии? На фронте гонят гитлеровские дивизии в хвост и в гриву, они отступают, бросая тяжелую технику, раненых и обмороженных, а фюрер спокойно рассуждает о «затруднениях» в связи с «преждевременным наступлением холодной зимы...».

Может быть, Гитлер действительно не знал всей правды? Вспомним первые дни войны, когда Сталин лихо приказывал нашим армиям перейти в наступление, изгнать вторгшегося на нашу землю врага и выйти аж к Варшаве и в глубь Восточной Пруссии! Но у гитлеровского командования — в отличие от нашего — информация о положении своих войск была более точной. Желание замолчать постигшую катастрофу было умышленным, рассчитанным психологическим маневром. Об этом свидетельствуют немецкие документы.

В директиве главнокомандующего сухопутными войсками Браухича, которую он подписал в тот же день, что и Гитлер директиву № 39, 8 декабря, кроме «снегопадов», «холодов» и одержанных «больших побед» значится: «Однако главная цель — окончательно вывести Россию из строя в военном отношении — все еще стоит перед нами». Поэтому Браухич озабочен сохранением главнейшего качества, необходимого для дальнейших боев, а именно «морального духа и стойкости войск», для чего нужны «неутомимая забота о войсках и постоянное моральное воздействие на солдат». Вскоре Гитлер отдает группе армий «Центр» еще один спокойный и «мягкий» приказ: «Лишь после того, как на тыловые отсеченные позиции прибудут резервы, можно будет подумать об отходе на эти позиции». Толь ко «подумать»! А на фронте под Москвой в эти часы идет стремительный отход, вернее, откат немецких частей.

В дни подобных кризисных ситуаций, мне кажется, очень любопытно заглянуть в стан противника, в верхний эшелон руководства. Реальные события, происходившие там, можно восстановить по записям телефонных и обычных разговоров, по тем немецким документам, которыми я располагаю.

Поздно вечером 16 декабря из Берлина позвонил в штаб группы армии «Центр» главный адъютант фюрера полковник Шмундт и сообщил:

— Фюрер отстранил от дел главнокомандующего сухопутными силами фельдмаршала Браухича. Прошу теперь непосредственную связь с фюрером поддерживать через меня.

Фельдмаршал фон Бок понял, что начинаются поиски «козлов отпущения», на всякий случай он подробно изложил Шмундту новые обстоятельства резкого ухудшения обстановки и спросил:

— Достаточно ли ясно генерал-фельдмаршал фон Браухич обрисовал фюреру всю серьезность обстановки и передал ли он мое мнение, что если группа

армий не отойдет, то существует опасность ее полного разгрома?

Шмундт ответил:

— Главнокомандующий сухопутными силами не сообщал фюреру мнения командования группы армий.

Бок тут же зачитал свое донесение от 13 декабря: ...Вопрос, который ждет своего решения, выходит за рамки чисто военной стороны дела. Фюрер должен решить: или группа армий остается на этих рубежах, что влечет за собой опасность ее разгрома, или она должна отойти, что также таит в себе опасность. Если он решит отходить, то должен знать, что еще сомнительно, имеется ли в тылу достаточно сил, чтобы удерживать неподготовленные и, по существу, такие же по протяженности позиции. Небольшие обещанные мне подкрепления подходят так медленно, что они не сыграют при этом решении существенной роли».

И еще Бок добавил:

— Причина, по которой сомнительно, чтобы войска смогли удержаться на новом неподготовленном рубеже, достаточно ясна, так как в связи с нехваткой горючего и обледенением дорог я лишусь моторизованных соединений, а также артиллерии на конной тяге... Что касается приказа фюрера держаться, то я боюсь, что войска все же будут отходить и приказ не будет выполнен.

Шмундт на это сказал:

— Фюрер взял все в свои руки, и будет сделано все возможное, чтобы обеспечить удержание занимаемых рубежей. Достойно сожаления, что фюрер, как выяснилось, до сих пор не был правильно информирован о серьезности обстановки на фронте.

Бок ответил ему:

— Фюрер должен знать, что здесь идет игра ва-банк. В его приказе говорится, что я должен использовать все наличные резервы, чтобы закрыть бреши. У меня больше нет резервов. Я прошу вас снова доложить об этом фюреру. Сегодня перебросил из тылового района два полицейских батальона. Это и есть мои «резервы», больше у меня ничего нет.

— Я сразу же доложу фюреру об этом разговоре,— пообещал Шмундт.

Помедлив, Бок сказал:

— Вы знаете, что состояние моего здоровья оставляет желать много лучшего. Если фюрер считает, что здесь нужны свежие силы, он не должен ни при каких обстоятельствах считаться со мной. Я прошу вас об этом также доложить фюреру. Поймите меня правильно: это не угроза, а исключительно констатация факта.

— Я доложу фюреру и об этом,— был ответ.

Главный адъютант выполнил обещание. Фюрера, видимо, обеспокоила не столько болезнь фон Бока, сколько его подавленное состояние. Он тут же позвонил фон Боку:

— Мне передали донесение, которое вы направили генерал-фельдмаршалу фон Браухичу от 13 декабря. При существующем положении нет никакого смысла отступать на неподготовленные, недостаточно оборудованные позиции, особенно если учесть, что придется оставить артиллерию и большое количество материальных запасов, и тем более что через несколько дней можно оказаться в подобной же ситуации, только без тяжелого оружия и артиллерии. Таким образом, существует только одно решение — ни шагу назад, закрыть бреши и удерживать занимаемые рубежи.

Бок доложил:

— Мною отдан приказ в этом духе, но обстановка настолько напряженная, что фронт группы армий в течение часов может быть где-то прорван.

Фюрер ответил:

— Тогда я буду вынужден с этим считаться.

18 декабря генерал-фельдмаршал фон Бок был освобожден от командования группой армий «Центр», ее новым командующим стал генерал-фельдмаршал фон Клюге, до этого командовавший 4-й армией.

Смена командующих не повлияла на ход событий — войска продолжали отступать, а точнее, их вышибали советские части.

Став после снятия Браухича главнокомандующим сухопутными войсками, Гитлер тотчас же отдал группе армий «Центр» грозное указание: «Недопустимо никакое значительное отступление, так как оно приведет к полной потере тяжелого оружия и материальной части. Командование армий, командиры соединений и все офицеры своим личным примером должны заставить войска с фанатическим упорством оборонять занимаемые позиции, не обращая внимания на противника, прорывающегося на флангах и в тыл наших войск. Только такой метод ведения боевых действий позволит выиграть время, которое необходимо, чтобы перебросить с родины и с Запада подкрепления, о чем мною уже отдан приказ...

Если выше я говорил о высокой штабной культуре, четкости и ясности немецких боевых документов, то первый же приказ Гитлера в должности главнокомандующего сухопутными войсками, даже один приведенный выше абзац свидетельствует о растерянности, порождающей бессмыслицу в военном отношении. Как можно вести боевые действия, не обращая внимания на противника, прорывающегося на флангах и в тылы? Это нечто новое не только в военной теории, но даже и среди курьезов из военной жизни. Что касается «фанатического упорства», то оно осталось, пожалуй, лишь у самого Гитлера и немногих к нему приближенных. В журнале боевых действий 3-й танковой группы, который еще недавно заполнялся записями о скором вступлении на улицы Москвы, теперь были другие слова. Прежде чем их привести, хочу отметить, что это не эмоциональный всхлип какого-то обессилевшего человека, это выписка из официального штабного документа! «Можно видеть, как бредут порознь солдаты, тащатся то за санями, то за коровами... Солдаты производят отчаянное впечатление... Просто невозможно придумать, как удержать фронт».

Гитлер, не веря никому, послал на фронт своего главного адъютанта полковника Шмундта. Тот, возвратясь, доложил, что группа армий «Центр» на грани полного развала. Но и после этого Гитлер продолжал требовать от войск беспрекословного выполнения своего «стоп-приказа». Он никак не хотел ни понять, ни примириться с тем, что происходит. Скажу еще раз: в этом он был очень похож на Сталина, который часто, не

воспринимая реальной обстановки, исходил из того, что ему хотелось бы видеть.

Надеясь своей непреклонностью и жестокостью напугать генералов и войска, Гитлер снимает с должностей многих генералов, не считаясь с их опытом и прошлыми заслугами. За короткое время отстранены: главнокомандующий сухопутными войсками Браухич, командующие группами армий — фельдмаршал фон Рундштедт («Юг»), фельдмаршал фон Бок («Центр»), фельдмаршал фон Лееб («Север»), командующие армиями Штраус и другие, всего больше сорока военачальников верхнего эшелона. В эти дни фюрер, как вспоминают близкие к нему тогда люди, и прежде вспыльчивый и раздражительный, стучал кулаками по столу, кричал на генералов, что они не умеют воевать! А вечером в кругу самых близких, за чаем, утешал себя: «Переносить победы может всякий. Поражения — только сильный!»

Особую злость проявил Гитлер при снятии Гёпнера, который ближе всех был к Москве и так перечеркнул все радужные надежды фюрера. 26 декабря был отстранен от должности и направлен в резерв бывший любимчик Гудериан, который не выполнил «стоп-приказ» Гитлера и ради сохранения войск отвел их назад без приказа главного командования.

30 декабря произошел такой разговор по телефону между начальником генерального штаба Гальдером и новым командующим группой армий «Центр» генерал-фельдмаршалом Клюге, который доложил:

— Русские снова прорвали оборону 4-й армии: в полосе 98-й дивизии русские перешли Протву и заняли Анисимовку. В полосе 15-й дивизии русские взяли Климкино и прорываются в направлении на Боровск.

Гальдер усомнился:

— Нет ли преувеличений в оценке обстановки?

Клюге ответил:

— Все абсолютно точно. Дивизии не могут больше удерживать свои позиции. Отход должен быть осуществлен сегодня ночью. Приказы об этом должны быть отданы сегодня днем.

Неожиданно в разговор вступил фюрер, он слушал предыдущий разговор по своему телефону. Фюрер спросил:

— Сколько материально-технических средств будет потеряно предположительно при этом отступлении?

Клюге ответил:

— Я надеюсь, что не много. Чем скорее будет принято решение, тем меньше материально-технических средств будет потеряно.

Фюрер вскипел:

— Отступлению не видно конца, так можно отступить и до Днепра или до польской границы. Непонятно, почему отступает весь фронт, если противник не наступает по всему фронту?.. Преимущество сокращенной линии фронта, которое достигается при отходе, ничего не стоит из-за потерь в материально-технических средствах. Кроме того, за нынешними позициями не видно каких-либо других позиций, которые бы представляли возможность обеспечить фланги... Ввели ли русские в бой тяжелую артиллерию?

Клюге дал отрицательный ответ. На это фюрер заметил:

— Я, видимо, отсталый человек, так как во время первой мировой войны не раз был свидетелем того, как войска подвергались ураганному обстрелу артиллерии и, несмотря на это, даже если их оставалось только десять процентов прежнего состава, удерживали свои позиции.

— Не следует забывать, что в противоположность мировой войне во Франции здесь, на Востоке, боевые действия ведутся теперь при температуре 20—30 градусов мороза,— ответил Клюге.

— По донесениям, которые я получил, число случаев обморожения не очень высоко: около 4000,— возразил Гитлер.

Клюге на это сказал:

— Войска как физически, так и духовно утомлены, а случаев обморожения значительно больше, чем указывается в ежедневных сводках штаба группы армий. Командир корпуса заявил, что если 15-й дивизии будет приказано удерживать позиции, то вследствие чрезмерного изнурения войска не смогут это сделать.

Фюрер произнес:

— Если дело обстоит так, то это конец немецкой армии...

Некоторое время собеседники молчали. Затем Гитлер сказал:

— Я позвоню вам позднее.

И действительно позвонил примерно через час, но опять потребовал: «Не отходить!»

Гитлер ни за что не хотел отводить войска с достигнутых рубежей, он надеялся восстановить их боеспособность и все же завершить свои планы, осуществление которых до Москвы шло так удачно.

Однако здесь-то и проявился тот просчет, который мы называем уже примелькавшимся словом — авантюризм. Этот термин мы применяли по отношению к военной политике фашистской Германии часто, но не всегда, на мой взгляд, обоснованно. В словаре русского языка слово «авантюризм» объясняется как «дело, начатое без учета реальных сил и условий, в расчете на случайный успех». Исходя из этого определения, вряд ли можно назвать стратегические цели Гитлера в войне против Польши, Франции и других европейских стран авантюристическими, раз все они осуществились: армии противника были разбиты, территории государств завоеваны. Если бы он на этом остановился, может быть, и по сей день Европа находилась бы под гитлеровским владычеством...

Но вот что безусловно — это то, что авантюризм стратегии Гитлера проявился в битве под Москвой, когда стало ясно, что средств для достижения поставленных целей не хватило. И здесь Гитлер, конечно, тоже не рассчитывал на «случайный успех». И он сам, и генштаб верили в свои расчеты. «Блицкриг оказался авантюрой не по замыслу, а по исполнению, по тому, что не были приняты во внимание противостоящие «реальные силы», то есть силы нашего народа, нашей страны.

Ах, как заметался Гитлер после поражения под Москвой! Он убеждал, угрожал, уговаривал, играл на

самолюбии генералов, лишь бы остановить войска на достигнутых рубежах. Он еще раз звонит Клюге:

— Сделайте все возможное, иначе войска займут новые позиции в еще более плачевном состоянии, нежели то, в котором они сейчас.

Клюге юлит, не может сказать прямо, что удержаться на занимаемых позициях невозможно, что их фактически нет — войска отходят. Он боится гнева фюрера, но ему нужно официальное разрешение на отход, чтобы не сняли голову за невыполнение приказа Гитлера — удерживать занимаемые позиции.

С начальником генштаба Гальдером у фон Клюге уже другой тон и бóльшая откровенность. Он спрашивает вечером 31 декабря:

— Одобрил ли фюрер отход 9-й армии?

Гальдер сообщил:

— Я еще не докладывал фюреру, но фюрер никогда не одобрит отход и, конечно, не отдаст такого приказа.

Клюге ответил:

— Фюрер должен наконец уяснить себе положение дел, и, если, несмотря ни на что, он будет настаивать на своем, тогда должен отдать приказ держаться. В этом случае у меня отпадет забота каждый раз вновь указывать на критическое положение, но я буду вынужден доложить через восемь дней, что группа армий больше не существует.

Гальдер спросил удивленно:

— Неужели войска так мало способны к ведению оборонительных действий?

На это Клюге ответил:

— Вы же не знаете, как люди выглядят! Если бы мы, как я предлагал, отошли раньше, то все шло бы по плану и в полном порядке. Теперь этого нельзя гарантировать — дивизии разбиты. Нам все равно придется отступать, хотим мы того или нет!

Мне кажется, с противоположной стороны фронта очень хорошо видно, как умело бил Жуков армии противника. Он не давал им передышки ни на минуту. Несколько фельдмаршалов и наконец сам Гитлер, взявший на себя командование сухопутными войсками, ничего не могли противопоставить предприимчивым действиям армий Жукова. Он вцепился в противника мертвой хваткой, не давал ему возможности оторваться, передохнуть, закрепиться на промежуточном рубеже. С точки зрения военного искусства это были блестящие контрудары, так как у Жукова не было превосходства в силах, которое необходимо для наступления. Три новые армии, выделенные Ставкой, прибавили мощи Западному фронту, но все же при подсчете соотношения сил они не давали нашей стороне необходимого превосходства: гитлеровцы имели живой силы в 1,5 раза больше, артиллерии — в 1,4, танков — в 1,6 раза больше.

Но все-таки наши войска шли вперед, те самые войска, которые выстояли в тяжелейших оборонительных боях. Наконец-то впервые за войну они шли вперед, чего так долго ждали вся армия и весь советский народ!

Значение Московского сражения для Жукова как полководца он сам оценивал так:

— Когда меня спрашивают, что больше всего запомнилось из минувшей войны, я всегда отвечаю: битва за Москву.

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

О сражении под Москвой написано много специальных книг, много рассказывается о нем в воспоминаниях военачальников самых различных рангов. Но и по сей день, на мой взгляд, многочисленные описания этого сражения не обладают достаточной достоверностью.

Высказывались самые различные точки зрения на то, что произошло в начале декабря под Москвой. Одни называют это контрнаступлением, другие говорят, что контрнаступления фактически не было, а просто немцы начали отход и было преследование. Есть и третья, пожалуй, самая фантастическая версия, но в свое время бывшая довольно распространенной. Суть ее такова: будто бы Сталин, по примеру Кутузова, нарочно заманил немцев под Москву, где их заморозил, заставил голодать, а потом погнал вспять от столицы.

Я знаю одного из родоначальников этой версии. В те годы, когда я учился в Академии им. Фрунзе (я окончил ее в 1947 году), там же, только на курс старше, учился подполковник П. А. Жилин. Темой его дипломной работы было «Контрнаступление Кутузова в 1812 году». В этой работе и была проведена вышеуказанная параллель с современностью. Дипломная работа была замечена. Кто-то, видимо, рассказал о ней кому-то повыше. Жилин сразу после окончания академии назначается в военно-научный отдел Генерального штаба. Он защищает — на ту же тему — кандидатскую диссертацию, где еще и еще раз развивает мысль о преднамеренности отступления, то есть о сознательном заманивании противника в глубь страны, затем публикует книгу, созданную на основе диссертации. Книга попала на глаза Сталину. Он остался очень доволен тем, что так хорошо, по-научному, снимаются наши беды 41-го года и его личные промахи и ошибки. Оказывается, он действительно великий полководец всех времен и народов, это он специально заманил под Москву гитлеровцев, а не они загнали нашу армию к столице и до Волги. В 1952 году Жилину за книгу присваивается Сталинская премия. После этого его карьера, естественно, пошла в гору, он становится заместителем главного редактора «Военно-исторического журнала».

Позднее П. А. Жилин перестроился, как и вся наша историческая военная наука. Завершил он свой жизненный путь на высокой должности начальника Института военной истории Министерства обороны СССР. Он автор более 120 научных работ в области отечественной военной истории. Этим коротким экскурсом я не хочу как-то укорить П. А. Жилина. Пусть это были, как говорится, грехи его молодости, но что было,

то было. Сказать об этом я считал нужным еще и потому, что Жилин был одним из тех, кто входил в группу по правке рукописи Жукова.

Есть еще одна точка зрения на Московское сражение. Я говорю о генерале Ф. И. Голикове. Он написал и издал в 1952 году, при жизни Сталина книгу «Выдающиеся победы Советской Армии в Великой Отечественной войне». О битве под Москвой там сказано так: «Гениальный полководец товарищ Сталин послал на фронт свежие, хорошо вооруженные, обученные войска. Сталинский план разгрома немецко-фашистских войск под Москвой обеспечил все необходимое для мощного контрнаступления. Красная Армия, оснащенная первоклассной техникой, ждала только приказа своего Главнокомандующего, товарища Сталина, чтобы перейти в контрнаступление. И в тот момент, когда гитлеровцы считали, что цель похода на Москву почти достигнута, советские войска обрушили на них свою могучую силу... Разгром немецко-фашистских войск под Москвой показал превосходство стратегического плана наступательных операций, разработанного товарищем Сталиным, над стратегией гитлеровцев».

Надо обладать немалым искусством, чтобы, говоря о грандиозном сражении за Москву, не написать ни слова правды! Ну, справедливости ради, выделим одно верное выражение: «гитлеровцы считали, что цель похода на Москву почти достигнута»,— все остальное неправда и подтасовка!

Было бы очень любопытно найти сегодня «гениальный стратегический план товарища Сталина». Но я абсолютно уверен, что никто и никогда его не найдет, потому что в природе такого плана, разработанного Сталиным, не существует.

Да и Жуков сам говорит о том, что плана контрнаступления, такого, какой обычно разрабатывается для проведения операций, по сути дела, не было.

Наиболее полно Георгий Константинович высказался на эту тему в беседе с работниками «Военно-исторического журнала» 13 августа 1966 г., когда в этом журнале готовилась статья Жукова «Контрнаступление под Москвой». Беседа эта была записана, и доктор исторических наук генерал-лейтенант Н. Павленко, бывший редактор журнала, впоследствии опубликовал запись этой беседы. Приведу выдержки из нее, они довольно длинные, но надеюсь, что они помогут читателям получить наиболее достоверное представление о происходившем.

Сотрудники редакции, готовившие к печати статью Жукова, попросили уточнить, как он оценивал силы врага в этот момент. Жуков сказал: «Мною дана формулировка об истощении противника. Эта оценка касалась тех ударных группировок, которые наносили удар северо-западнее Москвы и в районе Тулы, на которые германским командованием была возложена задача сломить сопротивление на флангах фронта... Я исходил из того, что они, безусловно, для достижения этой цели выдохлись. И не случайно Гудериан отказался от продвижения и без приказа главного командования начал отходить... Северо-западнее командующий танковой группой Гёпнер также без приказа ставки Гитлера и без приказа командующего группой армий «Центр» начал отводить свои части... О полном истощении группы армий «Центр» я не говорю. Наоборот, я говорю, что мы начали свое контрнаступление, не имея превосходства. Речь идет только об истощении на флангах».

Второй вопрос, на который отвечал Жуков, касался вопроса о контрнаступлении. «Это действительно весьма неясный и запутанный вопрос. Когда мы в конце ноября и в начале декабря организовывали сопротивление противнику, затем применили более активную форму — контрудар наносили, в наших замыслах четко обоснованного мнения о том, что намечается такое контрнаступление, каким оно потом оказалось, не было. Это было осознано в полной мере тогда, когда события развернулись более благоприятно: с одной стороны, Гудериан начал пятиться, с другой — Гёпнер начал отходить. И когда контрудары 1-й ударной армии и группы Лизюкова начали отбрасывать противника, в порядке логического продолжения все это нарастало и в конце концов к восьмому декабря вылилось в более широкое контрнаступление... Но у нас нет такого приказа, где заранее, допустим, 30 ноября, 1—2 декабря отдали бы приказ на контрнаступление. Такого в классическом понимании начала контрнаступления, как это было, допустим, под Сталинградом, не было. Оно пошло как развитие контрударов. ...Когда фланги у противника были разбиты и противник начал поспешно отходить, представилась возможность за счет некоторых перегруппировок двинуться в центр... При переходе к контрударам и в контрнаступление мы ни одного солдата, ни одной пушки, ни одного пулемета в центральные армии не дали. А все наращивалось на флангах, потому что здесь были главные группировки противника. И их мы хотели в первую очередь измотать, обескровить, с тем чтобы выйти скорее флангами вперед и этим самым поставить под угрозу центр».

Жукова спросили — нельзя ли разграничить во времени контрудар и контрнаступление, провести между ними рубеж?

Он ответил: «Его не было, такого резкого. Одно переплеталось с другим, одно вытекало из другого. Я думаю, надобности в академическом разграничении нет... Если бы противник оказал серьезное сопротивление нашим контрударам, никакого контрнаступления не состоялось бы. Ставке пришлось бы сосредоточивать новые силы и производить новые перегруппировки для того, чтобы сломить сопротивление противника. Тогда мы не обошлись бы 1-й и 10-й армиями...»

Вот как Жуков в своих воспоминаниях излагает последовательность событий:

«29 ноября я позвонил Верховному Главнокомандующему и, доложив обстановку, просил его дать приказ о начале контрнаступления. Сталин слушал внимательно, затем спросил:

— А вы уверены, что противник подошел к кризисному состоянию и не имеет возможности ввести в дело какую-нибудь новую крупную группировку?

— Противник истощен. Но если мы сейчас не ликвидируем опасные вражеские вклинения, немцы смогут подкрепить свои войска в районе Москвы крупными резервами за счет северной и южной группировок

своих войск, и тогда положение может серьезно осложниться.

Сталин сказал, что он посоветуется с Генштабом...

Поздно вечером 29 ноября нам сообщили, что Ставка приняла решение о начале контрнаступления и предлагает представить наш план контрнаступательной операции. Утром 30 ноября мы представили Ставке соображения Военного совета фронта по плану контрнаступления, исполненному графически на карте с самыми необходимыми пояснениями... Я направил с планом только коротенькую записку Александру Михайловичу Василевскому: «Прошу срочно доложить народному комиссару обороны товарищу Сталину план контрнаступления Западного фронта и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой».

К графическому плану была приложена объяснительная записка, как Жуков представлял себе проведение этих контрударов. На этом плане Сталин написал: «Согласен» — и поставил подпись.

Вот такова правда о начале контрнаступления. Поэтому я так убежденно говорю, что никто никогда не найдет ни в каких архивах гениальный план Сталина по проведению контрнаступления под Москвой, о котором писал Ф. И. Голиков, да и не только он один.

И инициатива контрударов, их замысел и осуществление принадлежат Георгию Константиновичу Жукову.

Я вовсе не хочу вступать в противоречия с маршалом Василевским, который в своих воспоминаниях пишет о том, что Ставка готовила контрнаступление. Разумеется, сама идея, что контрнаступление когда-то должно состояться, что для этого надо готовить стратегические резервы (и они готовились!), эта идея в Ставке Верховного Главнокомандования существовала. Но если бы Ставка продолжала собирать и сосредоточивать силы согласно этой своей идее, то случилось бы то, о чем говорил Жуков: немцы или закрепились бы очень прочно на достигнутых рубежах, или подтянули бы свежие силы из северных и южных группировок. А замысел Жукова в том и состоял, чтобы переходить в контрнаступление немедленно, наличными силами. При этом он понимал, что общее наступление по всему фронту, как это бывает обычно здесь осуществлено быть не может, сил для этого недостаточно. Потому-то предлагаемое им контрнаступление должно было происходить и происходило так своеобразно.

В сущности, Василевский, определяя контрнаступление, говорит о тех же контрударах, что и Жуков, но поскольку в этой операции участвуют несколько фронтов и авиация, то у Василевского есть основание называть все это контрнаступлением. Но по объективной оценке того, что происходило в действительности, общего контрнаступления все же не было, и Калининский, и Юго-Западный фронты лишь прибавляли еще по одному контрудару на своих участках для содействия Западному фронту.

Василевский вспоминает, что Конев, услыхав от него о приказе наступать, заявил, что Калининский фронт не располагает силами для наступления. Только после долгих убеждений Василевского Конев все же обещал нанести удар на Тургиново с целью прорвать оборону и выйти в тыл противнику. Как видим, речь идет лишь об ударе, чтобы выйти в тыл войскам, противостоящим фронту Жукова, и тем самым поколебать их устойчивость.

На Юго-Западном фронте, о включении которого в контрнаступление вспоминает маршал Москаленко, происходило следующее: «Говоря об особенностях контрнаступления против 2-й немецкой армии в районе Ельца, нужно прежде всего отметить, что оно началось с тех рубежей, на которые отошли наши войска только накануне вечером в ходе оборонительных боев. Иначе говоря, началось без предварительной подготовки и сосредоточения сил, прямо с ходу: вчера оборонялись, отступали, а сегодня перешли в наступление». Все участие Верховного заключалось в одном приказе — наступать! Как пишет Москаленко: «потребовалось, фигурально выражаясь, лишь повернуться через левое плечо и разить противника, под натиском которого мы еще вчера отступали».

Эти суждения крупных военачальников, на мой взгляд, склоняют нас согласиться с точкой зрения Жукова. И дело тут не только в разной терминологии: у Жукова — контрудары, у Василевского — контрнаступление, но и в том, что́ подразумевается под этими понятиями.

Один из факторов, на который делал ставку Жуков,— это внезапность. Противник не ожидал, что советские части способны перейти к столь активным действиям. Из дневниковых записей Бока, Гальдера и других гитлеровских генералов видно: они считали, что Красная Армия уже не располагает силами, и намеревались спокойно использовать передышку для подготовки к новым операциям. Вот тут-то Жуков и преподнес им сюрприз!

Этим я хочу еще раз подчеркнуть, что именно Жуков придумал немедленные контрудары, а то большое, масштабное контрнаступление, которое готовила Ставка, требовало еще и много времени, и многих сил, и к тому моменту, когда бы его фундаментально подготовили, еще неизвестно, принесло бы оно такие же успехи, каких добился Жуков.

К сожалению, в описании и характеристике Московской битвы, как, впрочем, и других сражений Великой Отечественной войны, в книгах о войне, изданных до перестройки, встречается немало неправды и даже фальсификации. Даже в таких официальных научных изданиях, как, например, Большая Советская Энциклопедия, в статье «Московская битва» (2-е изд., т. 28, вышел в 1954 году) вы не найдете строк о том, что в битве этой руководил нашими войсками Г. К. Жуков.

В фундаментальной 12-томной «Истории второй мировой войны 1939—1945 гг.» о контрударах под Москвой в декабре 1941 года говорится как о контрнаступлении. О роли Жукова вообще ничего не сказано. Все приписывается Ставке Верховного Главнокомандо-

вания: «К концу ноября в Ставке окончательно созрел замысел контрнаступления...», «Ставка заранее довела до командующих Западным и Юго-Западным фронтами общие задачи в контрнаступлении...» и т. д. Это было издано в 1975 году, то есть через девять лет после того, как были опубликованы процитированные выше слова Жукова о том, что сначала были контрудары, а потом уже — в январе — контрнаступление...

Почему же такое писалось? Если у вас есть под рукой эта «История...», откройте первую страницу любого из этих 12 томов, а если нет, я вам помогу: там указаны имена членов главной редакционной комиссии, консультантов, авторов каждого тома. Уважаемые имена: крупнейшие военачальники, ученые. А заместитель председателя главной редакционной комиссии — генерал-лейтенант П. А. Жилин, тот самый, который разрабатывал концепцию контрнаступления под Москвой как итог заманивания врага. Да, видимо, очень трудно избавиться от инерции и в науке...

Итак, напомню: после того как 5 декабря ударил Калининский фронт (командующий И. С. Конев), 6-го — Юго-Западный (командующий С. К. Тимошенко) и 6 же декабря войска Западного фронта под командованием Жукова нанесли контрудары по главным группировкам противника севернее и южнее столицы, наши войска с тяжелыми боями пошли вперед. В начале января противник был отброшен от Москвы на рубеж Наро-Фоминск — Малоярославец — Сухиничи — Белев.

5 января 1942 года в Москве было созвано совещание Ставки по поводу того, что делать дальше после выхода войск на указанный рубеж.

Стенограммы на заседаниях Ставки не велись (в отличие от немцев, у которых каждое слово на всех совещаниях фиксировалось). Каких-либо документов (кроме директивы) или чьих-то записей я тоже не нашел, поэтому пересказываю по воспоминаниям Жукова с некоторыми сокращениями и моими комментариями.

Докладывал об обстановке и намечаемых действиях начальник Генерального штаба. Со свойственной ему рассудительностью он объективно оценивал обстановку, сравнивал силы сторон, предупреждал, что, несмотря на отступление от Москвы, гитлеровцы еще имеют возможность наносить сильные удары.

Сталин слушал Шапошникова с явным неудовольствием, его, видимо, раздражала медлительность, которая, как ему казалось, была не только в темпе речи начальника Генштаба, но и в действиях, которые он предлагал.

Наконец, Сталин прервал Бориса Михайловича:

— Немцы в растерянности от поражения под Москвой, они плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление. Враг рассчитывает задержать наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти к активным действиям. Он хочет выиграть время и получить передышку.

Никто из присутствовавших против этого не возразил, и Сталин продолжил:

— Наша задача состоит в том,— рассуждал он, прохаживаясь по своему обыкновению вдоль кабинета,— чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны...

На словах «до весны» он сделал акцент, немного задержался и затем разъяснил:

— Когда у нас будут новые резервы, у немцев не будет больше резервов...

Дальше Верховный изложил, как он понимает возможную перспективу войны, и наметил практические задачи отдельных фронтов. Его замысел был таков. Учитывая успешный ход подмосковного контрнаступления, целью общего наступления поставить разгром противника на всех фронтах — от Ладожского озера до Черного моря. Главный удар нанести по группе армий «Центр». Ее разгром осуществить силами левого крыла Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов путем двустороннего охвата с последующим окружением и уничтожением главных сил в районе Ржева, Вязьмы и Смоленска. Перед войсками Ленинградского, Волховского фронтов, правого крыла Северо-Западного фронта ставилась задача разгромить группу армий «Север». Войска Юго-Западного и Южного фронтов должны нанести поражение группе армий «Юг» и освободить Донбасс, а Кавказский фронт и Черноморский флот — освободить Крым. Переход в общее наступление осуществить в крайне сжатые сроки.

Изложив этот проект, Сталин предложил высказаться присутствовавшим.

Слово попросил Жуков:

— На западном направлении, где создались более благоприятные условия и противник еще не успел восстановить боеспособность своих частей, надо продолжать наступление. Но для успешного исхода дела необходимо пополнить войска личным составом, боевой техникой и усилить резервами, в первую очередь танковыми частями. Если мы это пополнение не получим, наступление не может быть успешным. Что касается наступления наших войск под Ленинградом и на юго-западном направлении, то там наши войска стоят перед серьезной обороной противника. Без наличия мощных артиллерийских средств они не смогут прорвать оборону, сами измотаются и понесут большие, ничем не оправданные потери. Я за то, чтобы усилить фронты западного направления и здесь вести более мощное наступление.

— Мы сейчас еще не располагаем материальными возможностями, достаточными для того, чтобы обеспечить одновременное наступление всех фронтов,— поддержал Жукова Н. А. Вознесенский.

— Я говорил с Тимошенко,— сказал Сталин.— Он за то, чтобы действовать и на юго-западном направлении. Надо быстрее перемалывать немцев, чтобы они не смогли наступать весной. Кто еще хотел бы высказаться?

Ответа не последовало. Обсуждение предложений Верховного так и не состоялось.

Выйдя из кабинета, Шапошников сказал Жукову:

— Вы зря спорили: этот вопрос был заранее решен Верховным.

— Тогда зачем же спрашивали наше мнение?

— Не знаю, не знаю, голубчик! — ответил Борис Михайлович, тяжело вздохнув.

Вот с этого заседания Ставки 5 января 1942 года и начинается, на мой взгляд, всеобщее контрнаступление, по которому именно Ставка принимала решение и организовывала его осуществление. А еще точнее, даже не Ставка, а Сталин единолично, как это делал он много раз прежде. Подтверждение этому можно найти в позднейших словах Жукова:

«Что такое Ставка? Вот я был членом Ставки от первого до последнего дня войны. Собиралась ли когда Ставка для обсуждения вопросов? Нет. Кто в Ставке был, кто вел разговоры? Сталин. Ставка — это Сталин. Генеральный штаб — его аппарат. Сталин вызывал в Ставку тогда, когда он считал нужным и кого считал нужным, был ли это член Ставки или это был просто командующий. Он вызывал его вместе с начальником Генерального штаба или с его заместителем и заслушивал мнение командующего и тут же Генерального штаба. Вот таким был метод работы Ставки... Когда нужно, Сталин говорил: «Маленков с Вознесенским, рассмотрите вместе с Жуковым то, что он просит. Через два часа доложите». Кто это — члены Ставки или это Государственный Комитет Обороны,— было трудно сказать. Сталин — Ставка, и Государственный Комитет Обороны — тоже в основном Сталин. Он командовал всем, он дирижировал, его слово было окончательным. Это как приказ, собственно. Сталин говорит — это есть приказ окончательный, обжалованию не подлежит... Сталин считал — враг под Москвой разгромлен, надо его добить, и это не должно вызывать возражений и подлежит исполнению. А то, что противник еще настолько силен, что загонит нас вскоре до Волги, Сталин этого не понимал и знать не хотел!»

Жуков прямо говорит:

«Весь замысел о переходе во всеобщее наступление на всех направлениях — это, конечно, не идея Генерального штаба, не замысел Шапошникова, который докладывал. Это исключительно был замысел лично Сталина».

Директиву о наступлении штабы фронтов получили 7 января 1942 года. А 10 января командующие фронтами и командармы получили директивное письмо Ставки Верховного Главнокомандования. В нем военное положение оценивалось в духе выступления Сталина на заседании от 5 января 1942 года и давались практические указания фронтам — для действий ударными группами и организации артиллерийского наступления.

Жуков так сказал об этом директивном письме:

«Указания директивного письма Ставки были приняты к безусловному исполнению. Однако я позволю себе еще раз сказать, что зимой 1942 года мы не имели реальных сил и средств, чтобы воплотить в жизнь все эти правильные с общей точки зрения идеи о широком наступлении. А не имея сил, войска не могли создавать необходимые ударные группировки и проводить артиллерийское наступление столь эффективно, чтобы разгромить в 1942 году такого мощного и опытного врага, как гитлеровский вермахт».

К сожалению, жизнь это подтвердила.

Общий же характер действий противника в этот период определялся приказом Гитлера от 3 января 1942 года, в котором, в частности, говорилось: «Цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего патрона, до последней гранаты — вот что требует от нас текущий момент».

Выполняя январскую директиву Ставки, 10 января 1942 года войска нашего Западного фронта (20-я армия, часть 1-й ударной и другие) начали наступление с целью прорыва фронта в районе Волоколамска. К 16—17 января здесь наметился определенный успех. Следовало бы его наращивать. Но 19 января поступил приказ Верховного вывести из боя 1-ю ударную армию в резерв Ставки. Жуков обратился с просьбой к Сталину оставить армию в его распоряжении.

В ответ — решительное:

— Выводите без всяких разговоров! У вас войск много, посчитайте, сколько у вас армий.

Жуков возражал:

— Товарищ Верховный Главнокомандующий, фронт у нас очень широк, на всех направлениях идут ожесточенные бои, исключающие возможность перегруппировок. Прошу до завершения начатого наступления не выводить 1-ю ударную армию из состава правого крыла Западного фронта, не ослаблять на этом участке нажим на врага.

Вместо ответа Сталин бросил трубку.

Жуков позвонил Шапошникову.

— Голубчик,— сказал Шапошников,— ничего не могу сделать, это личное решение Верховного.

Пришлось растянуть на широком фронте 20-ю армию. Ослабленные войска правого крыла фронта, подойдя к Гжатску, были остановлены обороной противника и продвинуться дальше не смогли.

Не буду подробно описывать дальнейший ход и итог общего наступления, приведу лишь мнение двух военных специалистов, прекрасно разбирающихся в предмете.

Маршал Василевский: «В ходе общего наступления зимой 1942 года советские войска истратили все с таким трудом созданные осенью и в начале зимы резервы. Поставленные задачи не удалось решить».

Академик Самсонов: ...переход в общее наступление на всех основных стратегических направлениях без достаточного учета реальных возможностей фронтов провалился».

Таков итог этой авантюристической затеи Сталина. Увы, если вспомнить определение слова «авантюра» — дело, предпринятое без учета реальных сил и условий, то нельзя не признать, что эта формула вполне подходит к общему наступлению, предпринятому по личному решению Сталина. И стоила эта авантюра десятков (если не сотен) тысяч жизней наших солдат и офицеров.

Я так подробно остановился на проблеме разграничения контрударов и общего наступления, чтобы стало отчетливее видно, почему прежде всего сам Сталин, а за ним почти все наши военные историки и теоретики «объединяли» их в одно контрнаступление. Если оно одно, начинающееся 5 декабря, то победа за наши-

ми войсками несомненная. А если их «академически» отделить друг от друга, то получается победа в той фазе, которая была предпринята по инициативе Жукова (и присвоена Сталиным), и провал того общего наступления, которое предпринято по единоличному решению Сталина.

ИТОГИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Вначале несколько слов о мифах. Широко известен миф о непобедимости германской армии, порожденный и разрекламированный гитлеровской пропагандой и военным аппаратом. Он был необходим, создан умышленно и использовался для морального подавления противников. Надо прямо сказать, миф этот был не только хорошо разработан, но имел довольно убедительную основу: в несколько недель были разгромлены армии таких государств, как Франция, Польша, Бельгия, английские экспедиционные войска (под Дюнкерком). В прошлых войнах с этими государствами немцы бились годами, а тут в несколько недель все было кончено!

Однако история свидетельствует: полководцы, объявлявшие свои армии непобедимыми — Ганнибал, Александр Македонский, Наполеон и другие,— все же были разбиты. То же случилось и с гитлеровской военной машиной. Исход войны — самое убедительное доказательство рождения и гибели этого мифа.

На нашей стороне мифов тоже было немало. Один из них — о внезапности.

Воюющие стороны всегда пытаются оправдать свои поражения и ошибки разного рода объективными причинами или, попросту говоря, скрыть правду, потому что правда эта не в пользу тех, кто просчитался, кто виноват в поражении.

Как известно, гитлеровские руководители свалили свое поражение под Москвой на «генерала Зиму», как будто до начала войны они не знали, что в России бывают холода и снег. Об этом у любого немецкого школьника в учебнике по географии написано.

А чем мы объяснили наши беды, потери, отступления в первые месяцы войны? Внезапностью нападения Германии.

Давайте разберемся, была ли внезапность такой всеобъясняющей причиной. Не миф ли это?

Как все мифы, так и этот родился не просто так; как правило, они имеют какой-то импульс, и самое главное — миф кому-то и зачем-то нужен. Кому же и для чего он понадобился на этот раз?

Скажем прямо, момент нападения не столько проморгали (он был известен), сколько — самое страшное — не предприняли необходимых мер для отражения удара врага. Чтобы оправдать эту ошибку, надо было найти причину, так появилась «внезапность нападения»: мол, нас обманули! Но когда обманывают государственных деятелей, это не делает им чести, вот и возникает необходимость создать ширму.

О том, что агрессивные устремления Германии направлены на Россию, было широко известно. (Об этом достаточно подробно говорилось в первых главах.) По мере приближения часа нападения прибавлялись и разведывательные данные о подготовке вторжения. Тут надо сказать о прекрасной работе советской военной разведки (обратите внимание, не всей нашей разведки, а именно военной): она своевременно и полно информировала о готовящейся войне.

Разведку вели два мощных органа: Наркомат внутренних дел под руководством Берии и Главное разведывательное управление Наркомата обороны, которое возглавлял генерал Ф. И. Голиков. Его многие обвиняют в ошибках и упущениях. Не во всех он виноват, так как возглавил военную разведку всего за одиннадцать месяцев до начала войны (с июля 1940 г.). Однако что касается «внезапности нападения», то за это он полностью несет ответственность, потому что располагал обширной информацией, но не смог ее правильно оценить, обобщить и убедительно доложить Сталину.

Тут следует оговориться: два наших разведывательных органа не только работали на общее дело, добывая разведданные, но еще и конкурировали между собой, причем конкуренция эта была не на равных в смысле положения внутри нашей страны. Берия и его предшественники Ежов и Ягода по ложным обвинениям истребили и упрятали в тюрьмы очень многих опытных и талантливых руководителей военной разведки, включая и начальника разведывательного управления Берзина, прекрасного организатора, умного и тонкого разведчика.

Кроме Берзина один за другим были репрессированы исполнявшие обязанность начальника РУ, бывшие заместители Берзина, опытнейшие руководители разведки Никонов, Орлов, Гендин, Проскуров. После Проскурова и был назначен Голиков, который в разведке ранее не служил, специфики ее не знал.

К счастью, сохранилась агентурная сеть, созданная этими замечательными людьми, она продолжала работать. Однако постоянная угроза, нависшая со стороны Берии, сковывала работников военной разведки, подрывала их авторитет в глазах Сталина, порождала недоверие к их докладам. Печальный пример тому — происшедшее с Рихардом Зорге. Он был военным разведчиком, работал в Токио, подружился с германским послом Оттом, через которого получал достоверную секретную информацию. Приведу лишь одну его телеграмму от 15 июня 1941 года: «Война будет начата 22 июня». До этого Зорге сообщал о концентрации гитлеровских войск на нашей границе, о направлении ударов, сроках завершения подготовки и начала военных действий. Все эти сведения генерал Голиков имел, возможно, он их докладывал лично Сталину, ибо, как пишет Жуков, хотя и неизвестно, «что из разведывательных сведений докладывалось Сталину генералом Голиковым лично, минуя наркома обороны и начальника Генштаба, такие доклады делались неоднократно». Однажды, после войны, в разговоре на просмотре фильма о Зорге Жукова спросили, знал ли он об этом разведчике как начальник Генерального штаба. Жуков ответил:

— Впервые узнал о нем из этого фильма.

Беда с Зорге произошла потому, что Берия в докладах Сталину заявил, что Зорге — двойник, перевербованный немцами, и что его сведения — дезинформация. Когда Сталин сказал об этом подозрении Голикову, тот не сумел отстоять честность Зорге, и все его телеграммы (добытые с таким искусством и риском!) перестали принимать во внимание. Зорге вызывали «на совещание» в Москву, но Рихард, зная о судьбе некоторых военных разведчиков, исчезавших после таких вызовов, не поехал. Вскоре он был схвачен и казнен японской контрразведкой. У нас же его «зачислили» во «враги народа», а жену с дочерью репрессировали. Вот такая страшная судьба у замечательного патриота, талантливого военного разведчика Рихарда Зорге.

В Германии действовала хорошо законспирированная сеть советской военной разведки. Об этой секретной работе не раскрывают многих подробностей даже после окончания войны. Но проходят годы, «накал» секретности снижается, обжигающе-горячие сведения, прикосновение к которым в свое время могло стоить жизни, постепенно раскрываются. Недавно вышла книга Леопольда Треппера «Большая игра». Он один из участников подпольной разведывательной организации, которую называют «Красная капелла». Это название дало гестапо. Дело в том, что наши разведчики передавали сведения в «Центр» по радио. Эти радиопередатчики находились: три в Берлине, три в Бельгии и три в Голландии. Начинали они свою работу с условленной мелодии, по ней, как по паролю, в Центре опознавали своих «пианистов». Контрразведка гитлеровцев запеленговала несколько передатчиков и по этой мелодии назвала «музыкантов» «Красной капеллой».

Насколько это была широкоосведомленная организация, можно судить только по двум примерам: с 1940 по 1943 год «Красная капелла» передала в Центр около полутора тысяч донесений о передвижении войск, производстве военной техники, разработке новых видов вооружения и даже планах верховного командования. Так, рассказывая о разработке наступательной операции на Москву осенью 1941 года, Л. Треппер пишет:

«Один из членов «Красной капеллы» присутствовал на этом совещании в военных верхах — сегодня я могу открыть эту тайну. Стенограф, тщательно записывавший высказывания Гитлера и его генералов, был членом группы Шульце — Бойзена».

Разведка любой страны могла только мечтать о таком бесценном источнике! Я уж не говорю о других наших немецких друзьях, работавших в этой сети. А было их немало! В своей книге Треппер приводит такие цифры: 48 членов группы арестованы в Бельгии и Франции. Некоторые из них были казнены, 29 выжили, 30 избежали ареста.

Кстати, сам Леопольд Треппер тоже был арестован, только не гестапо, а нашим НКВД. После победы над Германией Особое совещание «оценило» его великолепную работу в нашей разведке 15 годами. Треппер провел в советских тюрьмах и лагерях до 1954 года и был наконец освобожден и реабилитирован. Его книга «Большая игра» вышла в 1975 году, была издана в 15 странах, но мы о ней узнали только в 1989 году.

Приведу еще свидетельство о самой широкой возможности получать разведывательные сведения быстро и, как говорится, из первых рук. В германском посольстве в Москве работал наш разведчик — антифашист Герхард Кегель. Он тоже написал книгу воспоминаний «В бурях нашего века», она вышла в Берлине в 1983 году, а у нас в 1987 году.

Вот только один пример, показывающий ценность информации, которую давал Кегель. Перед нападением Германии на Советский Союз в нашу страну под личиной представителя химической промышленности приехал один из руководителей нацистской разведки Шелленберг. В посольстве, в кругу людей, которым он доверял, Шелленберг не только говорил о скором начале войны, но и довольно подробно излагал, как и в какие сроки будут действовать войска. «Все значение рассказанного Шелленбергом я понял лишь позднее,— пишет Кегель,— когда стало ясно, что суть сообщенных им сведений является частью... плана «Барбаросса». Эти и другие сведения «я, разумеется, тщательно накапливал» и передавал Павлу Ивановичу. А последний был работником нашего разведывательного управления Генерального штаба, который в те дни уже возглавлял Жуков. Накануне нападения Кегель позвонил Павлу Ивановичу, вызвал его на экстренную встречу и предупредил о начале войны.

Куда шли эти сведения? Почему их не знал Жуков?

В большинстве армий других государств стратегические задачи разведке ставит начальник Генерального штаба, он же анализирует, оценивает и вырабатывает и проекты решений, соответствующие общей обстановке и данным, добытым разведкой. Жуков пишет сам по этому поводу, что начальник разведуправления генерал Голиков был выведен из непосредственного подчинения начальнику Генерального штаба и ходил на доклады к наркому обороны или к Сталину.

И это, несомненно, было еще одной из причин наших неудач в начале войны. Однако будет неправильным полагать, что Жуков находился в неведении о подготовке Германии к нападению, о силе ее армии, сосредоточении ударных группировок на наших границах и даже сроках начала войны. Все эти сведения были и у него, и у работников Генерального штаба, так как сводки разведывательного управления регулярно поступали в управления центрального аппарата и в штабы военных округов. Да и с генералом Голиковым разговоры в служебном порядке происходили нередко.

Но, имея достовернейшие сведения (а их было много!), мы оказались под сокрушительным ударом, а для того чтобы оправдаться, появился миф о внезапности.

Кто же виноват в этих бедах? Виновника установить можно без долгих поисков. Кто породил миф о внезапности нападения, тот и думал скрыть за ним свою вину. А кто породил? Первое официальное, на государственном уровне, заявление об этом было сделано в 12 часов дня 22 июня заместителем Председателя Совнаркома СССР и наркомом иностранных дел В. М. Молотовым. В первых же словах своего выступления Молотов назвал того, кто был автором формулировки о «внезапности»: «Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его

глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление...

Следовательно, поручили «Советское правительство и его глава товарищ Сталин...».

А что такое вообще внезапность в военном деле?

Наша советская военная наука определяет ее так: «Внезапность — неожиданные для противника действия, способствующие достижению успеха в бою, операции, войне. Внезапность является одним из важных принципов военного искусства и заключается в выборе времени, приемов и способов боевых действий, которые позволяют нанести удар тогда, когда противник меньше всего подготовлен к его отражению, и тем самым парализовать его волю к организованному сопротивлению».

Жуков понимал роль внезапности в современной войне. В своем выступлении на совещании перед большими маневрами в декабре 1940 года (о нем рассказывалось в предыдущих главах) он говорил: «Все приемы и способы оперативной тактической маскировки и обмана противника должны быть широко внедрены в Красную Армию и войти составной и неотъемлемой частью в систему обучения войск, командиров и штабов... Части Красной Армии в будущих наступательных сражениях и боях должны показать высокий класс оперативной и тактической внезапности».

В том же докладе, анализируя возможности войск в связи с появлением новой техники и массовым применением ее в боевых операциях в Европе, Жуков приходил к выводу, касающемуся именно внезапности: «Особенно важно то, что моторизация армии дает возможность в полной мере применить внезапность действий крупных размеров. Войска, предназначенные для наступательных действий, могут быть рассредоточены и скрыты в районах, удаленных от линии фронта на расстоянии 80—100 км, и к месту наступления могут быть переброшены одним маршем... Современное оперативное искусство и тактика, в результате внедрения в армию новых современных технических средств борьбы, получили такие могучие факторы, как скорость, внезапность и сила удара. На основе этих новых качеств значительно увеличилась оперативная и тактическая маневренность войск и их ударно-пробивная способность».

Знать-то мы про все это знали, но действовали не в ладу с таким знанием. После войны, обобщая ее опыт, Жуков в своих воспоминаниях говорит и о причинах, породивших «внезапность»:

«Генеральный штаб, нарком обороны и Сталин не делали практических выводов из новых способов ведения войны в начальный период. Наши оперативные и мобилизационные планы не отвечали характеру возникшей войны. Они соответствовали минувшим войнам, когда от объявления войны до вооруженного столкновения основных группировок проходило значительное время, позволявшее сторонам провести мобилизацию, сосредоточение и развертывание войск.

Все мы, и я в том числе, как начальник Генерального штаба, не учли накануне войны возможность столь внезапного вторжения в нашу страну фашистской Германии, хотя опыт подобного рода на Западе в начале второй мировой войны уже имелся».

Следовательно, причины наших неудач в первые месяцы войны надо искать не в самом факте внезапного нападения, а в том, что наше военное искусство, предвидение, расчетливость оказались хуже, чем у немецких военных специалистов.

Хотел написать — «они перехитрили нас». Но это будет неточное определение, хотя гитлеровцы и применяли дипломатию, дезинформацию и другие меры для введения нашего руководства в заблуждение. Но это одна сторона дела, главная же беда в том, что Сталин попался на эту приманку, проглотил ее и, как говорится, сидел перед началом войны на этом крючке Гитлера. Отмечу при этом, что Жуков, присоединяя себя к виновникам главного просчета, поступает так по этическим соображениям: не мог же он написать, что он это все предвидел, предлагал другие выходы, но его не послушали...

Мы в июне 1941 года обладали значительными военными силами, располагали пусть недоделанными, но все же мощными оборонительными полосами на границе, прекрасными природными оборонительными рубежами, выгодно для нас — с севера на юг — лежащими на пути наступающих. Один Днепр чего стоит! Запасы оружия и боеприпасов были сосредоточены на приграничной территории, их не надо было подвозить. Никто не мешал нам создать надежную систему связи, а наша армия, Генштаб оказались просто беспомощными и слепыми из-за отсутствия связи. Мы находились на своей земле и были вольны делать любые приготовления для отражения врага, но вместо этого Сталин и Молотов дезинформировали народ и армию, успокаивая, что войны не будет (напомню только сообщение ТАСС за несколько дней до нападения). Получается просто парадокс — наше руководство как бы само готовило эту внезапность.

В общем, наша страна, армия, военное и государственное руководство располагали необходимыми средствами для отражения пусть даже внезапного нападения. Все теоретики и практики войны считают, что для успешных оборонительных действий достаточно сил в три раза меньших против наступающего. А мы имели силы большие, чем гитлеровцы! В журнале «Коммунист» № 14 1988 года опубликован подсчет соотношения танков в начале войны: у гитлеровцев 3582 танка и штурмовых орудий, из них 1634 танка новейших конструкций. С советской стороны им было противопоставлено 1475 танков КВ и Т-34, которые на протяжении всей войны считались лучшими в мире, и большое количество танков устаревших конструкций. Ведь только с января 1939 года по 22 июня 1941 года Красная Армия получила более семи тысяч танков! Соотношение сил и средств советских войск и войск противника в полосе Киевского Особого военного округа на 22 июня 1941 года было в нашу пользу: по личному составу составляло 1,2:1; по орудиям и минометам — 1,4:1; по средним (Т-34) и тяжелым (КВ) танкам — 3,5:1; по легким танкам (Т-26, БТ-7) — 5:1; по самолетам — 2,5:1. Повторяю — в нашу пользу! Уже одно это сопоставление показывает, что причины неудач и поражений крылись

не столько в соотношении сил, сколько в способности распорядиться ими. (Расхождения в количестве и качестве типов танков и самолетов хотя и имеют значение для хода боевых действий, но не решающее, так как и в этом превосходство на стороне противника не было подавляющим.)

Неубедительно и объяснение некоторых теоретиков (да и практиков) успеха гитлеровцев, а наших неудач сосредоточением на направлении главных ударов превосходящих сил, которые сломили наше сопротивление. Это нисколько не оправдывает наших военачальников, а только еще раз подчеркивает их слабость по сравнению с гитлеровскими генералами, сумевшими создать — при равенстве сил — ударные группировки и нанести мощные удары. Позднее же сделал это Жуков под Москвой, а затем на Курской дуге! Не надо забывать: умение делать это, как и внезапность, входит в понятие военного искусства, в котором мы оказались, к сожалению, не на высоте. Это стоило нашему народу очень дорого.

Одним из крупных просчетов нашего командования, как установила теперь военная наука, было ошибочное предположение о направлении главного удара гитлеровской армии.

Давайте посмотрим на предвоенную карту: каковы очертания наших западных границ? Мне кажется, даже не будучи стратегом, но немного поразмыслив, легко увидеть, что кратчайший путь на Москву проходит через Минск и Смоленск (так вел свою армию и Наполеон). Здесь хорошо развитая система железных и шоссейных дорог, что очень важно для высокомеханизированной немецкой армии. Здесь аэродромы — находящиеся на территории Германии самолеты, базируясь на них, могут поддерживать действия своих войск на большую глубину. Все это очевидно.

Но Сталин приказал главные усилия сосредоточить на юге. Он не посчитался с компетентным мнением крупнейших военачальников, с Генеральным штабом, военными учеными и практиками. Исходя из своих единоличных, субъективных воззрений, Сталин приказал все имеющиеся планы и предложенный Жуковым план переработать и перенести главные усилия на юг. Это и исполнил Жуков в новом варианте по указанию Сталина; как он писал в своих воспоминаниях, «Сталин был для всех нас величайшим авторитетом, никто тогда не думал сомневаться в его суждениях и оценках обстановки...».

Теперь, когда все в прошлом, ход событий, история ясно показывают: своим волевым и, как оказалось, некомпетентным решением Сталин предопределил неудачи наших войск в начальный период войны, они уже были заложены в новом предвоенном плане стратегического развертывания, разработанном Генштабом в угоду Сталину.

К страницам «неизвестной войны» прибавлю еще и следующую. Сталин и Молотов, как уже говорилось, в соответствии с экономическим соглашением обеспечили гитлеровскую армию всем необходимым еще до начала войны. Как это ни парадоксально, но и с началом боевых действий снабжение гитлеровской армии горючим, продовольствием и другими военными запасами продолжалось, оно обрело лишь другую форму.

Дело в том, что согласно нашей доктрине — бить врага на его территории — огромные запасы были сосредоточены вблизи нашей границы, чтобы их можно было быстрее подавать войскам, которые, дескать, уйдут вперед — на Люблин, Варшаву, в Восточную Пруссию. Как стало теперь известно, почти половина всех наших запасов была расположена вблизи от границы и многое стало трофеями германской армии.

Вот подтверждение компетентного в вопросах тыла генерал-полковника Г П. Пастуховского: «...в случае агрессии пограничные военные округа (фронты) должны были готовиться к обеспечению глубоких наступательных операций... это, в свою очередь, обусловливало неоправданное сосредоточение и размещение в приграничных военных округах большого количества складов и баз с мобилизационными и неприкосновенными запасами материальных средств. По состоянию на 1 июня 1941 года на территории пяти западных военных округов (ЛенВО, ПрибВО, ЗапВО, КОВО и ОдВО) было сосредоточено 340 стационарных складов и баз, или 41 процент их общего количества. Здесь же размещалось значительное количество центральных складов и баз Главнефтесбыта и Управления Государственных материальных резервов. Необоснованная концентрация складов и баз в приграничной полосе стала одной из главных причин больших потерь материальных средств в начале войны».

Бывали часто случаи, когда механизированные корпуса, выдвигаясь для нанесения контрударов, расходовали на марше всю заправку горючего, а прибыв в назначенный район, не могли участвовать в боях из-за пустых баков и представляли собой прекрасные мишени для вражеской авиации.

30 июня 1941 года Главный интендант Красной Армии генерал-лейтенант А. В. Хрулев докладывал Жукову как начальнику Генштаба: «Дело организации службы тыла действующей армии находится в исключительно тяжелом положении. Ни я, как Главный интендант, ни Управление тыла и снабжения Генерального штаба на сегодняшний день не имеем никаких данных по обеспечению продовольственным и интендантским имуществом фронтов... Подвоза также нет, так как Главное интендантское управление не имеет данных, куда и сколько нужно и можно завозить».

Гитлеровские генералы в своих воспоминания с удивлением и радостью пишут о том, как они, израсходовав горючее, заправляли свои танковые и механизированные дивизии на наших брошенных базах, почему-то даже не сожженных.

Зададимся вопросом — кто же одержал верх в сражениях 1941 года?

О том, кто победил — не во всей войне, а на каком-то ее этапе,— обычно судят по захваченной или отданной территории, количеству артиллерии, танков и другой техники, а также по потерям — убитым, раненым.

Попробуем и мы оценить итоги боевых действий за 1941 год.

Что касается территории, то успехи гитлеровской армии очевидны: она дошла до Москвы, захватила Белоруссию, Украину, Латвию, Литву, Эстонию, Молдавию, несколько областей России. На этой территории проживало около 80 миллионов человек, что составляло почти половину населения Советской страны того времени. На этой территории было оставлено, уничтожено или с нее эвакуировано огромное количество промышленных предприятий. Тысячи колхозов не успели убрать урожай, миллионы голов скота не смогли перегнать из районов, захваченных врагом.

Ни одно государство в Европе, на которое нападала Германия, не понесло таких потерь и рухнуло при гораздо меньших утратах. Мы выстояли.

Цена тому, что мы выстояли, исчисляется и выражается человеческими жизнями. Враг не продвинулся дальше, потому что, начиная с пограничников, уничтожавших гитлеровцев в первые часы войны и на первых метрах нашей земли, и кончая бойцами и командирами, истребившими фашистских мотоциклистов в Химках, то есть на последних километрах, отделявших их от Москвы,— все, кто даже попал в оккупацию и плен, до последнего защищая занимаемый рубеж, отдавшие жизнь за свободу родины,— все они и есть та цена, которой стоила наша непокоренность и не отданная дальше Москвы земля.

Каковы же количества, цифры? Скажу сразу, они настолько велики, что страшно даже представить себе реально такое число жертв. И еще одна оговорка. Те потери, которые указывались в докладах Сталина, Молотова и других наших государственных деятелей, недостоверны, а точнее — фальсифицированы, как и последняя, итоговая,— 20 миллионов человек. По сей день подлинных потерь мы не знаем, а может быть, их и никто не знает, потому что учет всегда во всех инстанциях велся с тенденцией к занижению и даже скрытию наших действительных утрат. Вся статистика в период сталинщины была лживая и фальшивая, а с подсчетом человеческих жизней (а может быть, с ними тем более) обращались особенно бессовестно.

Итак, каковы потери сторон? Возьмем их на период с 22 июня 1941 года по конец марта 1942 года, когда Сталин все еще гнал вперед совершенно обессилевшие армии, требуя осуществления его гигантского замысла «общего наступления».

Потери противника регулярно фиксировались во всех частях и соединениях и в конечном итоге стекались к начальнику генерального штаба Гальдеру, он заносил их в свой дневник. Нет оснований считать эти сведения заниженными, так как Гальдер — повторю — вел их для служебных надобностей, а не для публикации.

6 апреля 1942 года он записал: «Потери с 22.6.1941 года по 31.3.1942 г.— Ранено — 23 541 офицер, 799 389 — унтер-офицеров и рядовых; убито — 8827 офицеров (в пять раз меньше, чем истребил Сталин советских командиров во время репрессий до начала войны.— **В. К.**); унтер-офицеров и рядовых — 225 553; пропало без вести — офицеров 855, унтер-офицеров рядовых 51 665. Итого потеряно 33 223 офицера, 1 074 607 унтер-офицеров и рядовых. Общие потери сухопутных войск на Востоке (без больных) составили — 1 107 830 человек, или 34,6 % их средней численности (3,2 миллиона человек)».

Как определить потери наших войск? Сделать это, понятно, непросто. Попробуем по документам педантичных немцев выяснить некоторые цифры. Вот выписка из фундаментального научного труда, написанного в ФРГ в семидесятые годы (это уже не геббельсовская пропаганда). При всей нашей настороженности и подозрительности все же попытаемся отнестись к этим данным аналитически.

«В боях под Белостоком, Минском, Смоленском, Уманью, Киевом, Брянском и Вязьмой к 18 октября 1941 года было пленено 2 миллиона 53 тысячи советских воинов... К концу 1941 года 3 миллиона 800 тысяч военнослужащих Красной Армии были в плену».

На 1 июня 1941 года наши Вооруженные Силы составляли немногим более 5 миллионов человек, из них 3 с лишним миллиона находились в западных приграничных округах. Следовательно, в 1941 году мы потеряли все, что было в приграничных округах, и если бы не призванные по мобилизации и не переброска из внутренних округов и с Дальнего Востока, то ни одного бойца и командира не осталось бы на пути врага.

Но правильны ли эти астрономические цифры? К сожалению, есть основания им верить. Приведу документ, написанный лично одним из кровавых палачей — комендантом концлагеря Освенцим (по-немецки Аушвиц) оберштурмфюрером СС Рудольфом Гёссом. Этот документ опубликовали в ФРГ в сборнике «Документы немецкой истории. 1939—1942 гг.».

«Я командовал Аушвицем до декабря 1943 года и считаю, по меньшей мере, 2 500 000 жертв было уничтожено с помощью газа и сожжения; минимум еще полмиллиона умерло от голода и болезней, что составляет в целом 3 000 000 мертвых. Это число составляет примерно 70 или 80 % всех лиц, которые были направлены в Аушвиц как пленные (имеются в виду узники разных стран, не только советские.— **В. К.**)».

А ведь лагерей таких было немало! И там творились такие же зверства, и цифры погибших там тоже с многими нулями.

Если бы фашист изворачивался, пытался преуменьшить число уничтоженных пленных, можно было бы усомниться в реальности приводимых цифр. Но он спокойно и хладнокровно называет их, без принуждения, сам, не рассчитывая ни на пропагандистские, ни на оправдательные цели. Таким образом, в цифру количества пленных в три с лишним миллиона, приведенную в первом документе, придется поверить.

А сколько было на фронтах убитых и раненых? Возьмем по аналогии с немецкими данными: у них соотношение убитых и раненых примерно 1:4, т. е. на каждого убитого четверо раненых. Так как считается, что у нас убитыми за это время было около миллиона, то общее число раненых составит около 4 миллионов. (Разумеется, все эти подсчеты приблизительные, но в основу их заложены достаточно достоверные

цифры.) И это лишь в первые девять месяцев войны!

Такова цена недальновидности, своеволия, деспотии Сталина и покорности всех, кто его окружал.

Чтобы мои суждения не выглядели субъективными, приведу мнение доктора исторических наук генерал-лейтенанта Н. Павленко:

«Ни в одной области человеческой деятельности не стоит столь остро вопрос о качестве руководства людьми, как в вооруженной борьбе. Это обусловлено главным образом тем, что в такой борьбе за все приходится расплачиваться кровью — и за успехи, и за неудачи. Причем за неудачи, просчеты и ошибки зачастую более дорогой ценой, нежели даже за крупные достижения стратегического масштаба. Вот почему руководить войсками в боевой обстановке методом «проб и ошибок» не только недопустимо, но и преступно...

Наиболее крупные ошибки, порой трагического характера, совершались в стратегическом звене руководства войсками. И многие из них — лично И. В. Сталиным, который, по оценке маршала Г. К. Жукова, и перед войной, и в начале ее имел весьма смутное представление о военном деле. Тем не менее на протяжении свыше полутора лет (начиная с весны 1941 года) он мало считался с мнениями военных специалистов, полагая себя единственным стратегом. Только суровая действительность осени 1942 года поубавила амбиции полководца.

Общий итог войны за 1941 год, наверное, следует определить по осуществлению задач, которые ставили перед собой сражающиеся стороны.

Гитлеровская армия не осуществила цели, поставленные в плане «Барбаросса»: «победить путем быстротечной военной операции Советскую Россию... Конечной целью операции является выход на рубеж Архангельск — Волга». Цели эти не достигнуты. «Молниеносная война» не состоялась. Но захвачена огромная территория, причинен огромный экономический ущерб нашей стране, большие потери понесла Красная Армия. Наряду с этим Германия потерпела непоправимое политическое поражение, противопоставив себя как агрессор всем миролюбивым странам мира, в результате чего сложилась антигитлеровская коалиция, в которую вошли такие мощные союзники, как СССР, США и Англия. Во всех странах Европы, захваченных Германией, поднимались прогрессивные силы на борьбу с фашизмом.

Советская страна не осуществила свою военную доктрину: не только «один вершок», а огромное пространство было захвачено врагом, военные действия не были перенесены на территорию противника, не удалось воевать «малой кровью», кровь лилась реками, «братья по классу» не поднялись в тылу врага и не помогли первой в мире «самой прогрессивной» социалистической системе, немецкие «братья по классу», одетые в гитлеровскую военную форму, опьяненные посулами богатой жизни, творили чудовищные зверства на земле и в городах советских тружеников. Но, несмотря на огромные потери, Советская страна устояла на этом самом трудном и критическом этапе войны.

Если использовать для образного сравнения схватку двух боксеров, то, можно сказать, первый раунд закончился для немецкого бойца более успешно, однако и соперник его, побитый, весь в кровоподтеках, хоть и побывал несколько раз в нокдауне, но на ногах стоял твердо. Изловчившись, в свою очередь, он воспользовался удобным моментом и потряс гитлеровца сокрушительным ударом под Москвой. Противник тоже побывал в нокдауне.

В целом объективность требует прийти к следующему выводу: первый раунд закончился с преимуществом немецкой стороны. Впереди предстояли еще кровопролитные схватки. Окончательную победу еще предстояло одержать в последующих раундах.

Но, зная исход борьбы, все же скажем, что для советской стороны это был раунд, который вошел весомым слагаемым в окончательную победу.

Личный вклад Г. К. Жукова на первом этапе войны очень значителен. Без преувеличения можно сказать, Жуков был один из немногих военачальников, который не растерялся в труднейшей критической ситуации, сохранил способность спокойно оценивать положение и руководить боевыми операциями.

Жуков первый на порученных ему участках фронта (Ленинград, Москва) организовал оборону, которую не смогли преодолеть гитлеровские армии. Он провел первые успешные наступательные операции под Ельней и в битве за Москву, которые причинили не только урон противнику, но еще имели огромное вдохновляющее значение для Красной Армии, для всего советского народа.

В единоборстве с опытнейшими, широко образованными профессионалами войны, каковыми были немецкие фельдмаршалы Браухич, Лееб, Бок, Клюге и мастера танковых сражений Клейст, Гудериан, Гёпнер, Рундштедт и другие, Жуков оказался более талантливым и искусным в организации и проведении сложнейших операций и одержал над ними победы, причем в невыгодных для себя, худших для своих войск условиях обстановки и обеспеченности необходимым вооружением и снаряжением.

И это было только начало, талант Жукова созревал, набирал силу.

Конец первой книги

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ КАРПОВ

Маршал Жуков,

его соратники и противники
в годы войны и мира

(Окончание)

Учредители: Трудовой коллектив «Роман-газеты»
Государственный комитет СССР по печати
Союз писателей СССР

Редактор *В. Малюгин*
Художественный редактор *А. Моисеев*
Корректоры *О. Наренкова, Л. Волкова*

Иллюстрация *Л. Хайлова*
Технич. редактор *Г Морозова*

Сдано в набор 27.02.91. Подписано в печать 04.04.91. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 11,34. Уч.-изд. л. 13,93. Тираж 2 886 000 экз. (1-й з-д 1—2 386 000 экз.) Заказ 362. Цена 1 р. 10 к.

Адрес Издательства «Роман-газета»: 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати
142300, г. Чехов Московской обл.

Рукописи ранее не опубликованных произведений редакцией не принимаются и не рассматриваются.
Во всех случаях полиграфического брака просим бракованные экземпляры отсылать для замены в типографию, где печатался данный экземпляр.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Редколлегия «Роман-газеты», изучив поступающие в редакцию читательские отзывы на опубликованный список литературы («Роман-газета» № 6), подвела первые итоги. По подавляющему большинству голосов в план будущего, 1992 года вошли следующие произведения:

Валентин Пикуль. БАРБАРОССА. *Роман*
Владимир Успенский. ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК ВОЖДЯ. *Роман.* Книга третья
Анатолий Рыбаков. СТРАХ. *Роман.* (Вторая книга романа «Тридцать пятый и другие годы»)
Дмитрий Балашов. СВЯТАЯ РУСЬ. *Роман*
Сборник «Зарубежный детектив»
Александр Солженицын. АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО. *Роман*
Олег Волков. МОСКВА. ПЕТЕРБУРГ *Историко-художественное повествование*
Валерий Ганичев. ФЛОТОВОЖДЬ. АДМИРАЛ УШАКОВ. *Историческое повествование*
Анатолий Калинин. ЦЫГАН. *Роман.* Часть седьмая
Юрий Бондарев. ИСКУШЕНИЕ. *Роман*

В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 1991 ГОДА
В «РОМАН-ГАЗЕТЕ» ОПУБЛИКОВАНЫ:

№ 1—3. **Валентин Пикуль.** НЕЧИСТАЯ СИЛА. *Роман*

№ 4. **Виктор Астафьев.** ЛЮДОЧКА. *Повесть*
Леонид Бородин. ТРЕТЬЯ ПРАВДА. *Повесть*

№ 5—6. **Джон Фаулз.** ПОДРУГА ФРАНЦУЗСКОГО ЛЕЙТЕНАНТА. *Роман. Перевод с английского*

№ 7—8. **Владимир Успенский.** ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК ВОЖДЯ. *Роман. Книги первая и вторая*

№ 9. **Василий Белов.** ГОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА. *(Хроника зимней поры.)*

№ 10. **Владимир Солоухин.** СМЕХ ЗА ЛЕВЫМ ПЛЕЧОМ.

№ 11—12. **Владимир Карпов.** МАРШАЛ ЖУКОВ, ЕГО СОРАТНИКИ И ПРОТИВНИКИ В ГОДЫ ВОЙНЫ И МИРА.

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Если Вам доставили бракованный экземпляр «Роман-газеты», надо отослать его для замены в типографию, которая его печатала.

Адрес типографии, выпустившей бракованный экземпляр, указан в выходных данных на последней странице текста.

Редакция «Роман-газеты»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Валерий ГАНИЧЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Сергей АЛЕКСЕЕВ; Юрий БОНДАРЕВ; Семен БОРЗУНОВ; Витаутас БУБНИС; Олег ВОЛКОВ; Геннадий ГОЦ; Юрий ГРИБОВ; Владимир ГУСЕВ; Владимир ДУДИНЦЕВ; Александр ЖУКОВ (ответственный секретарь); Сергей ЗАЛЫГИН; Феликс КУЗНЕЦОВ; Леонид ЛЕОНОВ; Виктор МЕНЬШИКОВ (заместитель главного редактора); Василий НОВИКОВ; Петр ПРОСКУРИН; Валентин РАСПУТИН; Леонид ФРОЛОВ.

1 р. 10 к.

РОМАН-ГАЗЕТА 12

70782